

КОМНАТА НАОМИ

ДЖОНАТАН ЭЙКЛИФФ

Чарльз и Лора молоды и счастливы в браке. Оба принадлежат к привилегированному обществу Кембриджской академии. Незадолго до Рождества, Чарльз с дочерью, Наоми, отправляется на распродажу, в Лондон. Но к концу дня все, что остаётся ему и его жене, Лоре — чашка чая и сочувствие полиции. Потому что Наоми — их единственная и прекрасная, как ангел, дочь пропала, а днем позже было найдено ее тело.

Но насколько она мертва?

Завораживающая история Джонатана Эйклиффа повествует о прошлом и настоящем, днях, наполненных невыносимой агонией. Психологический шедевр гарантированно заставит вас погрузиться в леденящий до глубины души ужас.

Джонатан Эйклифф

Комната Наоми

Жанр: ужасы, мистика

Возрастное ограничение: 18+

Перевод: 1–6 главы — Госпожа Х

7–28 главы — МонаBurumba

Редактура: МонаBurumba

Русификация обложки: Heksany

Предупреждение: Если у вас имеются триггеры, связанные с детьми, ни в коем случае не читайте!

Глава 1

Я нашел их вчера, совершенно случайно. Фотографии. Те, которые мы сделали в Рождество годы назад. И более поздние, которые сделали в Египте. Воспоминания о зиме. Я думал, что они потерялись или были уничтожены. Или, может, мне хотелось так думать.

Они лежали в ящике на чердаке, в жестяной коробке — той, где когда-то хранился торт из чайного набора Бетти в Харрогите. Пирог с имбирем и грецким орехом, таким же, как у вас — с кусочком сыра «Венслидейл» и чашкой китайского чая. Не знаю, как фотографии оказались внутри. Уверен в одном — их положил туда не я. И знаю, что Лора тоже этого не делала.

В любом случае, чтобы быть совершенно уверенным, на этот раз я их сожгу. У меня есть маленькая бутылка керосина, и для этой цели ее будет вполне достаточно. Вечером я отнесу фотографии в сад, разожгу небольшой костер возле ясеня и уничтожу их. Прошлое давно ушло и не имеет значения. Возможно, сожжение подарит мне немного покоя. Как было бы хорошо. Немного покоя.

Солнце снаружи цвета желтого мрамора. Мороз оставил на стене дорожку инея.

То, что я нашел их — случайность? Или память, дремлющая год за годом, пробудилась и привела меня туда, инстинктивно подстраиваясь к тому же холоду, каким наполнена моя жизнь. С момента этих фото прошло ровно двадцать лет. Все началось и окончилось здесь, в Кэмбридже — в этом самом доме, в этих самых комнатах. Эти стены помнят все так же, как и я. Так почему события минувшего не должны оставить тут отклика?

Вчера мне снова снился тот же сон. Он не посещал меня уже много лет. Была ли она опять здесь? Приходила ли ко мне вчера ночью? Сегодня я обязательно схожу в церковь и поставлю за нее яркую свечу, даже если это бесполезно.

В то время яшень на заднем дворе был намного меньше. Мне было тридцать, Лоре двадцать шесть. Наш брак длился уже шесть лет. А Наоми... Наоми было четыре. Лучший в колледже, и любимчик преподавателей. Я только получил стипендию, и из общежития на Хангтингтон-Роуз мы переехали в этот дом, в Ньютаун.

Когда тебе тридцать, жизнь идет своим чередом, и кажется, что так будет всегда. Дом должен был остаться нашим пристанищем навсегда, или, по крайней мере, до получения

мной профессорской должности. Мы планировали завести второго, а может, и третьего ребенка. Хотели ставить зимой украшенную ель, пить чай днем, жарить тосты на открытом огне, слушать пианино поздними вечерами и наблюдать за снежинками, медленно кружащимися в воздухе.

Когда тебе тридцать, жизнь кажется такой размеренной.

Я написал диссертацию о значении символа Рождества в поэме «Сэр Гавейн и Зеленый Рыцарь». Как только работа была закончена, университетская газета предложила мне ее опубликовать. Я занимался любовью с Лорой почти каждую ночь, внутри нас пылал огонь. Наоми обычно играла в дочки-матери со своими куклами в коридоре, возле моего кабинета. И пела им своим нежным детским голоском:

«Апельсинчики как мед,
колокол, в Сент-Клемент бьет...»

Прошлой ночью, в своем сне, я снова слышал ее пение.

Зима 1970 года в Кембридже выдалась суровой. Весь ноябрь шли ливневые дожди и дул штормовой ветер. Земля пропиталась водой и поля превратились в грязь. В начале декабря осадки прекратились и все просохло, а вот вторая половина оказалась холодной и снежной. Мороз украсил деревья сосульками, большинство дней стояли туманными, а на изогнутых крышах здания колледжа лежал снег. Стены моего кабинета, напротив, были теплыми — их прикрывали корешки книг красного и зеленого цветов. Старая кожа, покрытая золотыми буквами. В этом помещении я и проводил большую часть своего времени, занимаясь написанием диссертации, уроками и играми с Наоми.

Большую часть времени мы с ней гуляли по улицам, от Трампингтон-стрит до Пембрука, где я забирал доставленную мне почту. Потом мы шли в «Фицбилли» за выпечкой — Наоми особенно любила их булочки «Челси», которые зажимала в кулачке с неожиданной ловкостью. А потом, взявшись за руки, мы отправлялись домой. Шагая по пустынным улицам, Наоми весело размахивала бумажным пакетом. Темнело тогда рано, потому включали подсветку, и мы проходили мимо, любуясь зимним колдовством. Я хорошо помню, какой она была в теплом свете ламп, в своем желтом пальто и красном шарфике.

В какой-то момент на улице Сидней зажглись рождественские огни. Это Рождество должно было стать первым осознанным для Наоми. Ее радостное возбуждение оказалось заразительным. Мы с Лорой пошли на Оленью улицу, ту, что на пересечении Хантингтон и Хистон-Роуд, и принесли домой ель. С помощью Наоми украсили дерево огоньками и мишурой, а на верхушку посадили ангела, авторства Берн-Джонса. Ель была такой высокой, что рыжие волосы игрушки упирались в освещенный разноцветными огнями потолок.

Наоми стояла возле ели часами, наблюдая, как комната отражается в большом серебряном шаре, который медленно вращался на самой нижней ветке. Однажды наша дочь даже уснула у самого подножья дерева, крепко сжимая в руке кусочек голубого банта. А по радио звучала колядная песня:

«Я видел, как приплывают три корабля
В день Рождества, день Рождества...»

В воскресенье Заговенья мы пошли в часовню Рена, при колледже, на богослужение. Наоми шла между нами с торжественным лицом, словно ребенок викторианской эпохи, спрятав крошечные ручки в огромную меховую муфту.

В этом году хор звучал как-то странно. С тех пор я больше никогда не слышал, чтобы они так пели. Казалось, что голоса принадлежат не им, а всем предыдущим поколениям хористов, каким-то образом, получившим доступ к исполнению. В промежутках, во время проповеди, или пауз, кто-то мог удушливо закашляться. Но в момент, когда звучали голоса, никто не двигался. Мы все словно стали витражом, залитым идеальным светом свечей.

Наша семья не была слишком религиозной. И я, и Лора воспитывались как англиканцы, но вера наша не выражалась как-то фанатично, проявляя себя только во время Рождества, Пасхи, свадеб или похорон. Однако в час Заговенья, там, под высокими сводами часовни, заполненными звуками песни, мы почти уверовали. Я и сейчас верую, только по другим, собственным причинам.

Не красота витражей или свет свеч привели меня к вере. Страх. Вот что мной двигало. Безотчетный и безбрежный страх.

В ту ночь Наоми вряд ли удалось бы уложить. Ей хотелось, чтобы я пел, разучивая с ней колядки для младенца Иисуса. Она была ребенком, которого можно брать с собой на концерт или религиозную службу не испытывая смущения. Серьезная, иногда даже торжественная. Но под этим скрывались легкость и смех, которые можно даже назвать глупыми. Иногда во время игры, когда ее лицо оставалось серьезным, Наоми могла внезапно разразиться хохотом, мгновенно преобразившись.

Я так сильно ее любил. Думаю, даже больше, чем Лору. Наверное, все отцы любят дочек примерно так.

А фотографий много. Даже больше, чем мне запомнилось. Я положил их на кухонный стол рядами, словно кусочки мозаики. Меня там почти нет — я выступаю в роли фотографа.

На этой Лора стоит перед Королевским Колледжем и улыбается, словно туристка. Позади нее можно разглядеть припорошенный снегом двор и заснеженную полосу травы у стены колледжа.

Вот Наоми, под той самой елкой — в руке зажата голубая лента, а возле ног целая куча подарков. А это фото сделал кто-то другой, может, Галлен или Филипп. На нем запечатлены мы втроем — Лора, Наоми и я на рождественском чаепитии в главной комнате отдыха. Тогда до окончания семестра оставалась примерно неделя и я, кажется, даже помню разговор о метафорах. Значит фотографом скорее всего был Рэндольф.

В том семестре я читал лекции по Беовульфу для второго курса. А по вторникам и средам проводил занятия в своем кабинете, в колледже — это было прекрасное старинное помещение с видом на сад. Пембрук — колледж, которым, к счастью, не интересовались туристы. В нем нет архитектурного величия, как у Королевского, Тринити или колледжа имени Джонна, потому американцы и японцы нас избегали. Однако некоторые посетители приходили посмотреть часовню Первого Причастия Рена, но их было немного. словно паломники, которые пришли в монастырь в момент нужды.

Я все еще преподаю в том кабинете, вижу в нем учащихся, а иногда встаю с преподавательского кресла и смотрю в окно на одно из самых тихих мест мира. Но в душе моей нет покоя. Я неприкасаемый. Мое время паломничества минуло давным-давно.

Все свое время Лора проводила с Наоми. Она бросила работу в Музее Фицвильяма незадолго до рождения дочки. Ее дело не было трудным. В основном занесение данных в каталог и выдача брошюр посетителям музея. Моя жена получила диплом по Истории

Искусств, и ей предлагали место аспиранта в Ньюхеме, однако Лора выбрала брак и материнство. Мы думали, что она подаст повторную заявку и начнет работу над докторской, как только Наоми пойдет в школу. Лора даже наметила тему: «Сексуальность в работах Балтуса».

Мы планировали наши жизни, словно архитекторы счастья.

А вот и моя собственная фотография, одна из немногих в то время. Я сожгу ее вместе с остальными.

Назвался груздем...

Едва узнаю себя: длинные черные волосы на плечах, короткая бородка, слегка высокомерное выражение лица — самодовольство мужчины, который не может ошибаться. Я вел шикарную жизнь — жена-красавица, прекрасная дочь, должность в одном из лучших университетов страны... Сфотографируй меня кто-то сегодня, на фото не осталось бы ни следа того времени. У меня больше нет ожиданий, моя жизнь стала другой. Но сделать свое фото я не позволял годами.

Становится поздно. Сожгу их завтра. Знаю, что пора спать, но не могу себя заставить. Правда, не могу. Этот дом слишком большой для одного человека, в нем слишком много звуков, чтобы мой разум смог успокоиться. Давным-давно стоило вернуться в общежития колледжа. Лет двадцать назад.

Мы дураки, и предаем себя по таким незначительным причинам. Я тогда думал, что воспоминания важны. Важно находиться на том самом месте.

Хорошо, ладно. Признаю. Теперь я боюсь подниматься наверх, боюсь того, что услышу. Или увижу. Там может находиться она. В конце концов, я не пошел в церковь и не зажег свечу за упокой. Конечно, молиться можно и дома, возле маленькой статуи Богородицы, что стоит в гостиной, но это не поможет. Не прогонит мои страхи или тьму. Или звуки в доме.

Раньше я ходил наверх, просто чтобы убедиться, что все в порядке. Неожиданно и чудесно, дом оказался заполнен тишиной, которую я с жадностью впитывал, словно человек, вышедший из долгого заключения. Мне было мало. Но в этой тишине не оказалось ничего обнадеживающего или утешительного. Все всегда начиналось с тишины.

Смотреть вниз было ошибкой. Не стоило этого делать. Я бросил взгляд на пол — там что-то лежало, на ковре, возле старой детской — комнаты Наоми. Краешек голубой ленты. Конечно, я не касался ее. Ведь она могла быть все еще теплой

Глава 2

В том году Рождество наступало медленно и нерешительно, будто на грани бедствия — чуда рождения без люльки или путеводной звезды. Помню со сверхъестественной точностью — каждый день зимы запечатлелся в моей памяти, так же, как часы и минуты отпечатываются в памяти больных и выздоравливающих. Рождество наступало под звуки музыки и чистейший, словно сень распростертых крыльев, снегопад. Это был исход, рождение наоборот, ибо небо сотворило землю, а дух стал плотью. Тогда я думал точно так же — когда к нам приближался тот самый белый корабль, несущий груз несбывшегося. «Я видела, как приплывают три корабля...» Это была ее любимая песня.

Вчера она снова явилась ко мне во сне. И пела ту самую песню. Как и всегда. Сегодня я проснулся, ощущая оцепенение — в кресле, перед холодным камином. Уже пробило десять. Нетронутая чашка остывшего кофе стояла на полу, возле кресла. Сон совершенно не помог.

Сегодня в расписании стояла лекция, но, думаю, мне удастся ее отменить. Не могу сконцентрироваться. Может я заболел? Фотографии остались на кухне. Там, где я оставил их вчера.

Записывать мысли немного помогает. Мне нужно завести дневник, возможно, так моя память обретет немного места, и я смогу сказать себе: «Посмотри, там записано все, черным по белому, и тебе больше не нужно помнить. Оставь попытки».

Да, наверное, я смог бы. Но не думаю, что памяти моей будет важен такой довод. Это, скорее, похоже на старый трюк, выученный в школе. Ты говоришь кому-то: «Что бы ты не делал, не думай про обезьяну». И, конечно, он уже не может забыть. Все, о чем будет помнить этот человек — «не думать про эту чертову обезьяну». Спрашиваешь, «ну что, не думаешь про обезьяну»? Но уже знаешь ответ. Конечно же он помнит. Эта мартышка отпечаталась в его памяти. Процесс забвения сам по себе стал триггером для памяти и фразы, такие как вот эта, навсегда останутся в голове. Будешь пытаться забыть — сделаешь только хуже.

Я понял, что почти ничего не написал про Лору, будто считал, что она совсем не важна. Как такое возможно? Ведь я ее любил.

Мы познакомились в начале второго курса. Она училась в Ньюхеме, я только поступил в аспиранты и начал восхождение по карьерной лестнице. Студенты основали музыкальную группу, которую называли «Musica Antiqua Cantabrigiensis». Сходство их репертуара прослеживалось с голландским ансамблем «Syntagma Musicum», и основатели точно так же черпали вдохновение из знаменитой книги Преториуса, где были собраны композиции 1050–1650 годов. Я играл на крумхорне, шалмее и бас-рекордере, а Лора пела чистым альтом. «Basiez moy, ma douce amyе, Par amour je vous en prie Non feray»... Так мы и встретились.

Мы обменивались взглядами между песнями о любви, сочиненными в Провансе, и гимнами Богородице. В холодных залах колледжа и пыльных церквях — сквозь белые просторы бесконечной зимы. А потом, еще до весны, стали любовниками. Помню теплую комнату и нашу одежду, сваленную на пол. Первое касание ее кожи моей, и гортанный вскрик прекрасного голоса, когда я вошел в нее. Сейчас даже странно думать, что я вообще мог быть таким страстным.

Сразу после того, как Лора получила диплом, мы поженились. Как и многие дети своего поколения, «Musica Antiqua Cantabrigiensis» быстро прекратила свое существование. Но в честь дня нашей свадьбы члены ансамбля снова собрались вместе. Они пели и играли для нас в приходской церкви, в Уилтшире, где когда-то крестили Лору.

«Поцелуи сладки и нежны
Они — пища жизни моей
Крадут сердце
а затем возвращают.
И как поруганная душа,
Смотри, смотри,
Не чужая агонии смерти
Они умирают...»

Лора надела белое платье с длинной-длинной фатой, украшенной маленькими золотыми цветами. Ее волосы были собраны в красивую прическу, как у прекрасной Эниды из романа Кретьена де Труа: золотая нить, вплетенная в длинные светлые волосы и цветочный венок всех оттенков радуги. У меня есть фото — одно единственное — с этой свадьбы, которое я храню в прикроватной тумбочке, в спальне. Иногда достаю и люблюсь. И с каждым разом мне кажется, что это фото выцветает. Волосы перестают отливать золотом, а цветы в венке иссыхают.

Наш медовый месяц прошел в Венеции, среди блондинок и исторических мест. Летом когда каналы заполнены гондолами, а улицы — туристами. Но мы их не замечали. Лора показала мне безумную красоту города — богатства Академии, церкви, дворцы, мозаику Святого Марка, Ка д'Оро и спокойные волны серой заводи.

Взамен — за завтраком или поздними вечерами — я читал ей длинные отрывки в прозе или стихах, где город показывали измененным и заполненным совершенно другим смыслом. Тогда мы проходили километры в поисках того, о чем читали еще день назад. Каждый вечер возвращались в отель, закрывали огромные окна в номере и, одетые лишь в медные тени, отдавались огню, накопленному за долгий день. Сначала соприкасались руки, затем губы, следом тела, а после и тени, пляшущие на покрытой пятнами стене. В такой обстановке и была зачата Наоми, под звук воды, ласкающей камни.

Да, Наоми появилась там. Наоми и кое-что еще.

Утром лента исчезла, но вечером снова появится. Или, может, что-то такое же знакомое. Она сама, возможно, сейчас там — играет, поет, разговаривает с куклами. Думаю, моя девочка жаждет этих фотографий, желает, чтобы я их не сжигал. Для нее фото важны.

Все утро я оставался недвижим. Даже сейчас сижу в том же кресле, в котором спал. Способна ли она на такое? Обуздать таким образом мою волю, пока я не пообещаю оставить фотографии и не сжигать их? Очень может быть. Я совершенно не представляю, на что способна моя любимица.

В тот четверг был Сочельник. Семестр закончился неделей ранее, и мы ходили на вечеринки, совершали покупки и навещали Санту в торговом центре Тейлора. Я дописал статью по переводу книги Паулины Матерассо «*Queste de Saint Graal*» — «Путешествие за Святым Граалем», для журнала Медиум Оовум. Лора вырезала ангелов из фольги и вместе с Наоми развесила их в гостиной.

До этого года мы проводили праздники либо с моими родными, либо с родными Лоры. Решение остаться дома на Рождество мы приняли из-за Наоми, чтобы позволить ей насладиться праздником в знакомом месте. Родители Лоры планировали приехать в Кембридж на своем дряхлом зеленом «Хамбере» в День Подарков. В холодильнике их ждало винное желе темно-красного цвета, и бутылка сладкого тернового джина, темно-сливового, как синяк, образовавшийся от мощного удара.

Наоми встала рано утром, едва сдерживая волнение. Ясно помню, как она пришла к нам в комнату с покрасневшимся лицом и широко открытыми сияющими глазами.

— Приходил Санта-Клаус! Он был у нас!

— В смысле? — произнес я, — Сегодня только утро сочельника. Он появится только этой ночью.

— Но он был тут! И натоптал нам возле камина!

— Правда? А как ты узнала, что это следы Санты?

— Ну конечно, это его, глупый. Кто еще мог спуститься по трубе?

— Наверное, мне лучше спуститься и посмотреть самому, — я повернулся к Лоре, — пойдешь с нами, любимая?

— Дымоход — это твоя забота. Еще очень рано, и я хочу поспать.

Я встал и пошел с Наоми. Там, на ковре — и я это знал — были следы, присыпанные искусственным снегом.

— Эти следы слишком маленькие, дорогая моя. Наверное, они принадлежат одному из помощников Санты, эльфу. Вероятно, он приходил, чтобы понаблюдать за тобой ночью.

— А кто такой этот эльф?

— Ну же, милая. Разве ты не помнишь историю Руперта Беара? Мы читали ее на прошлой неделе.

Наоми кивнула.

— Такой же эльф, как там. Человечек с острыми ушками.

— А-а-а... Ты говоришь про гномов?

Я покачал головой.

— Нет. Я имею в виду эльфа. Между ними огромная разница.

— Какая?

Так мы потратили часть утра, обсуждая гномов, эльфов и гоблинов и то, чем они отличаются друг от друга.

«И я пойду в Авалон,
К самой прекрасной из всех дев,
К Арганте, их королеве,
Прекраснейшей фее,
Она исцелит мои раны...»

Но никакой эльфийской деве никогда не залечить их, ни здесь, ни в Авалоне.

Луч солнца вползает в окно. Ощущаю себя бодрее, но я уже позвонил на кафедру и попросил мисс Норман повесить объявление, что меня сегодня не будет. Она, конечно, ни о чем не догадывается — слишком молода. Полагаю, в 1970 мисс Норман была еще ребенком — в возрасте Наоми или около того. Для нее Рождество — это ужасные огни на Хай-стрит, песни Слейда и Клиффа Ричарда, и дурацкие игровые шоу по телевизору.

До Рождества осталось всего несколько недель. Я вижу, как люди возвращаются домой с тяжелыми сумками или волочат за собой елки. Кажется, везде есть дети. Кто-то совершенно бесчувственный прислал мне открытку на днях. Друзья знают меня лучше и не общаются в рождественские праздники. На той открытке был изображен веселый Санта и несколько малиновок. И надпись: «Желаю вам радости на всю зиму».

Радости? Для меня ее не существует. Ни на Рождество, ни в любое время года.

Сегодня после полудня я решил пойти в церковь. Свечи, конечно, не удержат ее, но я смогу ощутить поддержку. Католиком я стал десять лет назад. Священник мой был совсем молодым, он ничего не знал ни о моей семье, ни о прошлом. Я рассказал ему только самое необходимое, оставив сокровенное там, где должно хранить его, глубоко в сердце. В лоно

церкви меня приняли без лишних церемоний и суеты, как я и хотел.

Мессу Богоматери в костеле Английских Мучеников на Хиллс-роуд я посещаю регулярно. И сожалею, что мессы ведутся не на латыни, а на современном английском. Я гораздо больше привержен традициям, чем те, кто был воспитан в строгой католической вере. С новообращенными всегда так. Хорошо понимаю традиционную латынь, могу читать Аквинского в оригинале. Мне хочется наслаждаться именно старой формой богослужения, его эманациями, нюансами. Если я когда-нибудь буду присутствовать при экзорцизме, то настою, чтобы он проводился по всем правилам — на латыни.

Раньше, прежде чем лечь спать, Наоми обязательно молилась. Потом Лора или я укладывали ее в постель. На тумбочке у кровати стоял ночник в виде поезда. Он всегда двигался, беззвучно, бесконечно, никогда не достигая станции назначения. А молитва Наоми всегда звучала простым искажением всем известной фразы:

«А сейчас ложусь я спать,
Господу хочу сказать:
пусть за мною глаз да глаз,
береги меня сейчас».

Мы спрашивали ее, откуда она взяла это и почему использует такие странные слова.

— Я будто вижу глаза, и они за мной наблюдают, — говорила дочь, — когда ложусь в кровать. Он сказал, что глазки у него маленькие, но видят все-все. Мне не нравится, что он смотрит.

— Кто этот он, малышка? — спросил я. — Кто на тебя смотрит?

— Никто, — ответила Наоми.

Больше из нее ничего вытянуть не удалось.

Позавтракав, мы с Наоми махнули рукой Лоре и отправились к стоянке такси. На мне была тяжелая шерстяная шинель, на Наоми — желтое пальто и красный шарф. Такой она и осталась в моих воспоминаниях, будто всегда носила только эти вещи.

Мы планировали отправиться в Лондон на весь день и вернуться только с закрытием магазинов. Лора хотела, чтобы мы ушли, а она смогла наготовить еды на два дня — сегодня и завтра.

К нам на Рождественский ужин были приглашены друзья: коллега из моего отдела с женой, старый наставник Лоры из Ньюхэма, и мой университетский стипендиат. Когда они придут, Наоми отправилась бы спать. Мы думали, что она устанет так, чтобы не просыпаться до утра.

В то утро Наоми сияла. Я редко видел ее такой счастливой и очарованной происходящим. Моя девочка никогда раньше не была в городе и потому смотрела на все новое, широко раскрыв глаза.

Мы поехали обычным поездом на 10:02, до Ливерпуль-стрит. Я потом часто думал, что было бы, если бы мы взяли билеты на Кинг-кросс и приехали в Лондон раньше или позже.

Но тогда мы, счастливые, ехали от одной станции к другой: Шелфорд и Уиттлсфорд, Одли Энд и Элсенхэм, Станстед и Броксбурн. На каждой остановке подсаживалось все больше пассажиров до Лондона. Предчувствие приключений Наоми казалось заразительным. Люди улыбались. Сидящая рядом женщина со скотч-терьером разрешила моей девочке погладить собаку.

Погода выдалась отличная: ясное голубое небо, побелевшие от снега поля. Свет

отражался от любой поверхности, на которую падал. От крыш с красной черепицей, где мороз нарисовал звезды. От краев мелких замерзших прудов. От сосуллек, выросших на карнизах станции Великого Честерфорда.

На вспаханном поле стоял снеговик, будто чучело, которое выставили не вовремя. Наоми захлопала и рассмеялась над его криво натянутой шляпой. Она дала ему имя. Я вспомнил его посреди очередной бессонной ночи, три дня спустя. Магуу. Когда я в следующий раз очутился там, снеговик уже растаял.

Мы подъехали к Ливерпуль-стрит на несколько минут раньше срока, в полдвенадцатого. На станции ожидало огромное количество такси, готовых развести желающих куда нужно в ту же минуту. Раньше дочь никогда не ездила в кэбе. Она села на краешек сидения и смотрела по сторонам, пока мы ловко миновали плотное движение на Риджент-стрит.

Наоми порадовалась бы, что мы не провели этот день в магазине. Примерно с полчаса мы просто гуляли вокруг Либерти, глядя на витрины — в них были выставлены сценки из сказок, и ребенок наверняка воспринял это как волшебство. Сейчас воспоминания уже размылись и наложились друг на друга, но я, кажется, помню алые крылья и кульбиты танцоров; колонны и купола минаретов; открывающуюся и закрывающуюся коробку, внутри которой находились сокровища; паровоз, кружащий вокруг горы, и дышащего огнем дракона. Проживи я этот момент еще раз, он занял бы не более получаса.

Внутри мы ходили, взявшись за руки, из одного заставленного товарами зала в другой. Мы не были богачами, а здесь выставлено столько всего — слишком роскошного или желанного, благо, Наоми этого не осознавала. Моя девочка не была жадной и никогда не хотела чего-то несбыточного. Ей хватало уже того, что в жизни есть такие красивые вещи и ими можно любоваться.

Интересно, он смотрел на нее и тогда тоже?

Мы пообедали на верхнем этаже «Dickins & Jones». Сейчас они уже закрыли это милое место, заменив его тесными и неэлегантными кафетериями. Но когда я водил туда Наоми, заведение имело свой стиль и даже определенное величие. Дочь взяла обеденное меню и мороженое на десерт.

— Виктории бы понравилось. Она никогда не пробовала мороженое.

— Виктория? Это кто?

— Ой, ты ее знаешь, — отмахнулась Наоми, — девочка, которая с нами живет. Они с Кэролайн мои подруги.

— А кто такая Кэролайн?

— Ее старшая сестра, глупый. Я думала, ты знаешь.

Я улыбнулся и покачал головой. Господи, какие же наши дети милые в своей непосредственности. Они полны фантазий и грёз. Я снова покачал головой и посмотрел на дочь с той же улыбкой.

Наоми хотела заглянуть в магазин игрушек. Лора однажды упомянула «Хэмлис», и мы загорелись этой идеей. Идти оказалось недалеко. Не смотря на позднее время внутри было полно детей с родителями, тетями и дядями.

Начали мы со второго этажа, с кукол. На каждом прилавке располагалось новое волнительное чудо. Но когда мы обошли все помещение, Наоми устала и начала виснуть на мне. Я, должно быть, тоже устал, потому что подумал, что пора бы найти такси и вернуться на Ливерпуль-стрит. Все эти огоньки, суматоха и мельтешащие люди только злили и отнимали внимание.

Тем не менее, отвернуться больше чем на тридцать секунд я не мог. Насколько мне кажется, это были вообще считанные мгновения. Мы сидели за большим столом и смотрели, как игрушечные поезда нарезают круги вокруг гипсовых холмов и долин. Обернись я на две или три секунды раньше, мог бы заметить ее исчезающую фигуру. Но к моменту, когда я обратил свое внимание, Наоми уже исчезла.

Глава 3

На первом этаже универмага находился офис, куда приводили потерявшихся детей. Как только я отчаялся найти Наоми в огромной толпе, то сразу же обратился туда через сотрудника. Комнатка оказалась маленькой, но уютной, с несколькими удобными стульями и ворохом игрушек. Женщина, которая была там главной, успокаивала меня, что в больших универмагах такие случаи происходят по несколько раз в день и беспокоиться не о чем.

В офисе уже находились двое маленьких мальчиков. Они ждали, пока мама или папа заберут их по домам. В конце концов, сегодня Сочельник.

В Сочельник с детьми не может произойти ничего плохого.

— Обычно проходит немного времени, — успокаивала женщина. — Она поищет вас, потом поймет, что окончательно потерялась и начнет плакать. И еще раньше, чем вы успеете сказать: «Санта-Клаус», кто-нибудь сюда постучится и приведет маленькую расстроенную девочку.

Девочку в желтом пальтишке, красном шарфике и ярких сапожках. Вот кого я хотел увидеть каждый раз, когда слышал стук в дверь. И каждый раз нервничал все больше. На стене висели часы с огромными стрелками, чтобы дети могли увидеть, который час. Стрелки двигались так медленно, что мне хотелось встать и передвинуть их вручную, чтобы ускорить время.

Прошло полчаса. Наоми так и не появилась, и я ощутил, что успокаивавшая меня женщина тоже начала нервничать. Мальчиков забрали, осушили их слезы и успокоили страхи. Мои же страхи только возросли.

— Сегодня такая суматоха, — по-доброму заверила женщина.

Я думал о ней именно так, как о добром человеке. Мне хотелось, чтобы она была такой. Мысли о том, что Наоми находилась где-то там совсем одна, можно выдержать, только благодаря вере в доброту незнакомцев.

— Может быть кто-то вывел ее из здания, чтобы найти полицейского. Не все вспоминают о нашем офисе, когда находят потерявшегося ребенка. Но я обязательно раздам инструкции всем нашим сотрудникам. Ваша дочь скоро объявится.

Женщина сделала объявление по громкой связи на весь универмаг.

— Если кто-то заметил маленькую светловолосую девочку в желтом пальто и красном шарфике, пожалуйста, приведите ее в офис на первом этаже.

Однако никто не откликнулся. Женщина повторила объявление, но оно снова осталось без ответа. Было уже три часа, а магазин закрывался в четыре. Людей становилось все меньше, а магия исчезала. Каждый раз, когда кто-то открывал дверь играла мелодия «Jingle Bells», избито и совершенно не празднично. Я хотел, чтобы все это закончилось, как дурной сон.

Позвонил менеджер и мы вместе прошли по всем этажам.

Ни следа Наоми.

Один из охранников вышел наружу, проверить улицу, но вернулся, качая головой.

Больше никто не веселился и не притворялся, что это ежедневная рутина. Кто-то выключил кассету с рождественскими песнями и магазин погрузился в тишину.

Управляющий позвонил в Центральный Уэстендский полицейский участок, что находился на Савил-Роу и был ближайшим к универмагу. Но, нет, никто пропавшего ребенка не приводил. И, нет, ни один из констеблей или патрулей не докладывал о маленькой девочке, что потерялась на Реджент-стрит. Но, да, они обязательно дадут ориентировку.

Людей снаружи становилось все меньше. Выключались фонари, а в небе оставались только красные, синие и желтые ангелы. Помню, как обещал Наоми, что мы задержимся до тех пор, пока их не станет хорошо видно. На улице оказалось практически невозможно поймать такси, но управляющий сумел вызвать одно для меня, объяснив, что ситуация серьезная. Именно в такси я ездил по улицам, от Ист-Сайда до Вест-Сайда. Мы двигались медленно, игнорируя сигналы других водителей или поток машин.

Мое беспокойство передалось водителю, и он связался с другими машинами по рации.

Маленькую девочку в желтом никто не видел.

Когда я вернулся, «Хэмлис» уже закрылся. На окна опустили ставни, вход был прикрыт металлическими воротами наполовину, а свет на верхних этажах — отключен.

Как будто настал конец всего.

Улица окончательно обезлюдела. Я ощутил прилив безбрежного одиночества и сильнейшую беспомощность, как будто сам превратился в плачущего ребенка на холодной улице Лондона.

Управляющий проводил меня до Сэвил-Роу. Кажется, его звали мистер Манипенни — хорошее имя для управляющего. Не помню, чтобы сказал ему хоть слово от самого «Хэмлис» до пункта назначения. Возможно, я что-то и говорил, но мой разум оставался пуст, а слова не имели смысла. Он оказался мужчиной лет сорока или около того, хорошо одетым, со слегка вьющимися волосами и гвоздикой в петлице. Думаю, мистер Манипенни был искренне расстроен произошедшим. Не столько из-за того, что именно в его магазине у отца украли ребенка, сколько из-за самой ситуации, затронувшей нас всех.

Я показал ему фото Наоми, которое носил с собой. Одно из тех, что сделал летом, когда она была помладше. Несколько месяцев так много значат в ее возрасте. Этого фото у меня больше нет — его забрала полиция, но так и не вернула. Возможно, они посчитали, будто эта фотография мне больше не нужна. Или, может быть, им было все равно.

По крайней мере, в полиции ко мне отнеслись с вниманием. Времени прошло много, и уже можно было признать, что произошло что-то плохое. Мне позволили сделать звонок жене. В моей жизни никогда не случалось... Такого. Труднее всего сейчас писать об этом телефонном звонке. Наше объяснение, то чувство вины... Вина не оставляла меня никогда. А также убеждение в том, что именно я виноват в исчезновении нашей дочери — в том, что случилось потом. Лора сказала, что немедленно приедет в Лондон на машине. А я попросил ее ехать аккуратно.

Легко предположить, как все произошло. Наоми потеряла меня в толпе. Похититель нашел ее практически сразу, пообещал помочь найти меня и увел в другом направлении. Если он наблюдал за нами, то наверняка уже знал, как я выгляжу. К тому времени, как она начала подозревать, что что-то не так, я находился уже далеко и не мог увидеть ее или услышать. Но, даже если бы моя девочка подняла шум, кто бы заметил плачущего ребенка в огромном магазине игрушек в канун Рождества?

Хотя нет, «заметил» — не совсем верное слово. Позже свидетели появились. Они

говорили о том, что помнят маленькую девочку в желтом пальто, которая плакала, потому что ее уводили из магазина. Ее заметили, наверное, человек двенадцать. Но они не обратили внимания, в том-то все и дело. Да и почему бы им это делать? В тот день Наоми оказалась шестым или седьмым капризным ребенком. Некоторые тащили за собой своих собственных злых или расстроенных детей. Слишком много волнений, различных раздражителей, и слишком большая толпа: естественно, что ребенок будет плакать, а родитель — тянуть его на улицу, несмотря на слезы.

Лора приехала чуть меньше, чем через час. Она не переоделась и не взяла с собой сумку с одеждой. Просто запрыгнула в машину и нажала на газ, свернув на шоссе А10. Когда она приехала, на Сэвил-Роу уже начались полномасштабные поиски. Слишком поздно, конечно, уже было поздно, но как мы могли знать это тогда? Я не имею в виду, что Наоми была мертва, что слишком поздно в этом смысле. Совсем наоборот. Боже милостивый, совсем наоборот.

Сверху доносится шум. Он слышен очень ясно. Знаю, что это не галлюцинация и то, что я слышу — реально. Эти звуки может слышать кто угодно.

Бам-бам-бам.

Знакомый и привычный звук. Резиновый мяч, бьющийся о стену.

Сегодня вечером этот мяч будет в коридоре. Небольшой, красный с белым и размером с грейпфрут. Такое случалось раньше. И если я его подберу, она будет смеяться. Или же гневно кричать.

Моя дочь непредсказуема.

Наш дом стоит на отшибе в конце улицы, в районе Ньютаун, в Кембридже. Между Ленсфилд-роуд и Бруклендс-авеню. Первоначально Ньютаун был общей землей, но в 1807 году ее разделили между несколькими владельцами, включая университет и Тринити-Холл.

Строительство началось примерно в 1819 году. Томас Масгрейв построил тринадцать маленьких домов и назвал их Даунинг Террас — в честь основания колледжа на севере. А вот более узкие улицы и кирпичные террасы были построены больницей Адденбрука и последующими землевладельцами в период с 1820 по 1835 годы.

С запада на юг землей владели богатые Пембертоны. Тогда здесь находилась открытая площадка с видом на Бруксайд. Для средних классов там медленно возводились большие дома. Одним из них и был наш дом.

Особняк построили в 1840 году для доктора и его семьи, человека по имени Лиддли, выпускника Даунинга. В свое время я расскажу о нем больше, как о докторе, так и о его семье.

Пока достаточно сказать, что дом принадлежал Лиддли до 1865, а потом перешел во владение одного профессора, Ле Стренжа, преподававшего амброзианский язык. Как я понял, большую часть современного сада заложили добрый профессор и его жена. Она умерла в раннем возрасте от туберкулеза, и вскоре профессор покинул их жилище, чтобы вернуться к холостяцкой жизни в Гай. Другие семьи, главным образом преподавательские, сохранили дом в нынешнем виде. В некотором смысле, он наш навеки.

В доме три этажа и мансарда. Конечно, изменения неизбежны, но костяк сохранился. На первом этаже находится просторная гостиная с видом на небольшой палисадник. Сад, с высокими деревьями и густым кустарником, роскошный настолько, что летом с улицы невозможно разглядеть нижние этажи. И дорожка, которая ведет прямо к высоким деревянным воротам. Именно на них и обозначен номер дома. Когда-то там имелась и

фамилия, но она давно исчезла, а информацию я не обновлял.

В задней части первого этажа находится комната, которую я когда-то величественно называл библиотекой. Это всего лишь мой кабинет, хотя на стеллажах действительно стоят книги.

Я сижу за своим столом и смотрю из-за бархатных занавесок на задний двор — сад профессора Ле Стренджа. Сейчас смотреть практически не на что, но, когда мы купили дом, здесь было прекрасное место. Сад казался огромным, за ним ухаживали с заботой и вниманием. Одна часть его огорожена — там находились решетчатые опоры и вьющиеся растения. Широкая лужайка вела к маленькому пруду, заросшему ивами. У тропы исполинами высились деревья — Араукарии Чилийские. Но теперь путь зарос, а растения погибли, превратившись в жалкую тень былого. Если я закрою глаза, то смогу увидеть Наоми, играющую среди деревьев. Иногда закрывать глаза и не приходится.

На первом этаже гостиная, комната с телевизором, ванная и некогда кабинет Лоры, который теперь исполняет роль моей спальни. Второй этаж — это жилые комнаты. Комната, где спали мы с Лорой, две гостевые, еще одна ванная и детская, где спала и играла Наоми.

Стук прекратился. Все снова затихло. Конечно, я могу ошибаться, и это не Наоми. Это могут быть те, другие.

Глава 4

В памяти моей все, что произошло после прибытия Лоры, окутано туманом. Состоялся полицейский опрос, но я мало что мог сказать. Монипенни ушел обеспокоенный, пообещав сообщить, если появятся какие-то новости. Я знал, что слово он сдержит. Его огорчение исчезновением Наоми было искренним, а Рождество оказалось испорчено. Звучит зло, но я имею в виду только то, что дух Рождества для него исчез. Всю жизнь управляющий магазином наблюдал, как детям покупают игрушки и наверняка сам был рад счастью, которое те получали. Рождество должно быть кульминацией этого ощущения.

В полиции показали комнату, где мы могли бы подождать. Нам принесли воды, а позже рыбу с жареной картошкой. Есть мы не могли, потому оставляли пищу прямо там, рядом со вчерашней газетой «Ивнинг Стандарт». Постепенно еда становилась холодной и покрывалась коркой жира.

О чем мы говорили? Не помню. Не думаю, что говорили вообще, помимо заверений, которые в такой ситуации предлагают друг другу люди в качестве утешения: «С ней все будет хорошо, они скоро ее найдут, вот увидишь. Дети теряются все время. Разве ты не помнишь, как она ушла от нас в Сэйнсбери? Мы психовали, ей было всего три. Но мы же вернули ее тогда в целостности, правда?»

А толку от серьезных разговоров? Что мы могли сказать друг другу такого, что еще не знали? Что мы любим Наоми? Что нам обоим страшно? Что глубоко внутри мы боимся, что она уже умерла или находится на грани смерти?

В ту ночь мы не сомкнули глаз. Доктор, что дежурил в полицейском участке, предложил седативные, но мы оба отказались. Потому что жаждали не покоя, а чтобы все это благополучно завершилось. Или, по крайней мере, какой-то ясности.

После полуночи появилась женщина-полицейский и сказала, что для нас забронировали номер в отеле неподалеку. Лора не хотела уходить, ей отчаянно хотелось оставаться в центре событий. Если найдут Наоми... Когда найдут Наоми, она хотела находиться здесь, ожидая нашу дочь. Для нее дорога была каждая минута. Как и для меня.

Мы остались там, на деревянных скамейках, во тьме рождественского утра. Укрывшись одеялами и прислушиваясь к голосам, запертых в камерах алкоголиков и громким жалобным вздохам, и протестам проституток из соседнего Сохо.

В параллельном мире Санта приходил к спящим, разносил им подарки, пил сладкий херес и ел рождественский пирог. В нашем Кембриджском доме, в спальне, тоже ждала целая гора подарков. Я отлично знал, что лежало в каждой коробке и мысленно видел реакцию Наоми, когда представлял, как она открывает сюрприз. Реальным был только запах застывшей картошки и уксуса. Я пошел в туалет и меня вырвало.

Думаю, что задремал раз или два. Помню, как просыпался в ночном безмолвии, с холодными ногами и сжатыми кулаками, в этом ужасном месте с бледно-зелеными стенами. А Лора сидела рядом и смотрела на меня красными невидящими глазами. Мне снились кошмары, они вгоняли в пот и заставляли ныть сердце. Господи, если ты меня хоть каплю жалеешь, то вспомни эти сны.

Рассвет оказался тусклым, холодным и бессмысленным. Сержант принес нам чай и сказал, чтобы мы бодрились. Что он лично знал случаи, когда дети, такие как Наоми, приходили на следующий день, уставшие и голодные. Мы знали, что он лгал и, оставшись одни, не могли смотреть друг другу в глаза.

К Рождеству полицейский участок украсили: поставили елку с фонариками, повесили дешевые бумажные гирлянды и превратили коробки для сбора пожертвований в стилизованные подарочные. Около девяти кто-то включил радио — передавали Рождественскую утреннюю службу из Собора Уэллса. Песня о рождественских бубенцах не прекращалась. Священник говорил о прощении.

В половине второго прибыли несколько детективов. Они не стали проводить свой выходной в кругу семьи, а приехали стать частью поисковой группы.

Нам сказали, что нужно потерпеть. Возможно, было бы лучше, если бы мы вернулись домой, и они смогли бы связаться с нами там. Но мы оба отказались, и никто с нами не спорил.

Не будем ли мы против сделать заявление в прессе и на ТВ? В таких делах публичность очень помогает, люди проявляют бдительность. Что сказать? Одного из нас попросили съездить домой, в Кембридж, взять несколько вещей Наоми и привезти их в Лондон.

— Вещей?

— Для собак. Ищеек. Им нужно учуять запах. Вдруг еще что-то осталось.

Я вызвался съездить. Не хотел, но выбора особо не было. Лора оставила машину рядом с участком, на Олд Берлингтон-стрит.

Дорога туда и обратно отняла три часа. Самым ужасным оказалось то, что за рулем я не мог связаться с полицией. В нынешнее время телефоны в машинах — обычное дело. А тогда... Они казались чем-то неслыханным. До Кембриджа мне хотелось останавливаться у каждой телефонной будки, чтобы звонить и быть в курсе. Чтобы ничего не пропустить, я оставил радио включенным, но ничего такого не сообщали. Возле Кембриджа стоял туман. Время от времени его разрезали желтые огни случайных автомобилей. Я размышлял, что люди делают, разъезжая по дорогам в Рождество. Что такого плохого может быть дома, если ты хочешь проводить его отдельно от семьи.

Когда я вошел в дом, меня затрясло. И первым делом схватился за телефон. Каждый гудок добавлял мне пару лет. Пережить такое еще раз я не смог бы. Новостей не было. Ни хороших, ни плохих. Я положил трубку и заплакал самыми горячими слезами, которые

когда-либо проливал. Не знаю, как долго я сидел у подножия лестницы, согнувшись от горя. Кажется, вечность.

Меня разбудил звонок. Я схватил телефонную трубку и трясущимся голосом ответил. Это была мама Лоры, которая звонила пожелать нам счастливого Рождества. Она уже звонила, но никто не ответил, потому подумала, что мы в церкви.

— Нет, — сказал я, — мы не ходили в церковь.

— Чарльз, что-то случилось? Ты сам не свой.

— Да, случилось. Наоми пропала. Она отошла от меня вчера, в Лондоне. Лора сейчас там. Полиция уже ведет поиски.

Я пытался сообщать факты. Контролировать свой голос и тон. Я впервые говорил с кем-то о том, что случилось, и это помогло мне принять реальность. Ситуация была чистым ужасом и никак не походила на правду. Сам себе ты можешь говорить все, что угодно, но там, внутри, что-то шептало: «Все это просто фантазия, плохой сон». Но когда кто-то другой в телефонной трубке реагирует таким образом — его голос прерывается и слышен шок — ты понимаешь, что все это — реальность и происходит на самом деле.

Мама Лоры слишком расстроилась, чтобы продолжать разговор, так что передала трубку мужу. Мы с ним никогда не были близки, но то рождественское утро похоронило любые надежды на хорошие отношения между нами. Он сказал, что они немедленно выезжают в Лондон. Я сообщил адрес полицейского участка и повесил трубку. Дом наполнила страшная тишина. Та самая, которая только и ждет, чтобы ее нарушил детский голос.

После я позвонил собственным родителям. Ответила моя сестра. Они с дочерью, Джессикой, приехали раньше на пару недель. Племяннице было всего три года, и они с Наоми любили играть в нашем саду. Кэрол возила обеих в Лонглит, посмотреть на львов, и в Театр Искусств — посмотреть на кукольное представление, а также совершить покупки. Я старался говорить спокойно, подавив истерику, которая буквально вырывалась наружу.

— Чарльз? — сказала она, — Мы пытались с тобой связаться. Новости по телевизору... Там сказали... Что Наоми пропала. Это правда? Господи, Чарльз, что случилось?

Я постарался объяснить, как мог. А когда закончил на другом конце провода повисло молчание. Слышалось только дыхание Кэрол, тяжелое, рваное. Она явно старалась успокоиться. В прошлом году у нашего отца случился сердечный приступ. И сестра беспокоилась о нем точно так же, как и о нас с Наоми.

— Давай я помогу, Чарльз. У тебя забот хватает. Папе скажем, что пресса все раздувает и все под контролем, а Джессике вообще знать не стоит. Ты сам как? Как Лора справляется?

— Не очень хорошо. Ситуация ужасная, но все будет в порядке. Они ее найдут. Обязаны.

— Я тоже так думаю, вне всякого сомнения. Послушай, Чарльз, я сегодня заеду к вам в Кембридж. Или в Лондон, не важно.

— Спасибо, но пока не нужно. С Наоми все будет хорошо, она не умерла. Когда семья собирается, знаешь... Будет казаться, что мы ее уже хороним. Приезжай, когда мою дочку найдут.

— Конечно. Но вдруг вам понадобится поддержка? Может, я лучше приеду? Только я? Мама присмотрит за Джессикой.

— Тогда ладно. Только ты. Маме и папе скажи, что я их попросил пока остаться дома. Не нагнетай. Папа в порядке?

— Волнуется, но все нормально. Новости, конечно, его шокировали. Но сейчас он в

порядке. Тебе сейчас хватает беспокойства, чтобы еще и о нем думать.

— Скажи им, что я их люблю. И что с Наоми все хорошо. Я привезу ее на следующей неделе, чтобы повидаться.

Больше сказать было нечего. Думаю, Кэрол уже тогда все знала. Интуитивно. Она всегда отличалась от нас, будто не от мира сего. Обладала шестым чувством, или как оно там называется. Сестра была моей полной противоположностью, совершенно не приземленной и не буквальной. Сейчас я, конечно, сильно изменился.

Больше звонить никому не хотелось. Я положил трубку и направился наверх, в детскую. Нашел синий мешок для стирки с одеждой, которую Наоми носила два дня назад: толстый свитер и юбка, жилет и брюки. Я взял и другие вещи — плюшевого мишку, подушку, туфли. «Пусть у собак будет больше вещей, чтобы взять след» именно так я подумал. Или, может, взял все это для успокоения совести? Внизу я захватил еще несколько фотографий.

Все в доме напоминало о Наоми. Я будто видел, где она ходила и что делала. Вот тут дочь проходила через дверь, там сидела на стуле, а за тем столом ела. То, как она говорила и что делала, выражение ее лица отпечатались в пространстве четче, чем форма окон или цвет стен.

Я уже находился в прихожей, когда раздался звонок в дверь. Громкий звук, так внезапно нарушивший тишину заставил меня подпрыгнуть. Я открыл. На крыльце, подняв руку, стоял молодой полицейский. Он готовился позвонить еще раз. Парень был патрульным и носил не традиционный бобби-шлем, а фуражку с рисунком шахматного поля по бокам. Должно быть, я пялился, потому что мгновение не мог сообразить, что он тут делает. Глупо.

— Мистер Хилленбранд?

— Да.

— Извините, что напугал, сэр. Я из участка на Парксайт. У нас есть сообщение из Лондона. Они просили попробовать с вами связаться, пока вы не уехали. Речь о вашей дочери, сэр. Они ее нашли.

Сердце пропустило стук. Потом еще один.

— Спасибо, Господи, — прошептал я, — спасибо. Сердце понеслось вскачь.

Полицейский замолчал. Он выглядел обеспокоенным, и уже по выражению его лица я мог сказать, что что-то не так. Что он не рассказал мне всего, а может, и вообще ничего не рассказал. И в тот момент я четко осознал, что ощущаю его боль, а не свою. «Какое же отвратительное Рождество». Вот о чем я тогда подумал.

— Боюсь, все совсем не так, сэр. Боюсь новости... Не хорошие. Не такие, за какие стоит благодарить Бога.

— Наоми...

— Ваша дочь найдена мертвой, сэр. Поисковый отряд обнаружил ее тело час назад.

Сейчас она здесь, со мной, в кабинете. Мне не нужно оглядываться, чтобы знать, достаточно ощущать присутствие. Это мое обретенное шестое чувство.

Она никогда не приходила сюда, в эту комнату, раньше. И я думал, что нахожусь здесь в безопасности.

— Папочка, — голос звучит прямо за мной, со стороны двери. — Папочка.

Я не повернусь. Не буду на нее смотреть.

— Папочка, почему ты на меня не смотришь? Я хочу тебя увидеть.

Так просто, правда? Все что мне нужно сделать — повернуться. Кем бы она не была —

это все еще моя дочь. Ведь так? Но если развернусь и посмотрю, что именно будет там, у двери?

— Я вернулась, папочка. Мне так холодно.

Снаружи деревья исчезают в тумане. Птица с коричневым оперением ныряет вниз дугой, чтобы подобрать непроросшие семена. Наверное, будет снег. Когда садовая полоса заканчивается, начинается лес. И ему нет ни конца, ни края.

Глава 5

В Индонезии мертвых помещают в каменные пещеры и каждый год достают на время, чтобы вернуть в семью. В Тибете — нарезают на крошечные кусочки с помощью специальных ножей, размельчают плоть и кости, чтобы стервятники могли кормиться останками — так называемое «погребение в небе». Зороастрийцы в Бомбее относят мертвецов на возвышенность, в башню молчания, где их гложут птицы и собаки, пока тела не будут съедены. Мы же — цивилизованны и поступаем иначе. Помещаем наших мертвых в ящики, привязывая накрепко к смерти, и опускаем в глубокие ямы.

Но проблема остается проблемой: можем ли мы оставить мертвецов в забвении и не допустить возвращения в нашу жизнь? Ведь они тоже не хотят оставаться с нами, пусть и остаются добровольными сообщниками живых. Но упокоения таким душам тоже не будет, пока живые помнят и скорбят так, как мы после смерти Наоми.

Что я помню о похоронах?

Снег, медленно падающий с унылого белого неба. Четыре удара церковного колокола — по одному на каждый год жизни ребенка. Удивительную легкость гроба в изгибе моих рук. Падуб на комковатой земле могилы. Лору, наклонившуюся от боли и ее мать, склонившуюся над ней. Звуки их голосов, резкие, незнакомые, что швыряли имя нашей дочери в воздух клубами белого густого пара.

Тут были все. Родители — мои и Лоры. Кэрол со смущенной Джессикой на руках. Мои коллеги и студенты, сотрудники Фицуильяма, друзья со всей страны. Пришла большая часть ансамбля, где мы играли, но никто не выступал. Мой отец был весь серый и опирался на трость. Он умер год спустя, совершенно убитый горем. Мать последовала за ним совсем скоро.

Мне пятьдесят, и у меня была куча времени, чтобы учить студентов и писать книги. Но я умер тогда, двадцать лет назад, где-то между ударами церковного колокола. Вопросы, заданные тогда, остались со мной навечно: «Каким ребенком она была..? Она когда-нибудь..? А вы не помните..?»

Полицейский тогда не пустил меня за руль, чтобы попасть в Лондон. Это не был вопрос доброты, я думаю. Дело в осторожности. Я не смог бы вести машину — даже пьяный справился бы лучше. Он не знал подробностей и не смог сказать ничего, кроме вести о смерти моей девочки.

В дороге он спрашивал у меня что-то, больше для того, чтобы отвлечь. Сколько ей было лет? Есть ли у нас еще дети? Я отвечал на автомате, но мой ум витал где-то в другом месте. Полицейский сказал, что у него тоже есть дети. Ждут дома, чтобы начать открывать рождественские подарки. Если подумать, довольно бестактно было говорить об этом тогда. Даже если принять во внимание, что я никак не мог поверить в произошедшее.

Меня привезли прямо в Лондон, к «Главному управлению» в старом еврейском квартале. Полицейский сказал, что хотя дело открыли в полицейском отделении

«Метрополитен», тело нашли в Спиталфилде, а это уже вне юрисдикции города. В то время, конечно, для меня это звучало как пустой звук. Для чего все?

Лора уже была на месте — белая, трясущаяся, в маленьком офисе на третьем этаже. На несколько минут нас оставили только вдвоем. Помню, как повторял снова и снова, что мне жаль и что это все — моя вина. Помню, как Лора гладила меня по рукам и лицу, говорила, чтобы я не волновался и перестал себя обвинять, потому что моей вины нет. Думаю, когда Лора произносила те слова, она еще не поняла, что Наоми действительно мертва.

В этом блаженном состоянии она оставалась недолго. Минут через двадцать раздался стук в дверь. Вошла женщина-полицейский в сопровождении мужчины в штатском. Высокий, чисто выбритый, с тонкими волосами песочного цвета — чтобы войти, ему пришлось пригнуться. Я привстал, он наклонился пожать мне руку, и я снова сел. Он медленно закрыл дверь, будто она весила целую тонну. Потом закашлялся, прижав одну руку ко рту. Когда приступ утих, мужчина внимательно посмотрел на нас обоих, а потом заговорил.

— Меня зовут Рутвен, — в его устах имя звучало как Рувен. — Детектив-суперинтендант Рутвен. Меня только что назначили главным по делу об убийстве вашей дочери.

Лора вздрогнула. Рутвен тоже наверняка это заметил, но продолжил говорить.

— Я понимаю, что сейчас вам хотелось бы побыть вдвоем, но есть несколько важных вопросов. Вашу дочь обнаружили на аллее возле Спиталфилдского рынка. Это недалеко от станции на Ливерпуль-стрит. Мы предполагаем, что ее убийца следил за тем, как вы приехали. Он может все еще быть тут, в Лондоне, но наверняка не знает, что мы обнаружили тело — его хорошо спрятали. И я хочу поймать преступника до того, как он сбежит.

— Почему вы думаете, что это «он»? — спросил я.

Рутвен помедлил, а потом сказал, явно подбирая слова:

— Я только что вернулся от коронера. И мне хотелось бы думать, что женщина не способна на... то, что я видел. Его прервал еще один приступ кашля.

— Извините, — откашлявшись, произнес он, — я пытался избавиться от этой простуды последних три дня.

— Мы можем ее увидеть? — Лора встала, — может быть, это ошибка, и это какая-то другая девочка...

Рутвен покачал головой.

— Мне очень жаль, миссис Хилленбранд. Это не ошибка. Я привез с собой ее одежду, чтобы вы могли ее опознать. Она полностью соответствует описанию.

— Покажите мне ее.

Детектив снова покачал головой. Ему было за пятьдесят, и он не столько профессионально выгорел, сколько устал от происходящего. Позже я узнал, что его собственная дочь умерла от передозировки наркотиками годом или двумя раньше. Ей был двадцать один год.

— Не стоит, правда. Можно, конечно, но в таком случае... Примите мой совет. Лучше пусть ваш муж ее опознает.

Женщина-полицейский попросила нас подойти к небольшому столику в дальнем углу. Еще когда она входила, я заметил маленький чемоданчик. В нем оказались прозрачные пластиковые пакеты. Каждый пронумерован и содержал один предмет одежды. Она разложила их по столешнице, один за другим.

— Мне очень жаль, — сказала она, — хотелось бы этого избежать. Новы узнаете эти вещи?

Мы рассматривали их по очереди: голубое платье, ботинки, белье. Все вещи пропитаны кровью. Полностью. Лору охватили рвотные позывы, но она справилась. Я сильно побледнел — руки и, вероятно, лицо. Мне хотелось потрогать их, те вещи, но руки отказали, будто превратились в пластик.

— Она была в пальто, — заметил я. — Еще шарфик. И перчатки.

— Сэр, мы их пока не нашли. Вы можете сказать, это вещи Наоми, вашей дочки?

Я кивнул. Лора тоже.

— Это «да», доктор Хилленбранд? Мне нужно, чтобы вы произнесли вслух. Для записи.

— Да, это вещи Наоми. Извините. Они принадлежали моей дочке. Теперь мне можно ее увидеть? — Я развернулся к Рутвену.

— Да, — ответил он. — Я провожу вас в морг.

— Как она умерла? Вы можете рассказать?

Детектив покачал головой.

— Пока нет, сэр. Сейчас с ней работают судебные эксперты. Отчет о вскрытии еще не пришел. После этого я смогу рассказать вам все.

Естественно, он уже тогда знал. Не детально, конечно, но очевидные вещи точно. Например, как то, что пропали ее руки. Все остальное выяснилось при расследовании. Лору не пустили, психиатр сказал, что она не выдержит. Но я сидел там и слышал все. Вот почему я не могу заставить себя обернуться, когда она приходит. Иногда — это просто моя девочка, такая, как в лучших воспоминаниях. А иногда — жертва убийства, бледная, окровавленная и без рук. Такой я увидел ее тогда, на столе в морге.

Он ее не насиловал, если вы об этом подумали. Убийство могло быть секундным порывом, это бы я еще смог вынести. Но тут оказалось иначе. Его страстью стала не Наоми, а само убийство. При этом мне дали понять, что умирала она долго и мучительно. Лоре я не сказал — это бы ее убило. Это бремя стало только моим.

Иногда я задаюсь вопросом, связаны ли как-то обстоятельства смерти моей дочери с произошедшим позже. Что было бы, если бы Наоми умерла быстро? Потом вспоминаю фотографии и дом, который доктор Лиддли построил для своей жены и своих маленьких девочек, Кэролайн и Виктории.

Следствие шло в Лондоне всю первую неделю января. Я должен был присутствовать, потому что опознал Наоми. Лора осталась дома. В полиции договорились, чтобы я проходил через заднюю дверь — из-за прессы. Но это не помогло. Фотографы крутились возле дома, снимали фасад в надежде застать Лору или меня. В надежде, что полицейское расследование продвинется еще немного, коронер отложил дознание до февраля.

Родители Лоры оставались с нами в самые худшие времена: на похоронах, во время поминальной службы в колледже, пока проходило расследование. Потом приехала Кэрол, моя сестра. Она бегала по дому, стараясь создать видимость того, что наши жизни нормальны. Но у нее осталась работа и ребенок, к которым нужно было вернуться. Кэрол только открыла практику поверенного в делах в Нортхэмптоне, да и ее дочь, Джессика, не могла оставаться с бабушкой и дедушкой вечно. Приходили друзья. Они делали для нас то небольшое, что могли, и снова уходили.

Если бы у нас был другой ребенок, тот, кто зависел бы от Лоры... кто страдал бы от ее невнимания и пренебрежения, то, наверное, она бы пережила случившееся. Но был только я.

Приходил доктор, выписал ей успокоительные, но таблетки не помогали. Она страдала от горя, а не от химического дисбаланса в организме. Состояние моей жены ухудшалось день за днем. Сначала я боялся за ее рассудок, но потом — стал переживать за ее жизнь.

Университет выписал мне свободное посещение. Сначала я оставался дома и проводил время с Лорой. Но мы плохо взаимодействовали, мое горе увеличивало ее, и каждый взгляд напоминал о потере. Слишком многое я не мог рассказать.

Мы съездили в Египет ненадолго — такое решение предложила Кэрол и все ее поддержали. И родители, и врач.

— Вам нужны перемены, — говорили нам, — нужно уехать подальше.

Доктор думал, что может помочь солнце. Сегодня врачи пишут об этом книги — будто солнечный свет помогает справиться с депрессией и способствовать выздоровлению. Но у Лоры не было депрессии, вот что все они не могли понять. Она просто умирала изнутри.

Около месяца мы жили в самом сердце нижней части Египта. В засушливом солнечном климате юга. Совершили круиз из Каира в Асуан, осмотрев все достопримечательности. В нашей группе присутствовали люди из Европы, но мы с Лорой держались особняком. Кто-то узнал нас по фамилии. Женщина из Аллапула, которая впервые выехала за границу. Они со скучным мужем выразили желание прийти к нам на обед. Хотели посочувствовать потере.

— Мы с Артуром хотели бы выразить соболезнования вашей потере. Она была таким прекрасным ребенком. Бог не дал нам детей, потому полностью понять, через что вы проходите, мы не можем, — сказала она.

Извращенная и невыносимая логика. У нее были прямые рыжие волосы и белая веснушчатая кожа, которая совершенно не загорала, а муж работал где-то в страховании. Я смотрел на нее с желанием ответить резко, но ощущал не гнев, а жалость. Мне не хотелось жалеть ее, но у этой женщины имелись ее собственная боль и уродство — отсутствие детей.

— Я потерял дочь из виду всего лишь на секунду, — выплюнул я сквозь стиснутые зубы. На этой женщине было платье из «Маркс и Спенсер», белое, с веселым принтом из зеленых цветов. Ее муж носил костюм цвета хаки из синтетики. — Он забрал ее сразу и начал мучить, прежде чем убить. Попытки длились несколько часов, а потом убийца выбросил останки. То, что нашла полиция, было ужасно.

Больше женщина из Аллапула и ее муж с нами не заговаривали. Они осмотрительно оставались на расстоянии и призывали других членов группы делать то же самое. К концу дня все на корабле знали подробности. Но для нас с Лорой это не имело никакого значения.

Плавание по реке казалось бесконечным сном. Мы останавливались в Бени-Хасане, Абидосе и Луксоре, где на экскурсиях шли немного в стороне от других, минуя упавшие колонны и головы гигантских статуй. Лора свободной рукой гладила глубоко выбитые на стенах гробниц очертания богов и танцоров. Мы были так далеки от нашей старой жизни — от любой жизни, и настолько же оторваны от вещей вокруг. И все же не проходило ни минуты, ни взлета птицы из темных зарослей берега реки, ни мерцания звезд на ночном небе — без мысли о Наоми. А я постоянно думал о том моменте, когда лишь на секунду посмел ее потерять.

В Кембридж мы вернулись через месяц, загорелые и похудевшие, но оставшиеся неутешными. Средство не сработало, а поездка послужила лишь тому, чтобы наши сердца стали более любящими и, как следствие, более хрупкими. Для короткой поездки от станции мы взяли такси. Был полдень, и снег растаял, оставив сад запущенным и грязным. Без белой шапки дом казался старым и заброшенным. Мы устало взяли наши чемоданы из багажника и

поставили на ступеньки. Я заплатил водителю и повернулся, чтобы войти в дом.

Не знаю, что заставило меня взглянуть вверх. Даже сейчас я не могу понять, что же такого увидел, хотя уверен, что заметил абсолютно все. Или всех. Но вот, в чем я уверен — в окне наверху промелькнуло движение, практически скрытое, будто кто-то наблюдал из-за занавески, а потом снова подвинул ее на место. Но это бессмысленно, ведь я смотрел на окно чердака. На нем нет занавески. Там никто не мог ходить, потому что чердак оставался заперт уже многие годы.

Глава 6

Сверху доносятся звуки. Из самого дальнего угла, у входа на чердак. Непостоянно, а только время от времени, но я начинаю их узнавать. Почему я до сих пор здесь? Ради Лоры, конечно. Ну и ради... кое-каких других вещей.

Во время нашего отсутствия мало что изменилось. Ничего, что могло бы продвинуть полицейское расследование дела Наоми, не появилось. Никаких чистосердечных признаний, никаких арестов. Хотя не думаю, что хоть что-то из этого имело бы для нас значение.

Появилась сотня потенциальных свидетелей. Некоторые говорили, что видели нас с Наоми в тот день в «Либерти» или «Хэмлис», или о Наоми, одиноко бродившей по магазину игрушек. Или даже о плачущей Наоми, которую незнакомец уводил из магазина. Как и следовало ожидать, все истории отличались друг от друга. Но это были лучшие зацепки, поэтому полицейские рассматривали каждое заявление, делали фотороботы возможных подозреваемых и привлекали известных растлителей малолетних для допроса.

Все это мне рассказал Рутвен, пока шло долгое совещание в городском полицейском управлении. Детектив все еще казался уставшим, но я впервые почувствовал в нем прилив сил для расследования. За время, что мы были знакомы, эта энергия переросла в одержимость. По всей вероятности, потеря собственной дочери обострила его чувства, и, как следствие, это дело проникло в его подсознание. Хотя, думаю, лучше бы этого не случилось.

Как я говорил, на самом деле полиция в серьез не рассматривала версию с растлителем детей. Привлечение этих людей оказалось неожиданным и, как мы и думали, ни к чему не привело.

Наоми не была изнасилована, с ней не случилось ничего, относящегося к сексуальным действиям. Забавно — именно этот факт придал делу остроту и сразу вывел его из области обыденности. Газеты много писали об этом и о страданиях Наоми, смакуя подробности: отрубленные руки, глубокие резаные раны на плечах, отсутствующие глаза. Технически, она умерла от удушья: шея моей девочки была сильно сжата и, в конце концов, сломана парой сильных рук. Мужских рук — по крайней мере так показалось коронеру.

Несколько особенно любящих сенсации газет строили дикие предположения о мотивах убийцы или убийц. Неизбежно появились сравнения с деятельностью Майры Хиндли и Йене Брейди. В одной из статей вину пытались скинуть на группу сатанистов.

Любопытно, что в наши дни — это предположение звучит не так странно. Даже центральные газеты, во главе с сообществом психологов и социологов, говорят, что жестокое обращение с детьми в сатанинских культах не просто факт, а реальность нашего общества. Может быть, они правы, и наша дочь стала жертвой такого культа.

К тому времени, как мы узнали правду, это уже не имело никакого значения. Поиск мотива преступления уступил место поиску чего-то совершенно иного.

На самом деле, именно газетчик первым предупредил нас о существовании неких внутренних, странных событий. Это был фотограф из «Дейли Миррор». Кажется, его звали Дафидд Льюис. Если я правильно помню, он был родом из какого-то захолустного маленького городка в Южном Уэльсе — Нидпорт-Толбот или Амманфорд. Из места, о котором никогда не писали ни Дилан Томас, ни Вернон Уоткинс.

Судя по внешнему виду, Льюис в юности играл в регби. Фигура фотографа обладала той самой валлийской основательностью, которая так хорошо подходит для овцеводства и шахт. В его жизни был период, когда он много пил. Но при всем этом, Льюис был человеком от земли. Все это не играло особой роли для нас. Но у Льюиса имелись свои доказательства, не важно, что он говорил или как выглядел.

Фотограф был сообразительным, общительным и приятным, хотя и не вполне культурным человеком. Льюис позвонил первым. Когда я сказал, что нам не нужны фотографии, и попросил положить трубку, он, запротестовав, пояснил, что звонит по другому поводу. Что есть нечто такое, из-за чего он теряет сон по ночам. Я продолжил возражать, и он пообещал прийти без фотоаппарата. Объяснил, что привезет с собой фотографии, мнение о которых хотел бы узнать. Мне не хотелось ничего слышать об этом, но, в конце концов, я согласился. Кто знает, как бы все сложилось, если бы фотограф смирился с моим отказом?

От лестницы доносятся шаги — кто-то спускается. Этот кто-то очень медленный, и я думаю, что он останавливается, прислушиваясь к каждому своему шагу или любому звуку. Если задержать дыхание и ждать, то практически слышны чужие вздохи. Боже, прошу тебя, помоги мне пройти через это или хотя бы пережить сегодняшнюю ночь.

Льюис приехал тем же вечером. Лоры не было — подруга отвезла мою жену в город. Люди были очень добры к нам и делали все, чтобы помочь в эти тяжелые дни. Хотя я знаю, что временами им приходилось трудно.

Фотограф выглядел человеком довольно потрепанным. Его неопрятный вид казался еще более диким, благодаря анорaku с меховым капюшоном — в такой одежде даже Рудольф Нуреев выглядел бы глупо. А Льюис, к несчастью, был человеком серьезным и уж точно не дураком. Мне же он сразу понравился: как внешностью, так и валлийским происхождением и профессией.

Он вошел, повесив анорак в прихожей.

— Я оставил камеру в машине, но явился не с пустыми руками, — заявил Льюис с порога.

В руках фотограф держал большую картонную папку, похожую на небольшой портфель.

— Хотите что-то выпить? — уточнил я.

Он покачал головой.

— Лучше не нужно. Или вы подумаете, что я алкоголик, а мне бы этого не хотелось.

— Тогда пройдем в кабинет?

Льюис кивнул.

— Как пожелаете.

Мы сели. Я налил себе джина из одной из тех рождественских бутылок, которые до сих пор оставались не распечатанными. В некоторых частях дома все еще царствовало Рождество. Например, в детской, где еще лежали упакованные подарки для Наоми. Лора не

желала слышать, что нужно от них избавиться. В шкафу продолжала висеть одежда нашей дочери, а простыни на ее кровати не менялись со дня исчезновения. Как будто наша малышка только что вышла в сад поиграть.

— Так чем я могу вам помочь, Льюис? Что вы хотели мне показать?

Вместо ответа он достал из картонной папки пачку черно-белых фотографий размером шесть на десять дюймов. Потом положил снимки на стол лицом вниз и повернулся ко мне. Мы сидели рядом: я в своем кресле, Льюис — на стуле, где я печатаю. На том самом, где сижу сейчас. Стоит закрыть глаза, вижу его серьезное валлийское лицо в нескольких сантиметрах от себя.словно врач, изучающий меня в поисках неведомого подозрительного дефекта.

— Доктор Хилленбранд, перед тем, как вы уехали, офис прислал меня сюда, чтобы сделать фотографии. Они хотели сделать фото вашего дома и, если возможно, вас с женой или кого-то в дверях. Вы наверняка видели нас — меня и других фотографов. И, уверен, вы думали о нас плохо, хотя вас сложно в этом винить. Но это моя работа. Мне нужно зарабатывать на жизнь, поэтому я пришел и остался возле дома. Мало-помалу большинство фотографов сдались и вернулись в Лондон. У них были другие сюжеты для статей, да и вы не давали возможности сделать фотографии. Но я настойчивее некоторых, поэтому решил задержаться еще на день или два. Посмотреть, что получится, если вы решите, что все ушли.

Льюис сделал паузу.

— Если вы не возражаете, то я все же выпил бы каплю-другую.

Я налил ему джина. Свет от настольной лампы попадал в стакан, от чего по поверхности стола расплывалось темно-рыжее пятно. На улице темнело. Сад был полон теней и очень тих.

— Мне удалось сделать несколько фотографий, — сказал Льюис. — Вы с миссис Хилленбранд несколько раз входили и выходили из дома. Меня видно не было — для таких вылазок я приобрел маленький фургончик. Там можно лежать часами, оставаясь полностью незаметным. Так были сделаны ваши снимки. Несколько из них вы сейчас увидите. За те дни, что я находился здесь, получилось довольно много фотографий дома и сада. Еще мне удалось зайти через заднюю дверь, так что часть фотографий сделана там.

Фотограф глотнул джин, богатый вкусом терновника и сахара.

— Эта штука похожа на портвейн.

— Да, — ответил я, — немного.

По саду сосредоточенно кралась кошка. Она двигалась, словно тень, видя то, что мы не могли. Вдруг она оглянулась, увидела меня и метнулась в кусты.

— Так вот, — продолжил Льюис, — некоторые из них я сделал в самый первый день. Там нумерация рядом с датами.

Затем он выложил на стол стопку фотографий. Зернистые снимки, сделанные с помощью телеобъектива. Все они показывали наш дом под разными углами. На земле лежал снег. На большинстве фото шторы были задернуты, и наше пристанище казалось заброшенным. Или нет, не заброшенным, скорее наш дом покинула душа.

Когда я покупал его, то думал — вот оно, место для счастья. Теперь, глядя на фото Льюиса, удивлялся, как мог так ошибиться.

— А теперь смотрите, — указал он.

Расчистив место, положил на стол еще одну фотографию. Ее наверняка сняли с фасада, стоя на подъездной дорожке. Судя по освещению, снимок сделан ближе к вечеру. На фото

видны два верхних этажа и часть нависающего карниза. Сначала я не увидел ничего необычного. Затем Льюис ткнул коротким пальцем на что-то прямо под карнизом. Там, в окне мансарды, едва виднелось лицо. Бледное лицо в обрамлении темных волос.

Я почувствовал, как меня пробрала дрожь. И подумал о движении, которое видел, когда мы вернулись.

— Мне хотелось узнать, кто это, — объяснил Льюис, — поэтому я увеличил изображение так сильно, как только мог. На всякий случай. Может, удалось бы узнать человека. И вот что я получил.

Он достал еще один снимок и положил поверх первого. Там было изображение с предыдущей фотографии — значительно увеличенная часть оконной рамы и лицо внутри нее. Разрешение оказалось слабым, но понятно было, что лицо женское. Однако я видел достаточно, чтобы понять: эта женщина — не Лора. Она вообще не походила ни на одну из моих знакомых женщин.

— Узнаете ее? — спросил фотограф.

Я покачал головой.

— Я так и думал, — ответил он и отпил джин.

— Это все?

Льюис отрицательно покачал головой.

— Вот. Это я снял на следующее утро.

На этом фото было запечатлено одно из окон нижнего этажа. То, что выходит в столовую, справа от входной двери. Шторы раздвинуты, и лицо в окне оказалось видно более отчетливо. Кроме того, Льюис использовал вспышку.

— Я подумал, что это ваша жена или родственница, — рассказал он. — Но я никогда не видел, чтобы эта женщина входила или выходила. Но что еще более странно... — он снова сделал паузу и допил свой бокал. — Никто не стоял у окна, когда был сделан этот снимок. Готов поклясться в этом в любом суде.

Я посмотрел на фото. Лицо жесткое и бледное. Волосы строго зачесаны назад, открывая напряженный лоб. Женщина лет тридцати или чуть за сорок. Тонкие, сжатые губы, никакого макияжа. Чересчур бледная. Она была мне не знакома.

— Это какой-то фокус? — спросил я и начал подниматься со своего места.

— Никаких фокусов, доктор Хилленбранд. Пожалуйста, я хочу, чтобы вы мне поверили. Мне нужно показать еще кое-что, если вы позволите. На фото вы. И я не могу спать по ночам, с тех пор, как их сделал.

Я снова сел, а Льюис открыл папку и достал новую пачку фотографий.

— Это фото я сделал в саду перед домом, в последний день. Мне хотелось сфотографировать качели.

В нашем саду? Да. Часть дома едва видна: крыльцо с маленькими каменными львами, три ступеньки ко входу и часть двери. В самом саду виднелись качели, которые я поставил для Наоми год назад. А еще — большой вяз, о который Наоми поцарапала голень... как давно? В октябре? Ноябре? Но мое внимание привлекло не это. Детали я заметил позже, и они лишь подтвердили, что палисадник действительно наш.

На переднем плане стояли две маленькие девочки. Одной было девять, другой — лет шесть или семь. В странной одежде: в длинных широких юбках, из-под которых выглядывали сапоги. С волосами, уложенными в локоны. Они держались за руки, глядя в камеру. И выглядели так, словно пришли с костюмированной вечеринки, стилизованной под

раннее викторианство. Их лица были бледными, как и у женщины на предыдущем фото. А в глазах застыло что-то такое, что заставило меня отвести взгляд. Выражение боли, горя, гнева или разочарования... сложно сказать.

— Но их там не было, — шепотом сказал Льюис. — Там вообще никого не было.

— Вы врете.

На его лице отразился гнев.

— Да ради Бога, мужик, ты не видишь? Я в ужасе! Зачем мне идти к тебе с этим, если все это выдумка? Какой в этом смысл?

— Это все?

Фотограф снова отрицательно покачал головой.

— Когда я пришел домой, — сказал он, — то проявил все фотографии, сделанные у дома. Каждый кадр. Некоторые выглядели вполне нормальными, как и должно быть. А на некоторых проявились две маленькие девочки. Дети всегда вместе. Всегда младшая слева, а старшая справа. А вот еще фото.

На следующем снимке оказалась запечатлена сцена в саду за домом — возле пруда с рыбой. Те же маленькие девочки, а рядом с ними, тоже в викторианской одежде — женщина с других фотографий. Та, что стояла у окна. Она оказалась очень высокой, в серой одежде, с простой гагатовой брошью на шее.

— Мне хотелось показать вам эти фото, — Льюис вспотел. Я наполнил нам стаканы — один ему и еще один — себе. Во мне уже начала просыпаться вера в его слова.

Фотограф был очень убедителен. Позже, конечно, доказательства мне уже не понадобились.

Последнюю фотографию из папки он выложил на стол очень медленно, будто предвидя эффект заранее. На ней мы с Лорой шли прочь от дома и находились примерно в десяти ярдах от входной двери. На мне был твид, на Лоре — зеленые шляпа и пальто. Расстояние между нами составляло всего два или три фута — Лора шла чуть позади. Между нами, в желтом пальто и красном шарфе, стояла Наоми.

Глава 7

Сегодня все спокойно. Передо мной жестянка из-под печенья. Внутри — фотографии, те, что мы рассматривали после визита Льюиса. Я ничего не смог сделать, чтобы его успокоить. По моему лицу он понял, что я потрясен не меньше.

— Я не суеверен, — повторил он, как будто его благоразумие улучшало ситуацию. Если бы он верил, если бы я сам склонялся к вере в сверхъестественное, это могло бы позволить нам найти некую душевную лазейку, в которой мы могли бы укрыться.

Мы могли бы предложить объяснения, кивнуть в знак согласия, придать какой-то загадочный смысл тому, что показывали фотографии. Но такой путь остался для нас недоступен, у нас не имелось другого выхода, кроме сурового признания того, что предстало перед нашими глазами.

— Вы говорите, что никогда их не видели? — спросил я.

— Никогда. Только на фотографиях. Я подумал, что вы могли их видеть. Живя здесь. Находясь в доме.

— Думаете они связаны с этим домом?

— Должны. Это единственное, что имеет смысл.

И я подумал, что он прав, но насколько прав, я тогда не знал и не догадывался.

Когда Лора вернулась из города, Льюис уже ушёл. Я решил, что лучше ничего ей не говорить.

— Он приходил? — спросила она. — Фотограф.

— Да, — подтвердил я. — Приходил.

— Что он хотел?

— О, просто способ подобраться к нам поближе. У него имелись фотографии дома, он решил, что они могут мне понравиться, и я соглашусь на фотосъемку с тобой.

— Я думала, что история уже давно устарела. И у публики пропал интерес.

— Да, — согласился я. — Пока они не арестуют убийцу.

— Думаешь, они когда-нибудь это сделают?

— Конечно, — ответил я, не раздумывая. — Почему нет?

— Все произошло спонтанно, Чарльз. Большинство убийств совершает кто-то близкий жертве. В основном родственник или друг. А тут ничего такого нет.

— Рутвен сказал, что криминалисты нашли несколько улик. Волокна, оставшиеся на одежде Наоми. Следы какой-то смолы. — Я не говорил Лоре об этом раньше, не хотел ее расстраивать.

— Он сказал это?

Я кивнул.

— Возможно, они найдут ее пальто, — проговорила она. — Или шарф.

— Возможно, — поддержал я. Иногда мы не могли перестать говорить об этом, об убийстве. Оно всегда крутилось у нас в голове, отвлекая от всех других тем.

Гости приходили к нам все реже. Мы стали такими тягостными, что находиться с нами теперь было очень тяжело.

В ту ночь случилась первая из неприятностей. Мы называли их «неприятностями», но это не совсем так. Спиритуалист назвал бы их явлением, я думаю. Они начались с малого, как будто дом медленно просыпался.

К концу... Нет, это неправильно. Конца никогда не наступит.

Мы легли спать. Ночи приносили немалый стресс. Врач назначил нам обоим снотворные таблетки, но транквилизаторы быстро становятся неэффективными и, что бы вы знали, усугубляют бессонницу. Я отказался от своих и справлялся с периодами тяжелого сна, перемежающимися с длительными эпизодами бодрствования. Во время этих приступов я прокручивал в голове все, что произошло в тот день в Лондоне и в последующие дни. Это напоминало кинолентку, которая проигрывалась снова и снова, и ее не получалось остановить, как бы я ни старался.

Лора лежала без сна рядом со мной, никогда не достигая большего, чем легкая дремота.

Иногда она ворочалась в полудреме, видя сны, о которых отказывалась говорить после пробуждения. Она теряла вес.

У меня имелась маленькая лампа для чтения на батарейках, которая позволяла мне немного отвлечься.

Иногда я читал подолгу, засыпая в четыре-пять утра, а иногда и вовсе не засыпая. Мы больше не занимались любовью. Желание покинуло нас обоих, даже желание прикоснуться, желание получать утешение от физического присутствия другого.

Было почти три часа, когда раздался звук. Согласно вскрытию, примерно в это время Наоми окончательно умерла. Мы услышали один-единственный высокий крик, детский

крик, громкий, неистовый, полный неопишемого страха. Он внезапно оборвался. Я сел и включил прикроватную лампу. Лора сидела рядом со мной, ее глаза распахнулись, на лице застыло выражение ужаса. Инстинктивно мы оба знали, откуда раздался крик.

Детская.

Я вылез из постели, дрожа от холода раннего утра. У двери я замешкался. Визит Льюиса встревожил меня, а в темноте спальни уже преследовали образы бледных, застывших детей и высокой женщины в сером платье.

На лестничной площадке царил крошечная тьма. Слева от меня располагался выключатель. Я помню, как вытянул дрожащую руку, в ужасе от того, что, как мне казалось, мог увидеть. Но там ничего не появилось. За криком последовала густая, туманная тишина, такая тишина, в которой представляешь, что кто-то сидит напротив тебя и произносит слова, которые ты не можешь ни услышать, ни понять.

Я приоткрыл дверь. На мгновение ожидал увидеть горящий ночник, который всегда горел, когда я заходил ночью проведать Наоми. Но в комнате было темно. Темно, тихо и очень, очень холодно. Холоднее, чем где-либо еще в доме. Я вздрогнул и неуверенной рукой потянулся к выключателю.

Как только посмотрел, понял, что она побывала там. Ее подарки лежали на полу, обертки сорваны и отброшены в сторону. Я узнал куклу, которая умела плакать, кукольную кроватку, кукольную коляску. На кровати лежала коробка Лего, которую я ей обещал. Она оказалась вскрыта, и детали рассыпались по покрывалу. Коробка с мелкими тоже лежала открытой, и ее содержимое валялось на полу. Кто-то взял несколько из них и нарисовал на большом листе бумаги, лежащем на маленьком письменном столе.

Я наклонился и посмотрел на рисунок. Она использовала несколько цветов. На бумаге детской рукой она нарисовала три фигурки. Под ними, несовершенными печатными буквами, вывела их имена: Мама, Папа и Наоми. Фигуры получились очень неаккуратными, но одно можно сказать точно: ни Лору, ни меня она так никогда не рисовала. Папа был изображен весь в черном, а на голове у него находилось нечто, что можно принять за цилиндр.

Наоми была одета в желтое, а на горле у нее имелись красные каракули, несомненно, обозначавшие ее шарф. Но больше всего меня поразила фигура матери: на рисунке изображалась высокая женщина в длинном платье. В длинном сером платье.

Позади меня раздался какой-то звук. Я обернулся и увидел Лору, стоящую у двери детской, ее волосы были растрепаны, глаза красные и напряженные.

— Ничего страшного, — начал объяснять я. — Кошка или что-то еще... — Но мой голос прервался, когда я посмотрел на нее. Она не пошла за мной, чтобы исследовать звуки из детской.

— Чарльз, — сказала она. Ее голос дрожал. — Наверху кто-то ходит. Я слышала шаги. Над нашей спальней.

— Но там ничего нет...

— На чердаке, Чарльз. Кто-то ходит по чердаку.

Глава 8

Остаток той ночи мы провели внизу, я в кресле, Лора на диване. Я включил свет, все лампы, которые только нашел, и оставил их ярко гореть.

Оглядываясь назад, я благодарен за то, что страх, или осторожность, или простой

инстинкт не позволили мне подняться на чердак той ночью. То, что я мог бы найти — то, что, знаю, обязательно нашел бы, — я не был бы готов встретить. Даже сейчас я содрогаюсь при мысли об этом.

Мы провели ужасную ночь, причем в буквальном смысле. Бессонница уступила место откровенному страху. Тот ужасный крик леденил нашу кровь. А равномерные шаги на чердаке — чердаке, запертом задолго до того, как мы поселились в этом доме, который всегда пустовал, — еще больше потрясли нас. И без того расшатанные нервы Лоры.

Она спросила меня, что я нашел в детской. Я рассказал ей о подарках, но умолчал о рисунке и своем понимании того, что представляют собой три фигуры.

Утром, когда уже совсем рассвело, мы, набравшись смелости, поднялись наверх. За ночь больше не доносилось никаких звуков: ни криков, ни мрачных шагов, ни даже скрипа половиц.

В прохладном утреннем свете наши страхи казались глупыми. По дому ползло тепло, так как центральное отопление начало работать.

Светильник на лестничной площадке спальни все еще горел. Справа дверь в детскую стояла открытой, как я ее и оставил. Сквозь дверной проем пробивался слабый свет.

Здесь, наверху, где естественный свет не так заметен, я снова почувствовал беспокойство.

Мы вместе вошли в детскую. Все выглядело так, как я видел накануне вечером: порванная бумага, разбросанные подарки, рисунок на столе. Я наклонился и начал собирать обрывки бумаги, думая, наверное, что, ведя себя нормально, смогу привести в ситуацию некое ощущение обыденности. Позади меня раздался голос.

— Оставь это! Оставьте все как есть. Ничего не трогай!

Я повернулся. Лора стояла в дверях, ее глаза пылали, она дрожала от гнева. Я отложил бумагу. Впервые в моей голове мелькнула крошечная мысль. Я еще не мог объяснить этот крик, но неужели все остальное тоже дело рук самой Лоры? Открытые подарки, рассыпанные мелки, даже рисунок? Это многое объяснило бы, это объяснило бы все, даже историю о призрачных шагах над нашей спальней. Это Лора сказала, что слышала их. Я не слышал.

— Все в порядке, дорогая. Я оставлю все как есть. Не волнуйся.

Я вышел и закрыл за собой дверь. Лора взяла меня за руку.

— Прости меня, — сказала она. — Просто...

— Успокойся, милая. Я собираюсь подняться на чердак. Уверен, что там ничего нет. Мы оба переутомились. Это могли быть крысы или птица.

Она ничего не сказала, но пристально посмотрела на меня. Мысль о том, что за всем этим может стоять Лора, придала мне сил. Я выбросил Льюиса и его фотографии из головы. Легко подделывать фотографии, легко охотиться на убитых горем. Что будет дальше? Появится ли валлиец с медиумом на буксире, с другом, который случайно знает, как связаться с Наоми? За определенную плату?

Я нашел большой фонарь в шкафу, где мы хранили чистящие средства. Вход на чердак представлял собой небольшой дверной проем на вершине лестницы из пяти или шести ступенек. Дверь оказалась заперта, и была заперта, сколько я себя помню. Когда мы осматривали дом, меня провели внутрь, но кроме того, что я убрал несколько сундуков, коробок и ненужных предметов мебели на хранение, никакого другого применения чердачному помещению не нашел. Чердак в доме был холодным, неудобной формы и плохо

освещенным.

Мне потребовался почти час, чтобы найти ключ. Я положил его в ящик и забыл, что он там лежит. Старый ржавый ключ, и, несомненно, замок тоже заржавел, подумал я. И действительно, когда попробовал вставить ключ в замок, он не повернулся. Потребовалось много времени и обильное применение смазки, прежде чем механизм поддался на мои уговоры. Дверь нехотя сдвинулась с места. За ней простиралась тьма. Непроглядная тьма. Но тогда я еще не понимал, насколько темная и насколько неприступная.

Я включил фонарик. Ступеньки продолжали уходить вверх, теперь уже без коврового покрытия, достигая пола чердака.

— Есть кто-нибудь наверху? — позвал я нетвердым голосом, демонстрируя браваду, которой не чувствовал. Никто не ответил. Я напряженно вслушивался, не раздастся ли какой-нибудь звук или биение крыльев. Но ничего не происходило, только тишина.

Луч фонаря выхватывал старые деревянные панели, поврежденные поколениями выброшенной мебели и тяжелых ящиков, испорченных холодом и сыростью. Густая паутина висела, как рваные знамена, в вышине темного нефа собора.

Я поставил ногу на первую ступеньку и начал подниматься. Наверху было холодно, так же холодно, как и в комнате Наоми. Рука немного дрожала, пока я поднимался, и свет факела метался среди паутины и голых стропил.

Когда моя голова поравнялась с полом, я напрягся, не зная, чего ожидать.

Свет выхватывал странные, пугающие формы и отбрасывал необычные тени во все стороны. Нервноничая, я передвигал луч, находя и определяя содержимое чердака одно за другим: три сундука с чайными принадлежностями, манекен портнихи, принадлежавший моей матери, старые резиновые сапоги, наполовину использованные банки с зеленой и белой краской, стул, древний комод, считавшийся слишком тяжелым для нашей спальни, вешалка, доска для дартса, моя старая фехтовальная маска и рапиры, несколько полок. Все покрывала пыль и паутина, как и положено на чердаке, который не открывали годами.

Я ступил на половицы и провёл лучом по ним, ища в пыли дорожки или следы ног. Свет не показывал ничего, кроме слоя тонкой серой пыли, куда бы я ни светил. Я ходил, переходя от предмета к предмету, и находил все нетронутым. Сама возможность существования следов стала казаться абсурдной.

Свет играл на самой дальней от меня стене, слегка открывая неглубокий проем, в котором находилось окно. Я на мгновение задумался, почему на чердак не проникает свет снаружи, затем, когда луч переместился обратно, вспомнил, что сам закрывал ставни, когда в последний раз поднимался сюда, чтобы сохранить неоттапливаемое помещение достаточно хорошо закрытым от стихии. Увидев, что ставни по-прежнему плотно закрыты, как их и оставил, я как никогда раньше усомнился в правдивости Льюиса и его фотографий. Как он мог сфотографировать кого-либо, даже призрака, стоящего у этого окна?

Я подошел к ставням и потянул за металлическую планку, скреплявшую две створки. Она неохотно поддалась, а затем взлетела вверх. Я потянул левое крыло назад; оно скрипнуло на несмазанных петлях, затем согнулось и сложилось не совсем вровень со стеной. С правым крылом оказалось сложнее. Пока возился с ним, я выглянул в окно.

Несколько мгновений сцена за стеклом, казалось, то приближалась, то удалялась. Ничто не выглядело так, как раньше; остались только основные контуры палисадника и дороги за ним. Деревья и кусты, даже точные пропорции газона совершенно изменились. Дома напротив совсем не стало видно. Мне показалось, что я заметил, как кто-то... или что-то...

движется по газону, просто на краю моего зрения.

В эти мгновения я испытал не просто зрительное расстройство, а внутреннее чувство, которое могу описать только как острое ощущение угрозы, всепоглощающее чувство, что огромная сила зла угрожает мне. В следующее мгновение мое зрение прояснилось, сад и дорога вернулись к своим привычным очертаниям, а ощущение опасности сразу же сменилось простой тревогой.

Я поспешно отошел от окна и вернулся к лестнице. Я не мог понять, что произошло, но списал это на напряжение, которое испытал, на бессонную ночь, которую только что провел. У подножия лестницы меня ждала Лора. На ее лице застыло озабоченное выражение. Когда я подошел к ней, во мне вспыхнул гнев. Я едва не поднял руку, чтобы ударить ее, наказать за эти игры, за ложь, за то, что она усугубляет мое бремя. Но это чувство прошло так же быстро, как и появилось, оставив лишь слабое послевкусие, трепет насилия под поверхностью моих мыслей.

— Там ничего нет, — сказал я и повернулся, чтобы закрыть дверь на чердак.

— Но я слышала...

— Пожалуйста, Лора. Мы оба переутомились. — Я провернул ключ. Он показался мне твердым и тяжелым, а мои пальцы нашли его знакомым, как будто я давно привык к его использованию.

Она стояла лицом ко мне, когда я повернулся, на ее лице читалось то же выражение немой тревоги.

— Ты думаешь, я выдумала их. Эти шаги.

— Там пусто, Лора. — Я не назвал ее «дорогая», как обычно делал. — Никаких признаков того, что там кто-то побывал. Никаких следов. Ничего.

Она колебалась.

— Ты знаешь, это не важно, Чарльз. Неважно, есть следы или нет. Звуки, которые я слышала, вполне реальны. Может быть, они не обладали физической формой, но они реальны.

— Пожалуйста, Лора, — снова прервал я ее. — Нам двоим нужен отдых. Давай спустимся вниз. После завтрака ты будешь чувствовать себя лучше. Не о чем беспокоиться.

Но это было не так. Я знал, что есть повод волноваться. Поворачивая ключ в замке, я почувствовал не просто его привычность, а снова ощутил чувство угрозы, на этот раз с удвоенной силой. И когда оно покинуло меня, я кое-что вспомнил. Вспомнил, где видел двух маленьких девочек с фотографий Льюиса.

Глава 9

Позже в тот же день Льюис позвонил и сказал, что хочет показать мне что-то еще, что-то важное. Я повесил трубку. Он пытался снова, несколько раз, пока я не снял трубку с рычага. К тому времени, конечно, я знал, что он говорит правду, что его фотографии — не самозванство, а изображения людей, давно уже не живущих. Не живых, в любом смысле этого слова. Но я хотел, чтобы на этом все закончилось, хотел, чтобы мертвые оставались мертвыми. Мне невыносимо было думать, что они могут пересекаться с живыми. Больше всего на свете, как теперь понимаю, я хотел достойно похоронить свои собственные чувства. Если оставить их на свободе, они могли бы стать для меня лишь постоянной мукой.

На следующий день суперинтендант Рутвен появился на пороге нашего дома. Ночью нас никто не беспокоил. По моему настоянию мы остались в нашей спальне, хотя никто из нас

не спал. Лора была на взводе, ожидая звука шагов из комнаты наверху. Незадолго до трех часов наступило самое тяжелое время, потому что мы оба ожидали снова услышать этот крик. Когда миновало это мгновение и вокруг по-прежнему продолжала царить тишина, мы немного расслабились. Я погрузился в легкую дремоту, но Лора — так она мне потом рассказывала — бодрствовала до рассвета. Никаких шагов над нашими головами не раздавалось. Утром я рискнул зайти в комнату Наоми. Никаких новых следов ее пребывания там не оказалось.

Рутвен принес с собой большой пластиковый пакет с пальто Наоми. В отличие от другой ее одежды, эта не запачкалась кровью. Мы опознали пальто, и он положил его в пакет, чтобы вернуть в лабораторию судебной экспертизы.

— Где его нашли? — спросил я.

— В церкви, — сообщил он. — В англиканской церкви Святого Ботольфа. Это в Спиталфилде, рядом с Брик-Лейн — недалеко от того места, где мы нашли саму Наоми. Сейчас там работают наши люди, но мы не надеемся ничего найти. Это старая церковь, ею почти не пользуются. Приходской священник из другого прихода еженедельно проводит службу. Это все. Приходят несколько стариков. Несколько бродяг. Кто угодно мог оставить там вещи вашей дочери.

— Где? — спросил я.

— Я же сказал вам...

— Нет, в церкви, я имею в виду. Где именно в церкви? — По какой-то причине, которую я не мог объяснить, мне стало важно это узнать.

Рутвен странно посмотрел на меня, как будто вопрос продемонстрировал мою проницательность, о которой он не подозревал.

— В склепе, — пояснил он. — Вероятно, найти его не могли бы долгие годы, но что-то пошло не так с котлом. Когда смотритель спустился проверить, он наткнулся на пальто. Оно лежало на вершине одной из могил. Тот, кто оставил его там, должно быть, взломал дверь. Или у него имелся ключ. По крайней мере, это дало нам направление для расследования. Мы нуждались в нем после всего этого времени.

Я пригласил его на чай, но он покачал головой.

Суперинтендант был в плаще и помятой серой шляпе, почти стереотип полицейского, за исключением его глаз. Я до сих пор помню их, их голубизну, остроту, прищур. Рутвен постоянно что-то прятал под ними, прятал очень глубоко, но иногда это удавалось разглядеть, если знать, что искать. Я знал. Я понимал. Это скрывалось и во мне.

— Как ваша жена? — спросил он, собираясь уходить.

Здесь следовало сказать: «В порядке», но я этого не сделал.

— Она очень страдает, — ответил я. — Лора никогда этого не переживет.

— Нет, — согласился он. — Это невозможно. Люди думают, что пережить такое можно, но это невозможно, смерть ребенка оставляет шрамы на всю жизнь.

Он, конечно, имел в виду свою дочь, хотя в тот момент я этого не знал. Глагол, который он использовал, был любопытным, но метким. Смерть оставляет раны, которые никогда не заживают как следует. И все же... даже тогда я думал, что он имел в виду что-то другое.

— Если появятся какие-нибудь новости... — проговорил я.

— Не беспокойтесь. Вы узнаете первыми.

На следующий день пришло письмо от Льюиса. Это была всего лишь короткая записка, к которой прилагались две фотографии, вклеенные между несколькими листами тонкого картона.

«Пожалуйста, свяжитесь со мной, — писал он. — Я сделал их в день моего визита к вам, перед тем как войти в дом. Первая снята обычным объективом, вторая — с зумом. Я считаю, что вы оба в опасности. Нам нужно поговорить».

Я разрезал ленту и вынул фотографии из самодельного портмоне. Первая представляла собой еще одну фотографию, на которой запечатлен фасад дома. Я внимательно посмотрел на него, зная, куда теперь смотреть, догадываясь, что могу найти, но не подозревая, что все это правда. Сердце сжалось от холода, когда я разглядел в чердачном окне безошибочное изображение лица. В закрытом ставнями окне, которое я открыл всего два дня назад.

Я рассмотрел крупный план. У меня даже сейчас кровь стынет в жилах при мысли о том, что там оказалось. Не бледная седая женщина, не одна из маленьких девочек, не Наоми. Но лицо Лоры, белое и холодное, смотрящее вниз, словно с огромной высоты.

В ту ночь наваждения начались снова. Я думаю о том, что произошло той ночью, как о потере невинности. Каждый этап этих событий представлял собой ту или иную форму потери: потерю любви, веры или самоуважения. Но невинность подобна доверию: однажды утраченное, оно никогда не может быть восстановлено.

Что я имею в виду под невинностью? В конце концов, к тому времени я был уже взрослым мужчиной, убитым горем отцом. Я пережил разочарование, растерянность, тяжелые испытания — все те пути, по которым мы приходим к житейской мудрости. Или, если не к мудрости, то к какому-то пониманию. Но, несмотря на все это, в душе я оставался достаточно невинным. В том смысле, что у меня сохранялась вера в то, что все вокруг пронизано добром. Я видел образ, замысел в целом, даже если жизнь в ее частностях порой казалась бесформенной или бессодержательной, даже если дети умирали от боли.

Полагаю, это было религиозное восприятие мира, хотя я не формулировал его в теологических терминах. Более строгая богословская теория, догма, возможно, помогла бы мне пережить то, что произошло. Но моя невинность не состояла из такого железного материала и не была так хорошо защищена. Она сформировалась наполовину, она оказалась расплывчатой, слишком сильно созвучной времени и слишком мало — опыту поколений.

Я пробудился от тревожного сна чуть раньше трех. Рядом со мной спала Лора. В этот раз меня разбудил не крик, а нечто гораздо более коварное. Проснувшись, я почувствовал, что на меня словно оказывается какое-то мощное давление. Мне стало трудно дышать. Мои мысли путались, я чувствовал, как внутри меня без видимой причины нарастает паника. Когда я лежал, пытаясь выпрямиться, то слышал звук, похожий на дыхание. Не дыхание Лоры, а более тихое и отдаленное. Мне показалось, что оно доносится от изножья кровати.

С усилием я приподнялся, опираясь на подушку.

— Кто здесь? — шепотом спросил я.

Я твердо знал, что кто-то стоит у изножья кровати и пристально смотрит на меня. Рядом со мной Лора беспокойно ворочалась во сне. Ответа не последовало. Звук дыхания продолжался. Я напрягся, чтобы увидеть, но вокруг царил лишь тьма, ровная и непроницаемая.

— Кто ты? — спросил я снова. — Что тебе нужно? — Дрожа, протянул руку, чтобы

включить прикроватную лампу. Ничего не произошло. Снова и снова щелкал выключателем, но свет не загорался.

И тут я осознал нечто ужасное. Чувство угрозы, которое я ощущал до этого на чердаке, вернулось, на этот раз гораздо сильнее. Самое ужасное заключалось в том, что я испытывал его сразу в двух различных формах: чувствовал, что являюсь объектом страшной ненависти, неутоленного гнева, который тянется ко мне со всей своей силой. И одновременно ощущал это в себе, чувствовал ненависть, гнев, злобу, гамму необузданных эмоций, которые просто душили меня. Мне все еще с трудом удавалось дышать. Тьма давила на меня, неумолимая, плотная, как мешок, она душила меня.

Внезапно я услышал голос Лоры слева от себя.

— Что случилось, Чарльз? Что происходит?

Я пытался ответить, но слова не складывались. Мне казалось, что я тону в воздухе.

— Что такое, Чарльз? Что случилось? Что с тобой?

Ее голос, казалось, доносился издалека. Он звучал так слабо, что я едва мог его расслышать. Я попытался заговорить, но ничего не выходило. Теперь я услышал другой звук, слабое шуршание, как шелк.

Вдруг в моих глазах вспыхнул яркий свет. Я сильно моргнул, затем снова открыл их. На мгновение мне показалось, что я вижу кого-то, стоящего передо мной, кого-то высокого и одетого в серое. Затем я снова задышал, почувствовал руку Лоры на своей руке и отчетливо услышал ее голос.

— Чарльз, ты в порядке? — Я кивнул, глотая воздух. — Что случилось?

— Я не знаю, — растерянно ответил ей. — Я... Должно быть, мне снился сон. Мне казалось, что меня душат. Но сейчас все в порядке. Я в порядке.

Но на самом деле это не так. Что-то засело глубоко внутри меня, что-то невыразимое. Не воспоминания, а ощущения, томительное осознание угрозы, которую я чувствовал, и темное знание о чем-то другом, что уже присутствовало во мне и до сих пор пребывало в состоянии покоя. Чувства ярости и ненависти не пришли извне, они жили во мне все это время. Я чувствовал себя грязным, как будто что-то нечистое коснулось или вошло в меня. Когда Лора протянула руку, чтобы успокоить, я отпрянул от нее. Я никогда не делал этого раньше. Она ничего не сказала, но я знал, что мой жест причинил ей боль. Но мне было все равно.

Утром я позвонил Льюису. Он ждал моего звонка.

— Вы слышали? — спросил он.

— Слышал? Что слышал?

— Это передавали в новостях сегодня утром, — ответил он. — Рутвен найден мертвым. Убит. В церкви, где нашли пальто Наоми.

Глава 10

— Что произошло?

Мы с Льюисом сидели в кабинете, лицом друг к другу за низким столиком, на который я положил небольшую папку.

— Ему перерезали горло. Если верить сообщению, которое мы получили. Никто в Главном управлении не знает, зачем он вернулся в церковь. Они закончили там, сделали все свои криминалистические дела и прекратили. Похоже, там так ничего и не нашли. Полиция считает, что пальто попало туда случайно, не более того. Бродяга мог наткнуться на него и

отнести в церковь.

— Но зачем оставлять его в склепе? Какой в этом смысл?

— Смотритель говорит, что туда иногда спускаются бродяги, умные, которые знают, что там есть котел. Но долго они там не задерживаются. Место их пугает. Никто никогда не ночевал там, насколько он знает.

— Могут ли они быть связаны?

— Кто?

— Не кто. Я имею в виду убийства. Убийства Наоми и Рутвена. Может ли быть связь? Мог ли Рутвен что-то узнать? Может быть, убийца в панике напал на него?

Льюис пожал плечами.

— Слишком рано говорить. Нет никаких данных о результатах осмотра. Они только вчера свернули свою деятельность в церкви.

— Когда его нашли?

— Сегодня рано утром. Смотритель зашел проверить, все ли в порядке с уходом полиции. Он сильно испугался. На одной из гробниц была кровь. Старая французская гробница. Забавное название: Петитойль.

Я поправил его произношение, как будто он был студентом.

— Петитойе, будет правильнее, в переводе означает «Маленький глаз». Это фамилия гугенотов. В свое время Спиталфилд был крупным центром для беженцев-гугенотов.

Была середина утра. Льюис приехал прямо из Лондона. Я наблюдал, как он поднимается по дорожке к дому, нервничая, оглядываясь по сторонам и время от времени поднимая глаза. Я знал, на что он смотрит, что ищет. На этот раз у него с собой была камера, в одной из тех больших сумок, которые носят фотографы.

— Вы получили фотографии? — спросил он.

Я кивнул.

— Так вот почему вы позвонили?

— Нет. Кое-что еще... Случилось ещё кое-что. — Я рассказала ему о происшествиях, ведя свой рассказ как можно более просто и безэмоционально. Но я видел, как расширились его глаза, когда до него дошла суть моих слов. Когда закончил, я поднял папку.

— Есть нечто другое, — сказал я. — Нечто, связанное с вашими фотографиями.

— В общем-то, я так и предполагал, — признался он.

Знаете, Льюис, он обладал инстинктом, шестым чувством. Говорят, валлийцы потомки кельтов, немного колдуны, настроенные на другие измерения. Сыновья Артура. Ну, возможно. По крайней мере, Льюис им обладал. И он не раз успел об этом пожалеть.

Из папки я достал два комплекта фотографий. Разложил их рядом на столе.

— Меня тревожили, — начал я. — Эти маленькие девочки. Те, что на ваших фотографиях. Что-то в них не давало мне покоя. Они казались знакомыми, как будто я видел их раньше. Понимаете?

Он кивнул.

— Продолжайте, — сказал Льюис.

— Сначала не получалось объяснить мои ощущения, сколько бы я о них ни думала. А потом... Сразу после того, как поднялся на чердак, когда Лора услышала шаги, я вспомнил.

Я взялся за фотографию с первой из двух небольших куч. На переднем плане стояла Лора, на несколько лет моложе, держась рукой за каменную балюстраду низкого моста. Возможно, это мог быть Кембридж, но это не так. Фотография была сделана во время

нашего медового месяца в Венеции. Через несколько месяцев после покупки дома.

— Смотрите, — показал я. — Взгляните за её спину.

Льюис поднял фотографию и внимательно посмотрел на нее. На мосту, в нескольких шагах позади Лоры, стояли две маленькие девочки, рука об руку, улыбаясь в камеру.

— В момент съемки они находились в поле зрения? — спросил Льюис. — Вы можете вспомнить, действительно ли вы видели их на мосту?

Я покачал головой.

— Сейчас уже невозможно сказать. Я точно помню, что испытал некоторое недоумение, когда снимки удалось проявить. Тогда я был уверен, что Лора позировала на пустом мосту. Мне не очень нравятся снимки, на которых присутствуют другие люди. Мост находился где-то за собором Святого Марка, я в этом уверен. Но люди в Венеции повсюду, от них трудно избавиться и остаться одному. Поэтому я подумал, что девочки, должно быть, появились как раз в тот момент, когда нажал на кнопку спуска затвора. — Я сделал паузу. — А теперь посмотрите на это.

Еще одна фотография Венеции, на этот раз мы вместе, снятые официантом в маленьком ресторанчике на Страда Нуова.

— Посмотрите внимательно, — посоветовал я.

За столиком слева от нас сидела семья и ела. Мужчина в черном, женщина в сером, две маленькие девочки в длинных юбках. Все они смотрели в камеру. В лице мужчины явно читалось что-то такое, что мне не понравилось.

— И здесь, — я пододвинул к нему через стол еще одну фотографию.

Лора на площади Святого Марка кормит голубей. Едва заметные в толпе, до недавнего времени, две маленькие девочки смотрят, на этот раз не в камеру, а на Лору.

— Есть и другие, — проговорил я. — Нужно хорошо поискать, но они есть. Иногда дети сами по себе, иногда женщина, иногда все трое.

— А как насчет мужчины?

— Он присутствует только на фотографии в ресторане.

Льюис кивнул, внимательно изучая фотографии одну за другой. Он использовал одно из тех странных увеличительных устройств, которые носят с собой фотографы, — небольшую подставку, приподнятую над плоскостью примерно на дюйм.

— А это? — спросил он, постучав пальцем по второй стопке.

— Вчера я их проявил, — ответил я. — Это фотографии, которые мы сделали за неделю или две до Рождества, вплоть до... До исчезновения Наоми.

Он начал листать их. Его движения отличались удивительной аккуратностью и точностью, как у антиквара, работающего с редким фолиантом, или у садовода, высаживающего новый экземпляр орхидеи. Между его внешностью и изящностью движений чувствовалось огромное несоответствие. Из-за этого я чувствовала себя странно комфортно, из-за этой его особенности, из-за того, как деликатно он держал и сортировал фотографии. Возможно, думал я, возможно, он поймет, как это произошло, возможно, он будет знать, что делать.

Когда он наконец поднял голову, его лицо приобрело пепельный оттенок.

— Боже милостивый, — прошептал он. Больше ничего. Они не были такими красивыми на тех фотографиях, эти маленькие девочки. Не так... хорошо выглядели.

Придя в себя, он положил фотографии обратно в папку. Теперь он уже не так бережно обращался с ними, его движения стали более грубыми.

— Ваша жена, — сказал он. — Вы ей это показывали?

Я покачал головой.

— Хорошо, — пробормотал он. — Лучше не надо.

— Да, — согласился я. — Знаю.

— Скажите, — продолжал я. — У вас есть идеи, почему эти фигуры возникли в том виде, в каком они есть? Почему они появляются на пленке, но не видны невооруженным глазом?

Он медленно покачал головой.

— Не совсем, — ответил он. — Я, конечно, много думал об этом, но так и не смог найти ответы. По-настоящему хорошие ответы. Полагаю, это как-то связано с тем, как свет падает через линзу. Возможно, они видны, если поймать их в правильном свете, под правильным углом. Я не знаю. Это не моя специализация.

— Я почувствовал их, — признался я, ощущая, как по коже поползли мурашки, при воспоминании. — Я их чувствовал. На чердаке. Уверен, что это были именно они.

— Вы делали еще какие-нибудь фотографии после... смерти вашей дочери?

— Не здесь, — сказал я. — Зачем нам фотографии? Но когда мы ездили в Египет — да, мы сделали там несколько снимков. Я не знаю зачем, мы ведь были не в том настроении. Но казалось, это то, что нужно, чтобы отвлечься.

— Вы их уже проявили?

Я покачал головой.

— Нет. Я убрал пленки в ящик после нашего возвращения. Никому из нас они не нужны. О чем бы они нам напоминали, в конце концов? Это просто... отвлекало. Мы ни на что не смотрели. Там были статуи, гробницы, жаркое солнце: это все, что я помню.

— Позвольте мне взять пленки. Я проявлю их сегодня позже.

— Но в Египте..?

— Они ведь последовали за вами в Венецию? Я не думаю, что расстояние имеет для них значение.

— Да, — согласился я. И мне стало интересно, где еще они нас преследовали. И когда все это началось.

— Я хотел бы получить ваше разрешение, — сказал Льюис, — чтобы сделать здесь больше фотографий. По всему дому. Особенно в детской и на чердаке. Я бы хотел посмотреть, что получится. Если можно.

Эта мысль ужаснула меня, но я кивнула. Он прав. Нам стоило это узнать. Он взял свой фотоаппарат, и я сопровождал его в каждую комнату по очереди. Он фотографировал окна, дверные проемы, проходы, лестницы, места, где кто-то мог стоять. Смотрел. Слушал. Лоры не было дома. Предвидя визит Льюиса, я попросил ее провести день с подругой. Она с готовностью согласилась.

Наверху, в детской, все оставалось по-прежнему. Льюис взял в руки несколько игрушек, как будто прикосновение к ним могло вызвать у него какую-то реакцию.

— Мне здесь не нравится, — сказал он. — Какое-то неприятное чувство. И не должно быть так холодно, как здесь.

— На чердаке еще хуже, — отозвался я.

— Да. Чердак. Мы сейчас поднимемся туда, если вы не возражаете.

Я нашел ключ и последовал за Льюисом вверх по лестнице. Когда открыл дверь, меня снова охватило ощущение угрозы, как будто что-то физическое прыгнуло на меня через вход.

— Вы чувствуете это? — спросил я.

Он кивнул. Даже с отодвинутыми ставнями здесь было мрачно. Глубокие тени цеплялись за углы комнаты. Я включил принесенный с собой большой фонарь и быстро обвел лучом крытое помещение. Все выглядело так, как я оставил его несколько дней назад.

Льюис взял с собой штатив. Он выбрал место в центре чердака и установил его.

— Я не хочу использовать вспышку, — объяснил он. Здесь достаточно света, если использовать длинную выдержку.

Он не торопился, используя разные настройки, разные фильтры, разное время. Пока он работал, температура, казалось, неуклонно падала. Ощущение угрозы в комнате ощущалось очень сильно. Остаться там становилось все труднее.

Последний кадр предстояло сделать от окна, выходящего на чердак. В дальнем конце находилась старая стена, прямо напротив камеры. Льюис установил штатив и наклонился, чтобы посмотреть в видоискатель. По мере того как он это делал, выражение его лица менялось. Он выпрямился.

— Вы чувствуете это? — спросил он. Его голос дрожал.

— Что? Угрозу?

— Угроза? Нет, нет, дело не в этом. Это что-то другое, я думаю... Ради Бога, давайте уйдем, нам нужно уходить отсюда.

Я был поражен.

— Что там? Что вы чувствуете?

Но он уже взял в руки камеру и штатив и направился к лестнице.

— Поспешите ради Бога. Оно становится сильнее.

Мы побежали к лестнице. От интонации голоса Льюиса у меня на затылке зашевелились волосы. Он страшно испугался. Он не остановился, а покатился вниз по крутой лестнице, таща за собой штатив. Я спотыкался позади. У подножия лестницы я повернулся и сильно хлопнул дверью. Задыхаясь, повернул ключ в замке.

— Что это было? — потребовал я, переводя дыхание. — Что вы там почувствовали?

Льюис опустился на пол, прижавшись спиной к стене. Его трясло. Несмотря на холод, на его лбу выступили капельки пота. Он поднял голову и посмотрел на меня. Прошло полминуты, наверное, минута, прежде чем он заговорил.

— Как будто... — Когда он наконец заговорил, его голос звучал слабо и невнятно. — Я был жив, — сказал он, — но понимал, что это не настоящая жизнь. Я мог видеть и слышать все вокруг, но не мог прикоснуться к этому. Кроме... — Он вздрогнул. — Кроме как вновь пережить свою смерть.

Глава 11

Вскоре после этого Льюис уехал. Он забрал с собой рулоны египетской пленки, а также те, которые сам снял в доме во второй половине дня. Несмотря на странную панику на чердаке, он как никогда сохранял решимость докопаться до сути тайны. Почти сразу после того, как он покинул чердак и спустился вниз, его настроение изменилось. Два больших бокала кальвадоса вернули нам обоим былую невозмутимость и самообладание. Я немного посмеялся, пытаясь представить в шутку, как мы внезапно поджали хвост и стремительно сбежали вниз по темной крутой лестнице, словно дети, испугавшиеся ночью. Но Льюис оставался мрачным.

— Я почувствовал это, — сказал он. — Ту угрозу, о которой вы говорили. Я

почувствовал ее, как только ступил на чердак. Ну, это даже не столько угроза, сколько ощущение угрозы, если вы понимаете, к чему я клоню.

— Да, — согласился я. — Полагаю, что это оно. Как будто кто-то другой желает вам зла.

— О да, — подтвердил Льюис. — Несомненно. Но не только это. — Он медленно потягивал свой бренди, не столько для того, чтобы насладиться им, сколько для того, чтобы постепенно успокоить нервы. Желтая жидкость забулькала в бокале. — Как будто они желают вам зла, — продолжал он, — физического зла. Как будто хотят причинить зло. Это ненависть, полагаю. Ужасная ненависть. И обида, я тоже ее чувствовал. И что-то еще. Ревность, я думаю.

— Это то, что вы имели в виду, когда сказали, что вам захотелось пережить собственную смерть? Что кто-то хотел убить вас? Из ревности?

Он покачал головой с неохотой, как будто хотел сказать «да» и оставить все как есть. Потребовалось некоторое время и несколько глотков из бокала, чтобы привести его в чувство.

— Нет, — объяснил он. — Нет, кое-то другое. Сначала этого не было. Это отличалось по качеству от первого впечатления, от угрозы. Как будто я чувствовал то, что чувствовал тот другой человек. Как будто я был тем, кто хотел совершить убийство. Ужасно! Отвратительное ощущение. Но хуже всего то, что я не чувствовал себя жестоким, совсем нет. Сначала я ощутил приподнятое настроение. Воодушевление. Затем я почувствовал себя мрачным, как будто на меня навалилась депрессия. Во мне бурлил гнев, но контролируемый, очень контролируемый. И он нарастал во мне с каждой секундой, когда я оставался наверху. — Он посмотрел вверх. — Я мог бы убить вас, если бы мы задержались.

— Конечно, нет. — Но я пристальнее взгляделся в его обычно безмятежное лицо и понял, что он прав. И я вспомнил момент, когда мы с Лорой уходили с чердака несколько дней назад, перед тем как повернулся, чтобы закрыть дверь, когда волна гнева захлестнула меня, и я чуть не ударил ее.

Я не сказал об этом Льюису. Я держал это при себе. Как будто желал, чтобы это осталось тайной, как вы скрываете сексуальную фантазию или глупую надежду.

Уже за полночь. Часы пробили минуту назад. Я завожу их раз в неделю, это одна из моих немногих регулярных привычек, один из немногих отголосков моего прошлого. Часы выполнены в стиле модерн, по форме напоминают египетский пилон, толстые у основания, сужающиеся кверху, где они становятся квадратными с выступающим бортом. Циферблат круглый, выполнен из латуни, на нем выгравированы мелкие цифры черного цвета. Они меньше дедушкиных часов, с большим маятником из дерева и латуни, который с огромной скоростью отбивает секунды: тягучие, нетерпеливые часы. Наоми запретили играть с ними, хотя качание маятника завораживало ее, когда она была совсем маленькой.

Иногда они останавливаются. Это всегда плохо, когда они останавливаются, как будто обычное время каким-то образом вытесняется и его место занимает совершенно иное. Их время. Возможно, поэтому я так пунктуально завожу их.

В доме наступила тишина. Передо мной лежат все фотографии, хотя сейчас они мне вряд ли нужны. Они не могут показать мне ничего такого, чего бы я не видел непосредственно, своими глазами. Если я переживу эту ночь, если часы не перестанут тикать, завтра я пойду в церковь и попрошу об экзорцизме. Прошло слишком много времени,

слишком много времени. Но согласятся ли они провести обряд экзорцизма? Без исповеди ничто не окажется эффективным. Он захочет исповедовать меня, молодой увлеченный священник, которого назначили главным в приходе с прошлого года. Я знаю его, он ничего не сделает без этого. Возможно ли, чтобы я смог заставить себя согласиться на исповедь? После всего этого времени? Вряд ли, и все же... эта тишина что-то предвещает. Тиканье часов кажется сегодня очень неуверенным.

Льюис позвонил в тот вечер около девяти. Я думаю, он был пьян, хотя не столько пьян, сколько напуган. Он проявил фотографии.

Лора вернулась домой за несколько часов до этого. Мы сидели вместе в гостиной, читали, притворяясь, что жизнь нормальная. Она просматривала слайды картин из музея Фицуильяма, ранние итальянские работы эпохи треченто, триптихи, полные красного цвета и сверкающего золота. Она вернулась на прежнюю работу и должна была приступить к ней через две недели. Я читала нудный дневник Марджери Кемпе, готовясь к семинару. Я тоже планировала вернуться на работу на следующей неделе. Лицо Лоры оставалось наполовину в тени, наполовину на свету. Я не мог прочесть ее выражение. Большую часть времени не существовало никакого выражения, которое можно было бы прочесть. Даже свет и тень не могут оживить пустое лицо.

— Что вы обнаружили? — спросил я. — Есть что-нибудь?

— Я не могу сказать вам по телефону, — заявил он. Льюис нервничал. — Мне нужно приехать еще раз.

— Что такое? Вы кажитесь... — Я не мог сказать «испуганным», Лора могла услышать. — Вы кажетесь расстроенным, — неубедительно закончил я.

— Господи, я чертовски напуган, откровенно говоря. Это фотографии с чердака, те, что я сделал сегодня днем. Вы не знаете, что у вас там. Те шаги, которые, по словам вашей жены, она слышала — они были настоящими. Слава Богу, что вы не поднялись в тот раз. Послушайте моего совета, дружище, и убирайтесь из этого дома. Если не ради себя, то ради жены. Сегодня вечером, если сможете. Придумайте какое-нибудь оправдание, но убирайтесь к черту.

— Что вы видели? Скажи мне ради Бога. — Я забыл о присутствии Лоры, страх Льюиса оказался заразительным.

— Я не могу описать это по телефону. Послушайте, позвоните мне в офис завтра утром. Сообщите, где вы находитесь, я приеду ближайшим поездом. Но ради Бога, убирайтесь, пока есть возможность.

Он отключился. Моя рука дрожала, когда я положил трубку на место. Лора подняла глаза от своих бумаг.

— Ты не можешь избавиться от него, Чарльз? Что ему вообще нужно? — Она догадалась, что это Льюис. Я рассказал ей о его визите во второй половине дня. Мне безумно хотелось найти какое-то объяснение его приходам и уходам. И как я могу объяснить его требование, чтобы мы переехали из дома? Что нам грозит опасность, если мы останемся? Какого рода опасность? спросила бы она. С какой стороны? Об отъезде не могло быть и речи.

— Ну? — Лора настаивала. Ее нервы все еще были расшатаны, и с каждым днем расшатывались все больше и больше. Отъезд не помог бы. Рождение другого ребенка не помогло бы. Она хотела Наоми, но Наоми больше нет.

— У него есть несколько фотографий, — сказал я наконец.

— О, Боже. Но не больше. Полагаю, он пытается продать их в «Новости мира» или что-то в этом роде. Ну, ты можешь просто сказать этому жалкому гаду, что мы не хотим его здесь видеть. Если ты не скажешь, то скажу я.

Я солгал ей о первых фотографиях, сказал, что это были просто снимки дома, сделанные Льюисом, что ему нужно мое разрешение, чтобы продать их для публикации. Я не уверен, что она действительно поверила мне. Между нами все еще сохранялись напряженные отношения, большую часть времени мы вели себя как чужие люди.

— Послушай меня, Лора. — Не стоило продолжать обман, в конце концов, это только ухудшило бы ситуацию. — Я не все рассказал тебе о тех фотографиях. Тех, что принес Льюис. Может быть, будет лучше, если я просто покажу их тебе. Это поможет тебе понять.

Я думал, что поступаю очень глупо, но не мог придумать, что еще можно сделать. Лора ничего не сказала. Она молча ждала, пока я сходил в кабинет за папкой, в которой хранились наборы фотографий — Льюиса, снимки Венеции, рождественские снимки. Я сел рядом с Лорой и достал фотографии Льюиса.

— Это несколько фотографий, которые Льюис сделал вокруг дома некоторое время назад, — пояснил я. — Они были сделаны после того, как... Наоми ушла. Я не собирался показывать их тебе, потому что некоторые из них могут... расстроить. Но я думаю, ты должна знать.

Один за другим, я положил их перед ней, придерживая тот, на котором была изображена Наоми. В состоянии Лоры это могло показаться особой жестокостью.

Она взяла в руки фотографию двух маленьких девочек, на которой они стояли рука об руку возле качелей. На ее лице появилась улыбка.

— Это прекрасно, — сказала она. — Очень хорошее сходство.

Должно быть, она удивилась, почему я так странно на нее смотрю.

— Что ты имеешь в виду? — спросил я. — Ты видела их фотографию раньше?

Она покачала головой. Свет от камина поймал ее щеку, коснулся ее золотом.

— Нет, — ответила она. — Я видела их. Они играли в саду. Они кажутся такими счастливыми, что у меня не хватает духу прогнать их. Они очень милые, но немного странные.

— Милые?

— О, да. Я разговаривала с ними. Они говорят, что живут здесь, разве это не очаровательно? Но они не говорят, где живут на самом деле, кто их родители и, кто одел их в такую старомодную одежду.

Она снова посмотрела на фотографию, затем на несколько других, на которых оказались девочки. Наконец, она подняла на меня глаза.

— Кто они, Чарльз?

Я не ответил. Не сразу. Я думал о сочельнике, об обеде в «Дикинс и Джонс» с Наоми, с том, как я улыбался, когда она говорила о воображаемых подругах.

— Пожалуйста, Чарльз, кто они?

Я вытянул палец и указал на фотографию.

— Это Виктория, — сказал я. — А это ее сестра Кэролайн.

Глава 12

Лора не хотела уходить. Она испугалась, конечно, испугалась; а кто бы не испугался? Но

не так, как перепугались мы с Льюисом. Я думаю, она хотела... Думаю, что, узнав о маленьких девочках, она догадалась о Наоми. Поэтому я показал ей фотографию, на которой были изображены она и я, а Наоми на заднем плане наблюдала за тем, как мы идем по тропинке.

Сейчас я думаю, если бы не показал ей эту фотографию, могло ли все сложиться по-другому? Я мог бы убедить ее оставить дом, если не в тот вечер, то на следующий день или через день. Но я показал ей фотографию, и она сказала, что хочет остаться.

Остаток того вечера мы провели, листая старые семейные фотографии. Мы начали со снимков медового месяца, потом перешли к другим, и, наконец, к фотографиям, сделанным на предыдущее Рождество. Вместо того, чтобы расстроить ее, эти последние фотографии Наоми, казалось, дали Лоре некий покой. Даже присутствие на них мужчины и женщины или двух девочек не могло изменить того факта, что Наоми появилась на них, смеющаяся, улыбающаяся, счастливая. Я думаю, что Лора согласилась бы на все, лишь бы снова увидеть Наоми.

Мы легли спать поздно и впервые за два месяца занялись любовью. Это было самое печальное занятие любовью, которое мы когда-либо знали, удовлетворение плоти, непринятие смерти Наоми. Это продолжалось долго. После секса Лора плакала, впервые она плакала по-настоящему с тех пор, как узнала об убийстве Наоми. Я держал ее, пока она не заснула. Потом заснул сам, все еще держа ее на руках, погружаясь в темноту, обнаженный, не способный видеть сны.

Меня разбудила Лора, тряся меня за плечо.

— Проснись, Чарльз. Проснись ради Бога!

— Что случилось?

В комнате стояла кромешная тьма. Я помню, что чувствовал себя вялым, как будто выпил слишком много. Лора сидела прямо на кровати рядом со мной.

— Послушай, — прошептала она. — Слушай.

Я почувствовал, как в комнате стало тихо, когда ее голос затих.

— Что..?

— Ш-ш-ш.

Я прислушался. Тишина нарастала вокруг меня. Я слышала собственное дыхание, стук своего сердца. Глубоко в животе чувствовал зарождение страха. И тут услышал звук, которого ждала Лора. Плач ребенка. В комнате. В темноте, невидимый, но прекрасно слышимый. Всхлипывания ребенка.

Лора крепко сжала мою руку. Прежде чем успел остановить ее — хотя что я мог знать, почему должен был ее останавливать? — она заговорила.

— Наоми? Это ты, Наоми? Поговори со мной, дорогая. Это ты?

Плач прекратился. Я никогда не ощущал такой ужасной тишины. Я желал, чтобы плач прекратился, но не хотел думать, что это значит.

— Наоми? Поговори со мной, если ты меня слышишь.

Молчание растянулось на минуты. Каждый волосок на моем теле вставал дыбом. Я не знал, что хуже: плач или тишина, последовавшая за ним.

— Наоми, дорогая, не надо ничего бояться, я здесь.

Звук заглушаемых рыданий, чье-то тяжелое дыхание, темнота, настолько полная, что я готов был закричать в голос.

Я включил свет. Он резко вспыхнул, белый и яркий. Всю свою жизнь я мечтал о свете,

который избавит меня от темноты, как этот свет. Вдохнул его глубоко в легкие, как воздух, он даже почти благоухал, я хотел его весь.

Там никого не оказалось. Комната была пуста. На против нас неподвижно стоял туалетный столик Лауры с бутылочками и баночками. В круглом зеркале отражалось мое лицо. Наша одежда валялась на полу, где мы оставили ее в спешке наших объятий час или два назад.

Внезапно я почувствовал удар, потом второй, потом третий. Прежде чем успел перевести дух, Лора оказалась на мне, размахивая руками, нанося удары по моему лицу и груди, ее лицо исказилось, груди колыхались от жестокости ее движений.

— Скотина! — кричала она. — Сволочь! Мерзавец! Подлец!

Ее удары оказались тяжелыми и болезненными. Свирепость жены подавляла меня, я был бессилён остановить ее боль.

— Она была здесь! — кричала она. — Здесь, в этой комнате! А ты ее спугнул. Ты, жалкий ублюдок, я готова убить тебя! Так же, как ты убил ее.

В отчаянии я схватил ее за руки и с силой толкнул в бок, заставив упасть. Постельное белье сковало меня, не позволяя вывернуться из-под нее, использовать мой превосходящий вес и силу в противовес неистовству Лоры. Казалось, ее сил хватит на двух женщин, а то и на трех. Я не сильный человек, не спортсмен; это единственное, что я мог сделать, чтобы удержать ее удары от моего лица, не говоря уже о том, чтобы ее одолеть. У меня шла кровь из носа и нижней губы. Я чувствовал кровь на языке и щеках.

Наконец, я освободил свои ноги от простыни и сумел упереться правым коленом в ее бедро. Когда я толкнул ее на спину, она начала брыкаться, а затем попыталась ударить меня коленом в пах. Я крикнул:

— Прекрати! Прекрати! — Но она продолжала бороться, как будто одержимая.

И тут, когда я стоял на ней, произошло нечто ужасное. Как удар по моему уже избитому телу, я почувствовал прилив похоти. В считанные секунды я уже не пытался успокоить Лору, а хотел заставить ее подчиниться, пока снова буду заниматься с ней любовью.

Нет, это неправильно, в этом не таилось никакой любви. Эти внезапные чувства не имели ничего общего с теми, что я знал ранее той ночью, не походили ни на что из того, что когда-либо испытывал. Я хотел обладать ею, вот и все.

Нет, не совсем все. В тот же миг я понял, что хочу ее и убить. Это было двойное вожделение, и я едва мог различить одно от другого. Я черпал в этом такую силу, такую ярость, такое высокомерное превосходство. Лора слабела. Ее собственная страсть покинула ее так же быстро, как пришла моя, как будто одна уступила место другой.

— Чарльз! Ты делаешь мне больно! Отпусти меня! Я не трону тебя, отпусти меня.

Но я заставил ее упасть, используя свое тело как оружие, раздвигая ее ноги коленями.

— Пожалуйста, не надо! — кричала она. Ужас в ее голосе возбудил меня сильнее, чем когда-либо. — Ты делаешь мне больно!

В этот момент раздался ужасный грохот, как будто что-то взорвалось. Мгновенно ярость и похоть покинули меня. Как будто взрыв произошел от того, что они вышли из моего тела.

Я упал вперед на Лору, всхлипывая. Мы лежали так долго-долго, как измученные любовники, ноющие от синяков, которые мы только что нанесли друг другу. В конце концов, я перевернулся на кровати.

— Что это было? — спросил я.

Лора поднялась на ноги.

— Смотри, — прошептала она.

Я переместился в сидячее положение рядом с ней и проследил за ее указательным пальцем. Все, что стояло на туалетном столике — флаконы духов, баночки с маслом, коробочки с косметикой — было сметено со столешницы и с невероятной силой брошено на одну стену. Зеркало оказалось разбито. Не треснуло, а разбилось на мелкие осколки. Повсюду валялось стекло.

Мы крепко прижались друг к другу, нуждаясь друг в друге в тот момент больше, чем когда-либо, даже больше, чем после смерти Наоми. Никто из нас не произнес ни слова. Возможно, мы боялись собственных голосов. Так мы и уснули, измученные любовью, гневом и вспышкой похоти, которую я не мог понять.

Должно быть, я выключил свет, прежде чем заснуть. Помню, как проснулся в темноте, холодный и испуганный. Появилось ощущение тяжести, как будто что-то давило мне на грудь, как железная полоса. Лора откатилась от меня, прихватив с собой большую часть одеяла. Я не чувствовал ни тепла, ни веса ее тела рядом со мной. Какой-то голос шептал мне на ухо. Мужской голос, нежный, очень нежный, сладкий, как мед, но самый ненавистный голос, который я когда-либо слышал.

«Я не могу быть спокоен, сэр. Ваша жена восхитительна, сэр, но ее нужно остановить. Вы должны остановить ее любым способом. Тогда вы сможете иметь столько плоти, сколько захотите. В большом количестве, сэр, в большом количестве. Я прослежу, чтобы они разделись для вас, сэр. Но сначала вы должны остановить ее, если не словами, то старым способом. Мы уже делали это раньше. Это не самое худшее».

Это вовсе не был сон, хотя поначалу я думал, что мне это снится, что я лишь частично проснулся. Но голос продолжал звучать, проникая в мое сознание так же ясно и отчетливо, как если бы он проходил через мои уши. И все это время давление на мою грудь не прекращалось, душило меня, не давая возможности пошевелиться.

Внезапно голос прекратился. Я услышал в ушах звук, похожий на шипение, а затем ничего. Одновременно с возвращением тишины тяжесть покинула меня. Несколько мгновений я лежал, переводя дыхание, затем повернулся, чтобы разбудить Лору. Под рукой оказались простыни и одеяло, но не моя жена.

— Лора? — Я сел, ощущая внезапное чувство паники. Неуклюже потянулся рукой к лампе, шатаясь и оскальзываясь в темноте. Когда я нажал на выключатель и посмотрел, то увидел, что кровать действительно пуста. Лоры нигде не было видно.

В этот момент я услышал над собой какой-то звук. Звук ног, двигавшихся по чердаку. И вместе с ними что-то еще. Звук тяжелого предмета, который тащили по полу.

Глава 13

Господи, часы остановились. Я завел их вчера, у них нет причин останавливаться сейчас. Конечно, это может ничего не значить. Но в тишине так и витает напряжение. Как бы я хотел покинуть этот дом. Как же я мечтаю уйти.

Я нашел Лору в комнате Наоми. Она играла с кукольным домиком, который мой отец сделал для Наоми. Ей исполнилось три года, и она была слишком мала для такого домика, но он хотел, чтобы домик у нее появился. Отец сделал его по образцу того, который увидел в музее игрушек в Уоллингтон-Холле в Нортумберленде, изменив дизайн оригинала, чтобы его версия представляла собой более или менее точную копию дома, в котором мы жили.

Лора говорила сама с собой низким голосом. По крайней мере, тогда я думал, что ее шепот предназначен для нее самой. Теперь, конечно, понимаю лучше. Шепот предназначался Наоми. И, вполне возможно, Кэролайн и Виктории, хотя не могу быть уверен. Не то чтобы это имело значение сейчас.

Она держала в руках маленьких кукол и с необыкновенной тщательностью расставляла их по комнатам крошечного домика. Наоми уже давно дала куклам имена. Тогда я еще не догадывался, благодаря какому знанию. Чарльз, Лора и Наоми, конечно же. И Кэролайн, и Виктория, обычные имена, ничего не значащие. И доктор и миссис Лиддли, которые заставили нас смеяться. Боже правый, как мы смеялись! Мы удивлялись, откуда она выдумала такие имена.

Я забрал у Лоры кукол и повел ее от маленького домика. Она последовала за мной без протеста, как послушный ребенок, у которого закончилось время игры. Мы вернулись в постель, но до конца ночи никто из нас не спал. С чердака больше не доносилось никаких звуков, и я не сказал Лоре, что слышал их. На полу у туалетного столика в холодном электрическом свете блестели осколки стекла.

На следующее утро Льюис приехал вскоре после девяти часов. Я представил его Лоре. Казалось, не имело смысла продолжать шараду. Я сказал ему, что Лора видела фотографии. Правда, уже позже, когда ее не было в комнате, признался, что некоторые из них я утаил. Тогда он быстро рассказал мне, что сам увидел на снимках, проявленных накануне, речь о которых шла по телефону.

— Они последовали за вами в Египет, — сказал он. — Все они. Включая Наоми. Они кажется, переходят... из состояния в состояние. Иногда вполне нормальные, какими они были бы при жизни. Иногда такими, какими они стали в момент смерти. Иногда без реальной формы. Как будто они постоянно движутся и ускользают.

Я содрогнулся. Не стал просить показать мне эти фотографии.

— А что насчет чердака? — спросил я. Лора готовила кофе. У нас появилось несколько минут наедине.

Его лицо стало пепельным. Он оглянулся на дверь.

— Все в порядке, — успокоил я. — Мы услышим, как она идет. Ради Бога, расскажите мне, что вы увидели.

Вместо ответа он полез в портфель, который принес с собой, и достал небольшую пачку фотографий. Я заметил, что его рука дрожала.

— Вчера вечером, — поделился Льюис, — до того, как позвонил вам, я думал, что схожу с ума. Что бы вы ни делали, не позволяйте вашей жене видеть ничего из этого. Она и так выглядит неважно, если вы не против, что я так говорю. А вот это, — он коснулся маленького пакета, — может отправить ее прямо за грань.

Он положил пакет на журнальный столик.

— Все в порядке, — проговорил он. — Они не причинят вам вреда. Не середь бела дня. Я видел их в своей фотолаборатории. Поверьте, я бы не отказался, чтобы кто-нибудь оказался рядом со мной.

Я открыл пакет и достал первую фотографию. Сначала подумал, что произошла какая-то ошибка. Это совсем не наш чердак, а другая комната, странная комната, в которую я никогда не ступал ногой. Во-первых, она казалась длиннее, чем чердак. Стены оклеены унылой светло-коричневой бумагой, на полу лежат невзрачные ковры, беспорядочными

группами стоит тяжелая старинная мебель. И свет — свет какой-то неправильный, он принадлежал другому времени года. Возможно, середине зимы.

— Нет никакой ошибки, — заверил Льюис. — Это кадры с той же пленки, что и остальные. Сами увидите.

Еще несколько снимков той же выцветшей, незнакомой комнаты. Яркие, полноцветные фотографии, сделанные современной камерой, но в комнате нет ничего современного. На одном снимке горела масляная лампа, но почему-то свет казался гораздо менее выраженным, как будто с момента первого снимка прошло несколько часов или дней и дело близилось к вечеру. Не знаю почему, я ощутил в этой сцене чувство большой меланхолии, как будто комната, на которую смотрел, пропитана очень глубокой печалью. Обстановка выглядела потрепанной, непропорциональной, неэстетичной. Даже свет казался испорченным из-за его прохождения через воздух комнаты.

Льюис положил руку на мое запястье. Ноготь задел кость.

— Спокойно, сейчас, — предупредил он.

На следующей фотографии комната изменилась. Стул валялся на боку. Ковры свернуты, остались лишь голые доски пола. А стены... Стены оказались измазаны кровью. Нет, не измазаны, а заляпаны. Кровь казалась свежей, как будто кто-то только что обагрил ею стены. Часть крови капала и на пол.

— Продолжайте, — прошептал Льюис.

Другой ракурс. Кровь на стенах, как и раньше, но при другом освещении. Две неясные фигуры на переднем плане. Я присмотрелся внимательнее. Двое детей, девочки. Они стояли на четвереньках, голые и очень худые. Одна смотрела в камеру, другая — на пол. На их коже и длинных, свалывшихся волосах виднелись следы крови. Их тонкие шеи обвивали кожаные ошейники, а сами ошейники крепились к цепям. Мне показалось, что я узнал их, понял, что видел их раньше:

— Да, — подтвердил Льюис. — Те же самые.

Я убрал эту фотографию, открыв следующую. На этой фотографии оказалась только одна маленькая девочка, старшая из двух. Она снова была обнажена, как и раньше, но вся в крови. Она была... Что мне сказать? Что я могу осмелиться написать? Я упомяну только ее руки. Она вытянула руки в мою сторону, в сторону зрителей. Руки подняты в немом жесте... чего? Ярости? Призыва? Отвращения? Соблазна? Руки были отрублены у запястий. Не отрублены, а отрезаны с точностью, похожей на хирургическую. Это все, что я скажу. Это все, что у меня хватит смелости сказать.

В коридоре послышались шаги Лоры. Раздалось звяканье посуды. Я быстро собрал фотографии и передал их Льюису, который сунул их в свой портфель. Лора позвала. Я встал, чтобы открыть дверь. Когда подошел к ней, меня охватила волна сильнейшей тошноты. Я не успел добраться до ванной. Вместо этого я выблевал свой завтрак на полпути вверх по лестнице.

Когда я вернулся, то сделал вид перед Лорой, что мой желудок отреагировал на напряжение прошедшей ночи. Она, конечно, мне не поверила. Лора посмотрела на меня и Льюиса так, словно подозревала нас в какой-то вопиющей лжи. Я поднял чашку кофе и выпил ее глоток за глотком, без сахара, такой же черный, как и мое настроение.

У Льюиса нашлось мужество, которого мне не хватало.

— Миссис Хилленбранд, — сказал он, — я только что показывал вашему мужу еще несколько фотографий. Их снимали вчера на вашем чердаке. Они содержат... — Он

колебался. — Скажем так, они вызывают глубокую тревогу. Я показал Чарльзу не самые плохие из них, во всяком случае, не самые худшие. Но вы видели эффект от тех, которые он видел.

Лора ничего не сказала. Он продолжил:

— Я думаю, у вас есть два варианта. Первый — вы покидаете этот дом сейчас, сегодня, как только соберете вещи. Найдите агента, выставите дом на продажу, избавьтесь от него. Начнете новую жизнь в другом месте. — Он сделал паузу.

— Это ваш первый вариант. К сожалению, он может оставить ситуацию неразрешенной. Тот, кто придет сюда после вас, вполне может найти то, с чем столкнулись вы.

— Всё не так уж ужасно, — заявила Лора. — Я не вижу причин уезжать из дома из-за этого.

— Нет, — ответил Льюис. Он говорил очень спокойно. Он все хорошо обдумал. — Вы совершенно правы. Пока что ничего страшного не произошло. Это скорее вопрос нервов. Но недавно случилось нечто, что нарушило равновесие. Этим чем-то, как я подозреваю, стала смерть вашей дочери. До этого вас ничего не беспокоило. Эти — как их назвать? — образы, фантомы, что угодно, присутствовали не только здесь, но и везде, куда бы вы с мужем ни поехали. Например, в Венеции. И в других местах, я уверен.

— Но после смерти Наоми они, кажется, начали становиться более заметными в доме и вокруг него. Чарльз сказал мне, что вы действительно встречались и разговаривали с маленькими девочками.

Лора кивнула. Я не уверен, но мне кажется, она задрожала. Больше страха в воспоминаниях, чем в действии. Льюис продолжил.

— На фотографиях из Египта и тех, что сделаны здесь, они начинают меняться.

— Меняться? — Брови Лоры слегка приподнялись. Неужели она и тогда подшучивала над ним?

— Перемещаться между различными состояниями. Проявлять себя более чем в одном обличье. Особенно маленькие девочки, а также женщина в сером и ваша дочь. Они меняют форму, я не буду описывать, как. Но если бы вы увидели их в их... измененных состояниях, вы вряд ли стали бы поднимать брови.

Значит, он все-таки заметил. Ну, он не был слабаком, наш мистер Льюис. Неисправимый валлиец и бывший алкоголик, но при всем этом достаточно проницательный.

— Мужчина он другой, — продолжал он, — хотя тоже меняется в соответствии со своей модой. Комнаты также способны менять облик.

— Комнаты? Что вы имеете в виду?

— У меня есть фотографии этой комнаты, — объяснил он. — Это та же самая комната, но в том виде, в каком она могла быть в середине прошлого века. Возможно, немного раньше. Это, по крайней мере, мое предположение. На одной из фотографий женщина сидит в кресле. Вон там, у окна.

Он указал пальцем, и мы проследили за его движением. Я вздрогнул, подумав, что она может быть сейчас там, наблюдая за нами. Льюис продолжал. Он по-прежнему обращался в основном к Лоре.

— Были... проявления, — сказал он. — Вы оба слышали звуки. Вчера мы с вашим мужем побывали на чердаке. Мы почувствовали... — Он остановился, пытаясь подобрать слова, чтобы выразить то, что мы испытали.

— Смену наших эмоций, — произнес я. Этими словами я попытался дистанцироваться

от огромности того, что почувствовал.

— Да, — согласился Льюис. — Гнев вытесняет... то, что присутствовало в нас ранее.

— Ну, и какой смысл во всем этом? — нетерпеливо воскликнула Лора. Недостаток сна не улучшил ее самообладания.

— Смысл? — Настала очередь Льюиса поднять брови. — Дело вот в чем, миссис Хилленбранд. — Я помню, что с ней он всегда соблюдал вежливую формальность. — Если эти изменения станут более... жестокими. Если... существа, которые преследуют этот дом, обретут физическую форму, вы не захотите здесь находиться. Я не преувеличиваю.

— Более того, я боюсь за вас, хотя и не могу объяснить почему. Я чувствую... Позвольте мне сказать, что я ощущаю здесь ужасное чувство угрозы. Возможно, вы не почувствовали его, но уверяю вас, оно существует.

— Я не понимаю, — сказала Лора, озвучив мои собственные сомнения, — как камера может фиксировать изображения, невидимые невооруженным глазом. Фотоаппарат не является — как бы это сказать? — не является спиритическим инструментом. Это не предмет в арсенале медиума. — На нее намеренно воздействовали. Конечно, возможно, это было в ее природе. Аффектация и презрение.

Льюис отставил чашку с кофе, из которой пил. Я заметил, что его рука перестала дрожать. Он выглядел очень спокойным.

— В последние несколько дней я много думал об этом маленьком вопросе. Очень много думал. Он доставлял мне бесконечные неудобства. Как вы сказали, фотопленка чувствительна к свету, а не к духовным эманациям. Однако теперь мне кажется, что мы рассматривали весь этот вопрос как бы с обратной стороны.

Он сделал паузу, думаю, не столько для эффекта, сколько для того, чтобы собраться с мыслями, которые еще только наполовину сформировались. Лора молчала. Что-то в манере Льюиса зацепило ее.

— Дело в том, — продолжал он, — что, как вы правильно сказали, камера — это инструмент ограниченных возможностей. Его можно настроить только так, — он сделал жест пальцами, как будто держал камеру, — или вот так. Можно изменить фокусное расстояние, или выдержку, или угол объектива. Но при условии, что он не сильно расфокусирован или настроен на совершенно неправильную скорость, он сделает достаточно хорошую запись всего, на что вы его направите.

Он провел рукой по волосам, приглаживая их.

— Однако, — продолжил он, — это не совсем верно в отношении человеческого глаза. Сам глаз, возможно, довольно негибкий. Мы не можем сделать его чувствительным к инфракрасному излучению или способным работать как микроскоп. Камера окажется более гибкой. Но по-настоящему видит не глаз, а мозг. Именно мозг записывает впечатления, передаваемые ему глазом. Наш мозг ненадежен. Наше восприятие разнится между разными людьми.

Он снова сделал паузу, чтобы выпить и, я думаю, успокоить свои нервы.

— Извините, — пробормотал он. — Я плохо объясняю. Послушайте, я пытаюсь сказать следующее: Думаю, то, что увидела моя камера, то, что она сфотографировала, это... то, как все обстоит на самом деле. Иногда нормально, например, как эта комната в данный момент. Иногда та же самая комната, какой она была в прошлом. И... иногда та же самая комната, все еще в прошлом, но измененная. Как будто комната движется во времени, а камера просто фиксирует то, что видит. Я думаю... Думаю, что люди действительно находятся там

большую часть времени, и в результате они появляются на пленке. Просто мы их не видим, не можем увидеть, по каким-то причинам. Мы не... не настроены. Вы понимаете? Проблема в нас, в нашем восприятии, а не в камере.

Я оглядел комнату и задрожал.

— Как все обстоит на самом деле... — Мы жили в состоянии нереальности, в собственном сне. Эта комната могла кишеть призраками, могла быть заполнена всеми мертвецами дома, но мы не могли их видеть.

— Я думаю, — продолжал валлиец голосом, который упал чуть больше, чем до шепота, — думаю, что постепенно их реальность может взять здесь верх, что скоро мы начнем видеть их и слышать все чаще и чаще.

— Вы сказали, что есть два варианта, — вмешалась Лора. — Какой второй?

Он не ответил сразу. Возможно, понял, что зашел слишком далеко, что моя жена, в конце концов, может предпочесть второй вариант.

— Мы вернемся на чердак, — сказал он наконец. — Там сердце этой штуки, там она обитает. Мы узнаем, что это такое. И мы положим этому конец.

Глава 14

Долгое время все молчали. Льюис выпустил свой снаряд и ждал знака, что он попал в цель. В середине этого молчания часы впервые перестали тикать. Это показалось мне странным, но я ничего не сказал. Я думал о том, что произошло накануне.

Лора, как ни странно, заговорила первой.

— Я не могу представить себе, что уеду отсюда, — сказала она. Это мой дом. Это был дом Наоми. — Она колебалась. — Ее единственный дом. Если она здесь, я не могу уйти.

Льюис смотрел на нее по крайней мере полминуты, прежде чем произнести.

— Тогда вы пойдете со мной на чердак?

— Я не боюсь, — заявила она.

— Вам стоит бояться.

Я вклинился.

— После того, что случилось вчера... Вы думаете, туда безопасно возвращаться?

Льюис пожал плечами.

— Безопасно? — спросил он. — Откуда мне знать? Я даже не уверен, что все мои теории верны. Но думаю, что если выбрать момент, то можно подняться туда и выйти обратно, ничего не заметив, не услышав и не почувствовав. Проблема в том, чтобы определить, в какое время — это безопасно. Возможно, мы узнаем, существует ли какая-то периодичность. Вероятно, она есть, но на выяснение потребуется время.

— Что вы ожидаете найти?

— Если бы я знал, мне бы не пришлось подниматься. Но у меня такое чувство, что на вашем чердаке есть нечто большее, чем кажется на первый взгляд.

Он встал.

— Давайте сначала выйдем наружу, — предложил он. — Я хочу кое-что проверить.

Мы вышли вслед за ним. Первые признаки весны коснулись сада. Деревья хранили атмосферу полной нормальности. Я не мог представить себе, что они ускользнут, чтобы открыть другую реальность. Они пустили корни, быстро, надежно, их единственные изменения носили внутренний и сезонный характер: сбрасывание сухих листьев и распускание почек.

Льюис направился к стене дома. Он посмотрел вверх, ориентируясь на чердак, затем целеустремленно зашагал по краю здания, отсчитывая шаги.

— Пятьдесят три, — сказал он, повернувшись к нам лицом. — Посмотрим, что мы найдем наверху.

Мы поднялись по лестнице, притихшие и молчаливые. Я уже начал подозревать, что искал Льюис. Лора держалась напряженно и все еще сердито, как будто присутствие валлийца ей чем-то угрожало. Я стал внимательно прислушиваться, словно ожидая какого-то протеста со стороны существ, чьи тайны мы пытались раскрыть. Но единственными звуками оставались наши собственные шаги и случайный скрип ступенек.

Я отпер дверь на чердак. Оглядываясь назад, поражаюсь собственной смелости — теперь я считаю это глупостью — повернуть ручку и открыть дверь. Фотографии подготовили меня к любому ужасу; в одиночку я никогда бы не набрался храбрости. Но мой фонарик осветил лестницу и больше ничего. Была только темнота и чувство ожидания. В своей старой, потрепанной одежде и со спутанными волосами они были там, невидимые, ожидая, когда мы поднимемся.

Я колебался на пороге. Оно было там, я чувствовал его, оно тянулось ко мне, как паук тянется к рваным краям своей паутины. Я посмотрел на Льюиса.

— Неужели нет другого способа узнать? — спросил я.

Он покачал головой.

— Мы должны рискнуть, — ответил он.

— Ради Бога! — Лора зашипела. — Вы оба ведете себя как дети.

Без предупреждения она выхватила фонарик из моей руки и протиснулась мимо меня в дверной проем. Ее ноги громко стучали по голым деревянным ступеням, затем до нас донесся ее голос, приглушенный, как будто издали.

— По-моему, все в полном порядке.

— Это не так, как кажется, миссис Хилленбранд, — отозвался Льюис. — Важно то, как все обстоит на самом деле. Мы поднимемся, но будьте готовы уйти, если появится хоть малейший признак чего-то неуместного.

Он передал мне свой фонарик и достал из сумки другой. Я пошел впереди него, мое сердце бешено колотилось, шаг за шагом, наблюдая, прислушиваясь к малейшим изменениям.

Лора ждала у окна. Чердак казался таким же, каким и всегда. Я не мог соотнести фотографии, которые показывал мне Льюис, с тем, что нас окружало. Дневной свет проникал через не зашторенное окно, приглушая свет наших фонариков. Я выключил свой. Лора уже погасила свой.

Льюис подошел к окну, не обращая внимания на Лору, и быстро повернулся к нему спиной. Теперь он шагал вперед, как и снаружи, умеренными, ровными шагами, считая их про себя. Он дошел до дальней стены.

— Тридцать семь, — объявил он без эмоций.

Никто ничего не сказал. Думаю, мы все понимали, что это значит. Мои руки похолодели от пота. Мне хотелось немедленно покинуть эту комнату, уйти и никогда не возвращаться. Лора стояла там, где и находилась с самого начала, у окна.

— То, что мы ищем, находится за этой стеной, — заявил Льюис. Он говорил спокойно, без спешки; но я мог сказать, что его самообладание помогало ему защититься от паники, которая, если ее не сдерживать, могла бы уничтожить его.

Он сильно ударил кулаком по стене. Она казалась достаточно прочной, сложенной из кирпича. Возможно, мы все-таки ошибались.

— Нам нужно что-то тяжелое. Подойдет большой молоток или топор.

— Вы хотите ее сломать? — Я понял, что вопрос глупый, когда задал его.

— Я не хочу, — ответил Льюис. — Но если мы собираемся выяснить причину всего этого...

— Я принесу что-нибудь, — пообещал я. — Подожди здесь.

Когда вернулся через пять минут, неся топор и тяжелую лопату из садового сарая, в комнате царило тревожное напряжение. Льюис поднял голову, когда я вошел.

— Все спокойно, — доложил он.

Лора фыркнула.

— Он тебя надувает, Чарльз. Разве ты не видишь? Он устроил все это в своей гребаной студии.

— Закрой рот, Лора. — Я никогда раньше так с ней не разговаривал. Она замолчала, как будто я вlepил ей пощечину. В каком-то смысле, так оно и было.

Льюис взял лопату, я — топор. На лезвии лежала щепка, старая древесина с осени, когда я рубил поленья для костра. Меня переполняло возбуждение, когда я прогонял тишину и страх сильными ударами. Штукатурка отваливалась кусками, падала на пол, поднимая тучи пыли. Кирпичная кладка оказалась более упрямой. Мы вместе работали на небольшом участке около центра стены, стучали и били со всей силы, но без особого успеха, пока вдруг один кирпич не треснул и не выпал. Мы упорно трудились над дырой, расширяя ее резкими ударами топора, а затем разбивая на куски дикими взмахами лопаты.

— Подождите, — остановил меня Льюис, протягивая руку. — Теперь отверстие достаточно широкое, чтобы посмотреть сквозь него. Дайте мне фонарь.

Он поставил свой фонарик на ящик, чтобы дать нам дополнительный свет во время работы. Я передал ему его. Нагнувшись, он заглянул в отверстие, держа фонарик у щеки и медленно двигая лучом по длинной дуге. Должно быть, он провел минуту или даже больше, прижавшись к отверстию. С его губ не слетело ни слова. Наконец, он отступил назад.

— Вот оно, — сказал он. — Посмотрите сами. — Его голос дрожал. Даже без фонаря я видел, что его лицо побелело.

Я нагнулся к отверстию, направил фонарь, позволяя длинному белому лучу играть на пространстве за ним. Сначала я смог разобрать очень мало. Затем, постепенно, то, что я видел, приобрело форму. Из серии образов, пойманных в свете фонаря, я создал целую картину.

Вторая комната находилась за той, в которой мы стояли. Должно быть, она не менялась уже более ста лет. С некоторыми поправками это та самая комната, что запечатлена на фотографиях Льюиса, комната, стены которой блестели от крови. Темные пятна покрывали заплесневелые обои. Паутина висела на каждом доступном углу и выступе. У задней стены стояли два стула и маленький столик, покрытые пылью. На столе все еще оставались тарелки и кувшин. За ними стояла разбитая масляная лампа. Там же лежала стопка книг, покрытая пылью, накопившейся за десятилетия. Длинный узкий стол, который казался слишком низким для обеда. Тяжелый деревянный ящик. А на полу, завернутые в мешковину, лежали три узких свертка, перевязанные бечевкой.

Я не хочу рассказывать вам, что мы нашли в той комнате. Вы не поверите, если я расскажу вам все. Разве не странно, что после стольких лет, после стольких событий, я остаюсь таким скрытным? Но в том, что мы нашли, в том, что увидели, присутствовала некая неприкосновенность, которая даже сейчас мешает мне. Это выглядело так, как будто мы ворвались во что-то интимное, как секс или долгая смерть. Как если бы мы стали незваными гостями в чужой темноте.

Мы с Льюисом увеличили отверстие, пока оно не стало достаточно широким, чтобы пройти через него без труда. Лора присоединилась к нам. Она притихла, подавленная открытием. Я протянул ей свой фонарик, и она поводила им туда-сюда по паутине и убогой мебели. Один раз она вздрогнула, когда мышь удрала от луча. Лора повернулась ко мне, возвращая фонарь.

— Я видела эту комнату раньше, — прошептала она, очень тихо, рядом с моим ухом.

— Ты не могла... — начал я.

— О, да, — заверила она. — Во сне. Мне она снилась не раз.

— Но когда ты увидела фотографии...

Она покачала головой.

— В моих снах все выглядело по-другому. Как сейчас.

Я хотел спросить ее еще, но она отодвинулась. Казалось, Лора не хотела входить в комнату или находиться рядом с ней. Мне стало интересно, когда ей снились такие сны. И что в них происходило.

Льюис первым шагнул в проем. Я последовал за ним несколько мгновений спустя, мои ноги скользили по толстому слою пыли. Что-то пронеслось по стропилам над моей головой. Я посветил фонарем на потолок, но там лишь темнота. Когда-то здесь находился световой люк, но кто-то давно прибил к нему доски. Без света здесь действительно темно, очень темно. Думаю, именно в этот момент я впервые осознал то, что и так должно быть само собой разумеющимся — как только стену закрыли, никто не мог войти или выйти из этой маленькой комнаты.

Мы до последнего не трогали свертки на полу. Думаю, мы оба догадывались, что в них может быть. Я просмотрел стопку книг. В основном это оказались медицинские издания. Сверху лежали переплетенные копии старых медицинских журналов: первые тома «Ланцета», выпущенные в 1830–1832 годах, несколько лет «Медицинской газеты» и «Таймс», а также сильно обветшавший комплект «Британского и иностранного медицинского обозрения». Я нашел несколько учебников, датированных серединой прошлого века: Лекции Ватсона о принципах и практике физики, позднее издание «Медицинской материи» Каллена, «Изучение медицины» Гуда и «Общая анатомия» Бишата.

На одном из стульев я обнаружил длинный, неглубокий деревянный футляр или ящик, почти погребенный под толстым слоем пыли и паутины. Смахнув их, я поднял его и отнес к столу. С одной стороны, имелся латунный замок, сильно заржавевший. Льюис протянул мне перочинный нож. Я просунул лезвие под замок и подтянул его вверх, взломав. Крышка поднялась, открыв темно-синюю бархатную обивку, на которой лежала коллекция хирургических инструментов с ручками из слоновой кости: скальпели, маленькая пила, щипцы, дрель и другие инструменты, которые я не смог назвать. Даже спустя столько лет их полированные поверхности блестели на свету.

Я отложил футляр и продолжил обыскивать комнату. Мы не знали, что ищем и есть ли вообще что-то конкретное, что мы могли бы найти. Мгновение спустя услышал, как Льюис

тихонько позвал меня справа. Я пересёк комнату и присоединился к нему, где он стоял на коленях у стены.

— Взгляните на это, — сказал он.

На полу лежало несколько отрезков цепи, каждый из которых крепился к толстой скобе, привинченной к стене. На концах одних цепей были кожаные ошейники с пряжками, на других — металлические наручники. Ошейники оказались расстегнуты. Я почувствовал себя так, словно кто-то влил в меня ледяную воду. Я сразу же вспомнил девочку на фотографии, стоящую на четвереньках, с ошейником на шее.

Рядом с цепями стоял длинный стол. Если бы не медицинская атрибутика, я бы не догадался о его назначении так быстро. Мне стало интересно, зачем даже во времена до анестезии понадобилось снабжать его крепкими кожаными ремнями с латунными пряжками. Не так сложно догадаться о назначении прорезанных на поверхности канавок, ведущих к небольшим отверстиям в центре и на каждом углу.

В большом деревянном ящике лежала одежда, в основном платья, предназначенные для девочки лет восьми. Льюис поднял одно из них и развернул передо мной. Оно выглядело сильно поношенным, но все еще узнаваемым. Платье принадлежало одной из маленьких девочек на фотографиях.

— Мне тяжело, — сказал Льюис. — Мы пробыли здесь достаточно долго. Я не думаю, что нам стоит испытывать судьбу.

— Думаю, сначала нам следует осмотреть вот это, — указал я на покрытые паутиной свертки на полу. — В противном случае нам придется вернуться.

Он кивнул, но я почувствовал его нежелание. Он протянул руку и попросил перочинный нож. Я передал его без слов. Я хотел, чтобы именно Льюис открыл сверток. Он подошел к первому и опустился рядом с ним на колени. В длину сверток достигал трех футов, а по толщине напоминал корпус современного пылесоса.

Нож без труда разрезал веревку. Мешковина оказалась едва ли прочнее. Когда Льюис рвал ее, ткань рассыпалась, отбрасывая небольшие облака пыли и грязи ему в лицо. В считанные мгновения он сделал большой разрез вдоль свертка. Отложив нож в сторону, он потянул обе стороны отверстия в разные стороны. Мешковина порвалась с обоих концов, рассыпалась, открывая то, что лежало под ней. Я осветил на это фонарем.

Льюис тихонько выругался, с отвращением отстраняясь. Фонарь осветил нагромождение частично мумифицированных человеческих останков. Очевидно, тело разрубили и сложили в кучу без определенного порядка. На высохшем черепе еще сохранились волосы, длинные спутанные волосы, цвета старого золота. На пальце одной мумифицированной руки блестело маленькое кольцо. Одно стало ясно сразу: останки принадлежали ребенку.

Льюис встал. Я не мог оторвать взгляд от жалкой кучки на полу. В этот момент, совершенно без предупреждения, температура упала. Через несколько мгновений стало жутко холодно. Льюис потянул меня за руку.

— Ради Бога, — крикнул он, — уходим отсюда.

Я видел, как мое дыхание зависло в луче фонаря. Повернувшись, увидел Льюиса у проема, который манил меня. Затем, как будто в моем зрении произошла перемена, я осознал, что в комнате есть еще один источник света. Я оглянулся и увидел, что кто-то зажег масляную лампу на столе. При ее свете я увидел, что комната больше не находится в убогом состоянии, что пыль и паутина исчезли, и что кто-то стоит у дальней стены и наблюдает за

мной. Это был мужчина в черном, с белым лицом, который последовал за мной в Венецию и Египет. Он улыбался.

«Их не научить, сэр», — сказал он. Его голос, казалось, доносился издалека или из глубины ямы. Этот голос я слышал во сне предыдущей ночью. Мужчина держал что-то в руке, что-то, что тускло блестело в желтом свете. По виду очень похоже на нож.

Я почувствовал, как кто-то дергает меня за руку, затем меня оттащили от фигуры в черном. Льюис тащил меня обратно через проем. Чердак за ним тоже изменился. На окне висели драные занавески, на одной стене висело зеркало, на длинном низком столе горели свечи в латунных подставках.

А потом меня потащили вниз по лестнице, наполовину спотыкающегося, наполовину падающего. Дверь оставалась открытой. Льюис протащил меня, схватил дверь и захлопнул ее. Его рука заметно дрожала, когда он поворачивал ключ в замке.

Голос соблазнительно прошептал мне на ухо.

«Дальше будет легче, сэр. Уверяю вас».

Я быстро огляделся. Рядом никого не было.

Глава 16

Нам потребовалось время, чтобы оправиться от случившегося. Лора сильно испугалась, хотя вела себя скорее замкнуто, чем истерично. Ее душевные силы, казалось, полностью иссякли. Скептицизм служил для нее средством блокировки растущего осознания новой реальности, которая угрожала подорвать хрупкий мир, который она построила вокруг себя.

Не то чтобы она считала себя закоренелой атеисткой или непреклонной рационалисткой, для которой сверхъестественное могло нести угрозу диссонанса. Она время от времени ходила в церковь, читала гороскопы в газетах и дешевых журналах и наполовину верила им, однажды обратилась к целителю, когда заболела опоясывающим лишаем и испытывала сильную боль. Верить в призраков, бегать от явлений давно умерших людей вряд ли представляло для нее трудность.

Ее проблема заключалась в том, чтобы смириться со смертью Наоми. Если бы Наоми действительно была мертва, либо ангел в объятиях Иисуса, либо кости на деревенском церковном дворе, это хоть и трудно, но преодолимо. Но узнать, что она в каком-то смысле все еще может быть живой, обладающей сознанием и доступной, быть всем этим, но в каком-то другом измерении, для Лоры стало очень тяжелым ударом. Она не могла успокоиться, зная, что Наоми может нуждаться в ней, зная, что у нее нет возможности немедленно удовлетворить эту потребность дочери.

Через некоторое время после инцидента на чердаке Льюис отвел меня в сторону. Мы прогуливались по саду, куда отправились в поисках спасения от дома.

— Вам придется все выяснить, — сказал он. — Вашей жене нужны не только уверения. Ей нужно видеть все в черно-белых тонах, причину всего этого, объяснение.

— Как вы думаете, оно вообще может существовать? — спросил я. Лора сидела недалеко, на скамейке в саду, наблюдая, как маленькие птички строят белое гнездо на каштановом дереве.

— Я не имею в виду, что мы можем найти научное объяснение этим проявлениям, конечно, нет. Дело не в этом. Но что-то произошло в этом доме давным-давно, что-то, что до сих пор вызывает беспокойство. Возможно, если узнать, что произошло, все это покажется менее угрожающим. Страх перед неизвестностью — самый худший из всех.

Я согласился. И пообещал начать работу над расследованием. Изменилось бы все, если бы я сказал «нет»? Сделал бы я то, что сделал, если бы не знал?

Я не видел Лору уже несколько дней. Наверное, она где-то дуется. Интересно, знает ли она, чем я занимаюсь. Что я пишу. Интересно, попадались ли ей фотографии...

Следующие три недели я погрузился в исследования. Я делил свое время между публичной библиотекой и офисом записей графства в Шир-Холле, изредка навещаясь в университетскую библиотеку и Тринити-колледж. В те дни публичная библиотека все еще находилась в задней части Гилд-Холла. Библиотекарь, отвечающий за собрание документов Кембриджшира, аккуратно провел меня по сложным спискам налогоплательщиков Берджесса, старым уличным справочникам и общим справочникам Кембриджа, которые датировались 1790-ми годами.

Несколько недель я ходил по многокилометровым архивным коридорам, продираясь сквозь акры печатных и рукописных бумаг, и все для того, чтобы добраться до человека в черном. Или он все время шел ко мне, мы мчались навстречу друг другу, как планеты, сходящиеся, готовые столкнуться, упасть в вырезанный и наклоненный центр вещей?

Простой акт исследования оказывал на меня более терапевтическое воздействие, чем отдых или отпуск. Я делал то, что знал лучше всего. Мои дни проходили в архивах, в поисках имен, дат и давно забытых фактов. Несмотря на то, что сфера деятельности отличалась от моей собственной, методы исследований оставались достаточно знакомыми, чтобы привить мне чувство рутины, иллюзию того, что то, что я делаю, — обычное дело, а тревоги, от которых я страдал, — повседневные тревоги.

Я попросил Лору поехать погостить у моей сестры в Нортгемптоне. Сначала она не хотела, но пережитое на чердаке сделало ее сговорчивее. Она не стала рассказывать, что именно она видела, сколько я ни упрасивал ее. Когда чердак изменился, она находилась в другом конце. По крайней мере, я убедился, что она не видела человека в черном. Это все, что она сказала.

Я уговорил руководство колледжа предоставить мне комнату для гостей, оправдываясь тем, что дома идет ремонт. Первые несколько ночей я боялся, что за мной придут в колледж. Я прислушивался к шагам, когда шел из библиотеки в комнату в темноте. Ночью в постели я задерживал дыхание, когда на лестнице возле моей комнаты раздавался звук шагов. Но они проходили мимо, и я оставался наедине со своим бьющимся сердцем.

Кусочек за кусочком я собирал папку с записями и фотокопиями. Она до сих пор хранится у меня в кабинете, толстая черная папка с арочными стержнями, запертая в угловом шкафу. Конечно, мне теперь не нужно заглядывать в нее: я знаю все, что там содержится, в деталях, в мельчайших подробностях.

Его звали Лиддли, доктор Джон Огастус Лиддли, степень магистра, ЛОА. Буквы ЛОА означали лицензиат Общества аптекарей. Эта квалификация вышла из употребления после принятия Закона о медицине 1858 года, но до этого ее регулярно получали врачи общей практики. Во времена Лиддли все еще существовало соперничество между медицинскими сословиями: врачами, хирургами и, в конце концов, аптекарями. Медсестры и акушерки даже не участвовали в конкурсе. Элита оставалась элитой: Коллегия врачей не пересекалась с Коллегией хирургов, а последняя — с Аптекари-холлом.

Но остальные — рядовые члены, лиценциаты — были не столь разборчивы, особенно те, кто жил за пределами Лондона. Стипендиаты колледжа могли воздерживаться от

разрезания, кровопускания и ланцирования, но простые врачи, чей хлеб и масло заключались в пациентах и их лечении, не могли позволить себе таких угрызений. Принятие Закона об аптеках в 1815 году сделало владение лицензиатом Общества аптекарей обязательным для любого медика, желающего выписывать рецепты и отпускать лекарства.

Джон Лиддли получил степень магистра медицины в 1823 году, через три года после получения степени бакалавра, в возрасте двадцати одного года. Он указан в списке Манка, оригинале 1878 года, а не в более позднем томе Брауна. Вы можете найти все подробности там, в черно-белом варианте, как это сделал я, вы можете прочитать все сами. Конечно, только основные факты, поскольку Манк не говорит много о личных деталях, о жизни вне врачебной деятельности.

Лиддли учился в Даунинге, не самом престижном колледже в те времена. Конечно, ему повезло учиться в Кембридже, ведь великий Хэвиленд только начал свои реформы, и медицинское образование быстро улучшалось.

После получения степени магистра он отправился в Лондон, чтобы продолжить обучение в тамошних больницах. Первый год он провел в Лондонском госпитале, где получил золотую медаль по патологии. Лондонская больница находилась недалеко от дома его семьи, поэтому он мог жить там, чтобы сэкономить на расходах, продолжая обучение. Неизвестно, почему он не остался там жить. Лондонская больница оставалась одной из единственных больниц с медицинской школой любого профиля, и золотая медаль обеспечила бы ему отличные перспективы.

Какова бы ни оказалась причина, в следующем году он перешел в больницу имени Гая, где стал одним из первых студентов, выбранных для клинической практики Аддисоном, который ввел новую систему обучения в 1828 году. К тому времени нашему знакомому стукнуло двадцать девять лет, и, по общему мнению, он находился на пороге большой карьеры.

Я представляю его у Гая, бледного, долговязого, работающего допоздна при свете ламп в покойнице, сдирающего кожу с мышц, мышцы с костей, руки красные, лицо освещено... Чем? Знанием? Страданием? Зверством? Человек в темном костюме с тростью идет по полуосвещенным палатам, указывая длинным пальцем на ампутантов, увечных, больных.

Но я боюсь, что мой образ несовершенен и пристрастен, это результат ретроспективного взгляда, недостойного моего обучения. Я должен быть объективным. Джон Лиддли не вызывал ужаса, что бы я о нем ни узнал. Он мало занимался хирургией, считая ее, как и большинство врачей в его время, работой механика, ремеслом, не подходящим для джентльмена. Его записи в клиниках Барта и Гая оставались образцовыми. Его не любили, но какой врач ожидает, что его будут любить? Коллеги уважали его, учителя хвалили, пациенты боялись. Чего еще он мог желать? Чего же еще?

По какой-то причине — над этим периодом его жизни нависла тень — он отказался от мегаполиса и перспективы получить консультацию, уверенности в стипендии в Королевском колледже. Вместо этого он вернулся в Кембридж и занялся общей практикой. Это было в 1829 году. Ходят слухи — я нашел письма, в которых рассказывается эта история, — что он оставил в Кембридже женщину, дочь одного из своих учителей, и что целью его возвращения было завоевание ее руки. Так или иначе, он женился только через восемь лет, когда его практика прочно встала на ноги и он мог позволить себе жену и семью.

Я говорю «позволить себе», но, конечно, он никогда не испытывал нужды. Его отец был лондонским купцом, занимавшимся торговлей шелком, человеком состоятельным, которому

не хватало только светской элегантности. Конечно, он надеялся на большее от своего сына: врачевание тогда не считалось вершиной достижений, как сегодня, это было не более чем ремесло. В Лондоне Джон мог бы стать кем-то, найти богатых покровителей, дослужиться до рыцарского звания; но в Кембридже о таком звании не шло и речи. Тем не менее, мистер Лиддли-старший не отказывал сыну в средствах, необходимых для того, чтобы проложить себе дорогу в мире. Что еще он мог предложить?

Были дети, две девочки, Кэролайн и Виктория, родившиеся в 1838 и 1839 годах соответственно. Их имена фигурируют в переписи 1841 года вместе с именем их матери, Сары, урожденной Голсуорси.

Сара была единственной дочерью Сэмюэля Голсуорси, настоятеля Раундской церкви. Неизвестно, как она и Лиддли познакомились, но их пара пользовалась уважением, и этот союз укрепил растущую репутацию доктора Лиддли в маленьком городке. Она вышла замуж поздно, в возрасте двадцати восьми лет, согласно свидетельству о браке в архиве.

Лиддли немного преподавал в университете, но, похоже, ему не предложили постоянную должность, да и не ясно, хотел ли он этого. Он получил должность врача в медицинском клубе Мэдингги, у него появились клиенты среди членов клуба, пасторов и адвокатов, его любили дети.

В значительной степени это объяснялось мягкостью его лечения. В некоторых кругах он приобрел ложную репутацию гомеопата, настолько почти ганемановскими были его рецепты и советы. Он не применял каломель, даже в венерических случаях; он не пускал кровь и не очищал организм ялапом; он с осторожностью использовал сурьму и хинин. Некоторые его коллеги сторонились его за отхождение от основополагающих принципов медицины, но, как и гомеопаты Европы и Америки, он склонил своих пациентов на свою сторону. По крайней мере, они не умирали от его лечения.

Он построил свой дом в 1840 году, как раз вовремя, чтобы быть включенным во всенародную перепись населения в следующем году. Это был один из первых домов, построенных на земле Пембертонов. Пембертоны, судя по всему, входили в число его пациентов.

Он проводил свои операции внизу, в комнате, которую сейчас занимает мой кабинет. В одном из ранних выпусков журнала «Девятнадцатый век» есть его фотография. Она во всех отношениях соответствует гораздо более поздней фотографии, сделанной Льюисом в моем присутствии. И с тех пор я видел этот кабинет воочию, как бы во плоти: шкафы, заполненные стеклянными банками, тяжелые стулья, коробки с инструментами, дипломы в рамке на стене. В цвете он выглядит лучше.

Его хозяйство по тем временам было скудным: кухарка, две горничные, садовник, гувернантка для девочек, мисс Сарфатти. Лиддлы жили хорошо, но никогда не выставляли напоказ свое богатство. Они везде ходили пешком, хотя при посещении пациентов Джон пользовался легким фаэтоном. Газовое освещение имелось только в операционной и кабинете Лиддли.

В 1845 году Лиддли уволил горничных, а в следующем году — садовника. Что с ними стало дальше, не сообщается. Похоже, что все обязанности по ведению домашнего хозяйства пришлось взять на себя кухарке, миссис Туррет. В письме Лиддли своему тестю от 1846 года этот поступок оправдывается соображениями экономии. Ответ преподобного Голсуорси, если он и был, не сохранился. Но от женщины уровня и требований Сары в те времена не ожидали, что она будет убирать, готовить или шить.

В семейной переписке есть свидетельство того, что Лиддли становился все более затворником, а вместе с ним и его семья. Он казался угрюмым и необщительным. Многие из его пациентов начали покидать его, хотя большинство оставались из-за преданности или неизменного предпочтения его лечения. Отмечалось, что он не часто посещал церковь, хотя миссис Лиддли и ее девочек можно было видеть там каждое воскресенье, как на утренней, так и на вечерней службе.

А что же Сара Лиддли? Что мне удалось узнать о ней? Очень мало, если говорить правду. Кажется, она немного поссорилась с родителями до брака с Джоном, и ее считали упрямой. Письма между ее отцом и его братом (военным) говорят о том, что она была непопулярным ребенком и недоброжелательной женщиной. В восемнадцать лет она разорвала помолвку, что вызвало немалый скандал. Имя ее жениха неизвестно. К тому времени, когда она вышла замуж за Лиддли, она считалась старой девой, и есть все основания полагать, что их брак основывался не на любви. Лиддли, конечно, получил от нее выгоду, и она, похоже, поначалу оставалась довольна.

Летом 1846 года — точная дата приходится на третье июля или около того — Лиддли сообщил мисс Сарфатти, что больше не нуждается в ее услугах. По его словам, он сам позаботится об образовании детей. Я нашел документы, касающиеся прекращения работы гувернантки, в файлах лондонского реестра.

Он дал ей хорошие рекомендации и выплатил трехмесячное жалование вместо уведомления — щедрое обращение по стандартам того времени. Миссис Туррет последовала за ней через несколько месяцев, в январе 1847 года. Теперь Лиддли жили одни.

Трудно точно установить, что произошло дальше. Несколько лет все шло как по маслу. Время от времени приходила девушка, чтобы сделать уборку. Торговцев в доме встречала миссис Лиддли, которая приобрела репутацию человека, с которым необходимо считаться. Ее родителям, из переписки и дневников которых взята большая часть сведений, отказали во въезде в дом, и дочь не навещала их в приходе. Сад разросся, хотя рядом с ними не было соседей, которые могли бы пожаловаться.

Где-то между зимой 1848 и весной 1849 года выяснилось, что ни миссис Лиддли, ни ее детей уже некоторое время не видно ни в церкви, ни в городе. Сам Лиддли перенес свою хирургию в комнаты на Сидней-стрит, «чтобы стать ближе к тем, кто его искал». Его тесть нанес неожиданный визит в дом в марте 1849 года, когда застал Лиддли одного, за работой в кабинете. Доктор сказал ему, что его жена и дети уехали погостить к родственникам в Лондон.

Голсуорси навел справки. Никто не видел ни миссис Лиддли, ни Кэролайн, ни Викторю. Лиддли признался, что жена ушла от него, забрав с собой девочек. На вопрос, как ей удастся жить, доктор заявил, что договорился о выплате Саре аннуитета, причем деньги будут переданы через адвоката в Лондоне. И действительно, когда адвоката допросили, он подтвердил, что такие деньги были получены и выплачены. Но он не смог сообщить местонахождение своей клиентки.

На этом дело не закончилось. Дом и сады обыскали, поскольку Лиддли подозревали в том, что он тайно расправился со своей семьей. Но ничего не нашли: ни тел, ни следов насилия, ни следов потревоженной земли. Голсуорси продолжал высказывать свои подозрения, но со временем люди потеряли к нему интерес. Лиддли сторонились, и к моменту смерти он прожил в одиночестве со своими книгами и химикатами еще пятнадцать лет.

Он умер девятого марта 1865 года или около того. Точная дата неизвестна, поскольку прошло почти две недели, прежде чем его нашли, после нескольких неудачных визитов почтальона. Его родственники в Лондоне забрали тело, а через два дня его перевезли обратно в город и похоронили в приходе, где он родился.

Глава 17

В Главном регистрационном управлении нет записей о смерти Сары, Кэролайн или Виктории Лиддли в период с 1849 по 1929 год — год, в котором я самовольно прервал свои долгие поиски. Смерти под этими именами, конечно, есть; но другие детали не совпадают: даты рождения, семейное положение, место жительства.

Конечно, я проверил фамилию Голсуорси. Под этим именем тоже ничего не нашлось. Но я уже знал ответ. Если бы кому-нибудь понадобились останки, чтобы перенести их куда-нибудь на сельский церковный двор или вернуть в семейное хранилище, я мог бы рассказать, где искать. Но я пока не мог сказать, как именно они там оказались, как Лиддли убил их и почему.

Мои источники, публичные и частные, рассказали мне все, что могли. Я пребывал в растерянности. То, что я действительно хотел знать: мотив, способ совершения преступления, прежде всего, какие обстоятельства оставили после себя всю эту ненависть, весь этот гнев — в этом мне было отказано. Недостаточно быть умным, нужно быть еще и удачливым.

Что ж, мне повезло — но к этому я еще вернусь в свое время. Всё по порядку.

Я связался с Льюисом, когда решил, что у меня достаточно материала для доклада. Он попросил меня приехать в Лондон. Мы пообедали в отеле на Бэзил-стрит. Я выбрал этот отель, так как всегда останавливался там, если мне нужно было переночевать в городе, но пожалел об этом, как только он приехал. Он казался таким неуместным, валлиец, играющий в регби, с одутловатым лицом и пятнами на галстуке. Но дело, конечно, не в этом, не в неуместности: просто он изменился в худшую сторону за те недели, что я видел его в последний раз.

За обедом он выглядел подавленным. Мы сидели у окна, наблюдая за движением на Бромптон-роуд, поворачивающей у Скотч-хауса на Найтсбридж. Льюис постоянно смотрел в окно, как будто кого-то ждал.

— Кажется, вы повеселели, — сказал он.

— Да. — Я рассказал, что нашел, показал ему свою пачку фотокопий. Он послушно просмотрел их, проявил интерес, но я видел, что он на самом деле не здесь. Его мысли витали где-то в другом месте, а может быть, вообще нигде.

— Что-то случилось? — спросил я.

Сначала Льюис не отвечал мне. На его тарелке остывал большой кусок ростбифа. За соседним столиком первые в этом сезоне американцы рассказывали о своем последнем шопинг-марафоне. Для некоторых туристов Лондон — это короткая прогулка между «Базиликом» и «Хэрродсом».

— Вот, — сказал он наконец, передавая мне что-то через стол.

Это оказалась еще одна фотография. К этому времени я уже порядком подустал от фотографий и стал возмутительно уверенным в себе после переезда в колледж.

— Только не это, — пробурчал я.

— Взгляните на это, — предложил он.

Фотография отличалась от того, что я ожидал увидеть. На ней я разглядел суперинтенданта Рутвена, сидящего за длинным столом, в парадной форме, в окружении двух старших полицейских.

— Я сделал снимок во время пресс-конференции, которую он проводил в тот день, когда в церкви Святого Ботольфа нашли пальто вашей дочери. За день до того, как его убили. Теперь скажите мне, узнаете ли вы кого-нибудь, кроме инспектора.

Стоявший чуть позади Рутвена и чуть слева от него человек, которого я сначала принял за помощника в форме, был не кто иной, как Лиддли. Он держал руки сцепленными перед собой, а его взгляд устремился на инспектора. По мне пробежал холодок. Злоба во взгляде доктора пылала ярко, как стальное острие.

— А вот это снято после, когда он уходил, — сказал Льюис, передавая мне через стол вторую фотографию. Край фотографии задел маленькую вазу с цветами, опрокинув ее. Вода потекла по скатерти. Я успел спасти фотографию, пока Льюис вытирал воду салфеткой. Мимо прошел официант, катя огромную тележку с куполом, где лежал ростбиф.

Льюис сделал снимок у парадного входа в штаб-квартиру городской полиции. На этот раз Рутвен стоял один и был одет в тусклый коричневый плащ, в котором я видел его уже не раз. Шел мелкий дождь. Свет исчезал с неба. Усталость и печаль на лице Рутвена отражались сильнее, чем обычно. Казалось, он не замечал камеры.

— Не вижу ничего необычного, — промолвил я.

— Видите эти маленькие пятнышки? — спросил Льюис.

— Да, — сказал я. — Они похожи на дождь.

Он кивнул.

— Верно, похожи. Спросите любого фотографа, и он скажет то же самое. Я просмотрел негатив, просмотрел все снимки на пленке, откуда взята эта фотография. Это должен быть дождь. Но в тот день в Лондоне дождь не шел. Можете спросить в метеорологическом бюро, если хотите. Однако дождь начался на следующий день — в день убийства Рутвена. И есть еще кое-что. Плащ Рутвена намокший. Я долго думал над этим, пока не вспомнил.

— Вспомнили что?

— Он не был в плаще в тот день, не тогда, когда он вышел с пресс-конференции. Он нес его через руку. Я в этом уверен. И еще: он был в плаще, когда его нашли в церкви.

— Может быть...

— Да?

— Может быть, вы ошибаетесь. Возможно, эта фотография снята в другой день.

В качестве ответа Льюис указал на место сразу за Рутвенем. Там виднелся газетный киоск и часть фигуры продавца газет. Льюис протянул мне маленькое увеличительное стекло.

— На доске можно разглядеть заголовок «Ивнинг Стандарт», — сказал он.

Я прочитал его. «АВТОКАТАСТРОФА НА ТРАССЕ М1: ТРОЕ ПОГИБЛИ».

— Это случилось в день пресс-конференции, — сообщил Льюис. — В тот день, когда не было дождя.

— Ну, — предположил я, — это просто еще одна аномалия. Как только вы примете...

Он покачал головой.

— Не только это, — сказал Льюис. — Не только аномалия. Есть еще кое-что.

Он передал мне третью фотографию. Черно-белая. Он сам в полный рост. Позади негс

вторая фигура, человек, одетый в черное. Лиддли. Тот же взгляд, та же злоба.

— Я сделал его сам, — сказал он. — Мне нужно было обновить свое досье, на случай, если кому-то понадобится использовать мою фотографию. Я делаю новую фотографию каждые пять лет.

— Почему..? — Мой голос затих.

— Разве это не очевидно? — ответил Льюис. Его рука дрожала. Он поднял бокал с вином, который оставался нетронутым на протяжении всей трапезы, и выпил все содержимое одним махом.

— Вы же не думаете, что только потому, что...

— Снова погода, — заявил он. — Прямо как на фотографии с Рутвенем. Солнечно. Разве вы не видите? Когда я фотографировал, солнце не светило.

— Когда..?

— Неделю назад. С тех пор не было солнца. Но я просыпаюсь каждое утро в поту. Мне требуется вся моя смелость, чтобы просто выглянуть в окно и посмотреть, светит солнце или нет. Господи, мне страшно.

— Но ведь есть фотографии Лиддли со мной. Еще в Венеции. Это не должно ничего значить.

— Не должно? А как насчет тех, что с вашей дочерью? На прошлое Рождество, перед...

— Должно быть что-то, что мы можем сделать, — предположил я. — Чтобы остановить Лиддли, положить конец тому, что происходит в моем доме. Должны же существовать шаги, которые мы можем предпринять, чтобы положить им всем конец.

— Экзорцизм. Вы можете попробовать экзорцизм.

— Не будьте смешны. В наше время никто не занимается экзорцизмом. Это просто суеверие.

— О? И что же преследует ваш дом? Эманация картезианской рациональности? Для умного человека вы немного глупы, доктор Хилленбранд.

Мы некоторое время препирались, но это не имело смысла, Льюис слишком переполошился. В конце концов я согласился рассмотреть его идею с экзорцизмом. Сказал, что поговорю с местным викарием, преподобным Бингли, и узнаю его мнение о подобном средневековье. В частном порядке я сомневался, что он одобрит подобные процедуры. Это не в его стиле.

Он был очень современным викарием, скорее проводил межконфессиональную службу или сбор средств для «Амнистии», чем стоял с колокольчиком, книгой и свечой в парадной комнате нервного прихожанина.

Я хотел изгнать своих призраков по-своему. Я хотел разыскать их, узнать о них все, что мог, выяснить, как и почему они встретили свой конец. Особенно Лиддли. Я хотел узнать, где его похоронили, хотел посетить могилу, убедиться, что он действительно обратился в прах.

— Я зашел в тупик, — признался я. — Я более или менее знаю, когда Лиддли убил свою жену и дочерей, но не знаю, как и почему. Он прожил после этого долгое время, так что у него имелось достаточно возможностей для раскаяния, достаточно времени, чтобы оставить запись в дневнике или поговорить с другом. Но у меня нет никаких зацепок, ничего, на что можно было бы опереться.

Льюис ничего не сказал. Мы ели наши пудинги в тишине. Ресторан опустел. Тени двигались по бледно-зеленым стенам, по картинам королей и королев на тонированном

стекле. Официант многозначительно посмотрел на нас.

— Что случилось после его смерти? — спросил Льюис.

— Случилось?

— С домом. С его имуществом. Некому ведь было наследовать, по крайней мере, напрямую. Детей не осталось. Ему тогда было — сколько? — шестьдесят пять, шестьдесят шесть лет. Его родители, должно быть, умерли. Осталось завещание?

Я кивнул. Мне удалось его обнаружить в библиотеке индексов Британского общества записей и видел копию в Главном реестре семейного отдела в Сомерсет-Хаус.

— Я так и не смог ничего узнать о его родителях. Похоже, здесь есть какая-то загадка: в Лондоне не зарегистрировано ни одного торговца шелком с таким именем за те годы, когда они должны были там жить. Но к моменту смерти Лиддли они наверняка уже умерли.

— Он оставил все замужней сестре, Беатрис Рэнсом. Она жила в Брайтоне унаследовала довольно много от своих родителей, и ее муж тоже был хорошо обеспечен. Дом оказался ей не нужен, и она продала его вместе с обстановкой человеку по фамилии Ле Стрендж. Он как раз получил должность профессора греческого языка при университете Амброзиана. До этого он занимал должность одного из первых преподавателей в новом Даремском университете. Он и его жена обустроили сад и разбили его так, как он есть сейчас.

— А Беатрис? Она ничего не сохранила? Даже не взяла ничего на память?

Я покачал головой.

— Они с братом не общались более двадцати лет. Если я правильно понимаю, подозрения относительно Сары и детей сильно испортили ее мнение о Джоне. Она бы не взяла ничего, принадлежащего ему, я в этом уверен. Даже если бы она это сделала, не думаю, что это так легко отследить.

— Это все, значит? Больше ничего?

Я крепко задумался.

— Была одна вещь, — произнес я. — Он оставил свои медицинские книги и бумаги своему старому колледжу, Даунингу.

— Конечно, именно их мы и нашли на чердаке.

— Да, — сказал я, — возможно, вы правы. Но я не до конца уверен. Там сохранилось не так уж много. Лиддли был весьма начитанным человеком, в его распоряжении имелись деньги. В годы между спадом его практики и смертью он участвовал в нескольких медицинских спорах. Похоже старая репутация гомеопата ему претила. Гомеопаты процветали, а обычные врачи наносили ответный удар. Лиддли присоединился к ним. Он писал письма в прессу и опубликовал несколько памфлетов. Он даже выступил против лорда Гросвенора, после того как тот защищал гомеопатов в Палате общин.

— В завещании говорилось о «библиотеке». То, что мы нашли на чердаке, не подходит под это определение. Моя собственная библиотека в десять раз больше, по крайней мере. Думаю, стоит проверить. Возможно, что-то есть в библиотеке колледжа в Даунинге.

— Очень хорошо, — сказал Льюис. — Если вы что-нибудь найдете, дайте мне знать. Но поговорите с этим вашим викарием о других делах. Возможно времени совсем не осталось.

Глава 18

Остаток дня я пробыл на Португал-стрит, в отделе переписи населения Управления государственных документов. Поскольку я уже был там раньше, выполняя предварительную

работу, смог провести более двух часов, просматривая записи переписи населения Кембриджа с 1841 по 1871 год. Переписи за предыдущие десятилетия были малополезны, так как не содержали подробной информации об именах и семьях. Я нашел то, что хотел, в записях за 1841 и 1851 годы.

От Холборна до Бетнал-Грин всего пять остановок на метро, а оттуда пешком можно дойти до Спиталфилда. Когда отдел переписи закрылся, я нашел место, где можно перекусить — пиццерию или блинную, забыл, что именно. Пока я отправлял еду в рот ложкой, мои мысли постоянно возвращались к тому короткому путешествию. Я чувствовал потребность увидеть место, где нашли Наоми, как будто что-то тянуло меня к месту ее гибели. Выйдя из ресторана, мои ноги, словно сами собой, привели меня к станции метро «Холборн». Двери открылись на станции Бетнал-Грин. Какое-то время я сидел, уставившись на название на стене. Затем, как только двери начали закрываться, выскочил через них на платформу.

Вокруг рынка Спиталфилд было безлюдно. На этом рынке торговали овощами и фруктами, а напротив него располагался небольшой цветочный рынок. Рано утром, с четырех тридцати до десяти часов, Спиталфилд напоминал оживленный улей, но, когда грузовики и погрузчики уезжают, на весь район опускается тишина.

Переулок я нашел без труда. Короткий, вонючий переулок между старыми домами, прогорклый от запаха гниющих овощей. У ветхих дверей стояли мусорные баки и пластиковые пакеты. Среди мусора бесшумно передвигалась кошка, время от времени принюхиваясь к остаткам еды. Одну стену покрывали граффити — слова любви и тревоги на иностранном языке. Я прошептал ее имя.

— Наоми. Наоми. — Ночной воздух дрожал. Я ничего не мог разглядеть. — Наоми, — повторил я снова.

Позади меня кто-то засмеялся. Детский смех, быстрый и звонкий. Я повернулся. Ничего, кроме теней. Потом я увидел кошку. Она стояла посреди переулка, спиной ко мне. Ее шерсть свалаялась, спина выгнулась дугой, и она тихо шипела на что-то в темноте.

Я пошел в том направлении. Тень шевельнулась.

— Наоми? — тихо спросил я. — Это ты?

Кошка шипела, отступая от того, что она могла видеть или чувствовать. Еще один смешок. Затем звук бегущих маленьких ножек. Кошка повернулась и бросилась бежать, исчезая за стеной. Тени. Затем ужасная тишина.

Я ждал больше часа, но больше ничего не происходило. Тени оставались неподвижными, не было слышно ни смеха, ни звука шагов. Наконец, я повернулся и направился обратно к станции на Ливерпуль-стрит, задаваясь вопросом, зачем вообще сюда пришел.

Я вернулся в Кембридж последним поездом. Сидел один с портфелем на коленях, как дон, вернувшийся после тяжелого рабочего дня в Британской библиотеке. Я так часто делал это в прошлом, что сегодняшнее возвращение домой казалось почти рутинным. Но записи в моем портфеле далеко не обычны, а мысли, которые вихрем проносились в моем мозгу, были совсем не обыденными. Были моменты, когда я почти плакал, но глядя в окно, позволял темноте и огням маленьких станций прятать мои слезы.

Я решил пройти пешком от станции до города. Это не очень далеко, и мне хотелось побыть одному, обдумать все. Мои исследования подходили к концу, и все же так много оставалось неясным, так много кусочков не складывалось в головоломку.

Я прошел по Хиллз-роуд и продолжил путь до Сент-Эндрюс-стрит. По вечерам в Кембридже становится неестественно тихо. Университет ютится за своими высокими стенами, пьет, обедает, впадает в академический ступор. Город обходится горсткой ресторанов и пабов. Улицы пусты. Шаги разносятся на большое расстояние, отдаваясь эхом. У прошлого есть свой момент, оно приходит в настоящее, нет никаких барьеров и стен.

Чтобы попасть на Пембрук, мне пришлось свернуть на Даунинг-стрит, идущую вниз к Трампингтон-стрит. Это узкий проход, с каждой стороны его окаймляют высокие, грубые стены. Тишина. Шаги призраков. Эхо. Возвращение тишины. Я шел быстро, внезапно осознав тусклость и редкость уличных фонарей, тот факт, что на улице никого нет, темные, неосвещенные окна со всех сторон. В глубине души я ощущал жуткую тревогу. Ко мне вернулось мое одинокое бдение в переулке в Спиталфилде. Детский смех. Вздыбленная кошачья шерсть.

Раздался высокий крик. Длинный, ужасный крик, от которого у меня зашевелились волосы на затылке, а по телу пробежала ледяная дрожь. Я остановился. Что-то было не так. Уличные фонари исчезли, оставив лишь слабый свет газа рядом с тем местом, где я стоял. Не было слышно ни машин, ни автобусов. Вдруг послышался звук бегущих шагов, затем снова раздался крик, тонкий и полный муки. Детский крик. Я уже слышал его раньше, той ночью в нашей спальне дома.

Конечно, кто-то должен появиться, думал я. Кто-то должен услышать. Но никто не приходил. Улица оставалась пустой и беззвучной. Нигде не горел свет.

И тут я увидел ее. Сначала она показалась мне лишь тенью. Затем что-то более существенное, но еще не оформившееся, примерно в пяти или шести ярдах от меня. Тень дрогнула, и вдруг я увидел ее, мою дочь, такой, какой она была в день своей смерти. Ее глаза смотрели на меня. По лицу текли слезы. Я попытался двинуться в ее сторону, но меня пригвоздило к месту.

— Папочка, — услышал я ее слова. — Помоги мне, папочка. Пожалуйста, помоги мне.

Тонкий голос разрывал мое сердце.

— Я здесь, дорогая. Я здесь, — проговорил я.

— Помоги мне, папочка, — повторила она, словно не слыша меня. Теперь она все быстрее обретала форму, как будто речь наполняла ее содержанием.

— Что случилось, Наоми? Что ты хочешь, чтобы я сделал?

В ответ она повернулась и начала уходить от меня. Я обнаружил, что могу двигаться. Мы шли вместе, старой, знакомой дорогой по Трампингтон-стрит в сторону Ньютауна. Всю дорогу она шла впереди меня, маленькая темная фигура, едва различимая среди теней. Здесь не горели фонари. Дорога и тротуары изменились. Ничто не выглядело таким, каким я это помнил.

Мы добрались до дома минут через двадцать. Он стоял практически в стороне, как, должно быть, и тогда, когда его только построили. В чердачном окне горел свет.

Наоми проводила меня до входной двери. Когда я попробовал свой ключ, то обнаружил, что замка фирмы «Чабб» нет. Я толкнул дверь, и она медленно открылась. Я переступил порог вслед за Наоми. Мое сердце билось от ужасного предчувствия. Я все еще видел ее впереди себя, ее волосы оставались прозрачными и тускло блестели в темноте. Она направилась к лестнице.

— Не поднимайся туда, Наоми, — умолял я. Но она не слышала меня или не слушала. Я последовал за ней. Она ведь была моей дочерью?

В доме стояла кромешная тьма. Но из открытой чердачной двери пробивался свет. Бледный, недостаточный свет, в котором Наоми стала полностью видимой. Она поднялась по лестнице на чердак. И я последовал за ней.

Свет исходил из внутренней комнаты. По мере приближения я смог различить три фигуры на полу. Наоми остановилась возле них и повернулась ко мне.

«Пожалуйста, помоги мне, папочка».

Я посмотрел на неподвижные фигуры. Я знал, кто они.

Что-то привлекло мое внимание. Темная фигура в конце комнаты. Я поднял глаза от свертков на полу. Кто-то двигался в тени. Мужчина в черном костюме.

В этот момент свет замерцал и погас.

Глава 19

Следующее что я помнил это, как рассеянно шел по набережной Фэн. Когда посмотрел на часы, было два часа ночи. Каким-то образом я вернулся в колледж. Спать я лег с включенным светом.

В девять часов, когда отдернул шторы и выглянул на улицу, я увидел, что облака рассеялись. Только когда спустился к завтраку, до меня дошло, что это может означать. Я позвонил Льюису на работу, но секретарь сказала, что его еще не видели. В одиннадцать часов я отправился в Даунинг.

К этому времени я уже переговорил с библиотекарем, и тот сказал, чтобы я сразу же приходил. Он объяснил, что у него свободное утро и он может потратить пару часов на то, чтобы просмотреть со мной коллекцию частных бумаг колледжа.

День для прогулки выдался прекрасный. Лица людей изменились. Солнечный свет ложился на камень медового цвета. Студенты проносились мимо меня на велосипедах, не заботясь больше о том, чтобы успеть на следующую лекцию. Я шел медленно, впервые за несколько месяцев ощущая свободу, почти ликование. События прошедшей ночи казались мне дурным сном. Я слишком переутомился. Вдали от дома и угрожающего присутствия Лиддли я снова почувствовал себя почти человеком.

Библиотекарем был невысокий мужчина и звали его доктор Бернетт. Большая голова, водянистые глаза, бледные щеки. Он носил необычный зеленый твидовый костюм, который, казалось, сшили для гораздо более крупного человека. Возможно, он уменьшился до своего нынешнего размера за время жизни костюма. Я помню, что все время, пока мы разговаривали, он нервно дергал за один конец длинных, нестриженных усов.

До этого мы никогда не встречались. Он был научным сотрудником по химии и занял должность библиотекаря, когда она освободилась, чтобы удовлетворить свою неумную страсть к библиотекам. Его собственная коллекция ранних химических трактатов, включая несколько инкунабул, по слухам, стоила целое состояние и не имела себе равных по качеству ни в одной, кроме самой большой библиотеки.

Он нашел Лиддли достаточно быстро — по медной табличке в книге поступлений за 1865 год. Запись относилась к 15 июня и лежала между экземпляром «Экспедиции Ливингстона в Замбези», опубликованной в том же году, и коллекцией проповедей инакомыслящих, подаренной доктором Олифантом, старшим научным сотрудником по теологии. Как я и предполагал, пожертвование Лиддли отличалось как количеством, так и качеством.

Каждый том тщательно регистрировался по названию и имени автора, ему присваивался

номер приобретения, а также отметка о присвоенном ему классе. Классификационные знаки уже устарели, поскольку в нынешнем веке от них отказались в пользу классификации Дьюи, но в отдельном списке они значились рядом с их современными эквивалентами.

По большей части коллекция Лиддли состояла из опубликованных материалов, в основном медицинских, но с приличной примесью томов по химии, биологии, ботанике и другим наукам. Кроме того, я заметил несколько книг по теологии, около восьмидесяти томов стандартных греческих и латинских текстов, многочисленные сборники поэзии и достаточно истории, чтобы удовлетворить любого любителя. Доктор Лиддли оказался более культурным и образованным человеком, чем можно было предположить, по скудным сведениям, изложенным Манком.

— Это прекрасная коллекция, — сказал Бернетт, проводя сухим, испачканным чернилами указательным пальцем по колонкам, — как бухгалтер, подсчитывающий кредиты и дебиты клиента. — Этот экземпляр Везалия чрезвычайно редок. — Он указал на запись с экземпляре книги «О строении человеческого тела». — Как и первое дрезденское издание «Органа рационального врачевания» Ганемана. В наше время за все это можно выручить кучу денег у Мэгга или Куаритча.

— А как насчет личных бумаг? Они тоже здесь перечислены? — спросил я.

— Если они есть, то да. Они, конечно, хранились бы отдельно, но их поступление регистрировалось бы обычным образом. Отследить их несложно, у них есть свой собственный знак класса. Он начинается с букв Ч.Б. Означает «Частные бумаги». Или, как говорил мой предшественник, «чудаки и бумагомаратели».

Он заметил мой озадаченный взгляд.

— О, это была его стандартная шутка. Многие частные коллекции раньше хранились под замком. Бог знает, зачем их вообще дарили. Тщеславие, я полагаю. Некоторые люди не могут смириться с тем, что выкидывают вещи, даже тайны. Не то чтобы в этих бумагах нашлось много грязи: вы удивитесь, узнав, что некоторые старые доктора считали нужным держать их в секрете от посторонних глаз.

В любом случае, несколько лет назад правила немного смягчили, как раз после моего прихода. Есть еще несколько не подлежащих открытию ящиков, если остались родственники, которые могут поднять шум. В остальном все более или менее свободно. Думаете, у вашего доктора Лиддли имелись секреты?

Я пожал плечами.

— Кто знает?

Бернетт все это время перелистывал страницы в поисках отметки «Ч.Б.».

— Вот мы и добрались, — наконец сказал он. — Довольно много записей, на самом деле. Есть идеи, что вам нужно?

Я покачал головой.

— Тогда лучше достать их и посмотреть, что там есть. Я оставлю вас с ними. Возьмите ключ, входите и выходите сами. Если бы вы были стипендиатом Даунинга, я бы разрешил вам взять их с собой. Но Пембрук — ну, это совсем другое дело.

После довольно скудной информации папки и коробки, которые Бернетт разложил передо мной, показались настоящим пиршеством. Записи по делу, медицинский журнал, начатый в студенческие годы Лиддли, счета, письма, заметки: я едва знал, с чего начать.

Бернетт ушел заниматься другими делами, оставив меня фактически за главного в маленькой библиотеке. Несколько студентов забрели сюда около полудня, пробыли меньше

часа и снова ушли. Пришел один парень, немного почитал газету и уснул. Я их почти не замечал. На моих глазах Лиддли обретал форму. Мой монстр Франкенштейна, мой голем, мой Грендель.

Он был мягким человеком, вот что меня поразило. Этот момент я заметил раньше, когда читал о его терапевтических предпочтениях. Большинство врачей его времени причиняли страдания в гигантских масштабах. Одно только рутинное введение ртути вызывало бесконечные мучения и частые смерти, избежать которых было вполне возможно. Они называли это «героической терапией», но настоящими героями были те пациенты, которым приходилось страдать от их рук. Лиддли выделялся. Он не потерпел бы ничего подобного. Много из этого я уже знал и говорил. Но, читая его дневники, между клиническими наблюдениями и записями рецептов, я нашел кое-что о самом человеке.

Я до сих пор помню один отрывок, датированный 23 января 1825 года:

«Что мне делать со всеми этими кровопусканиями и чистками, этими слабительными и противоядиями, этими ртутными дозами, которые принимаются за главное оружие в моем арсенале? Последний случай значительно понизил мое настроение — случай с мальчишкой Симпсоном. Парень семнадцати лет, которого привезли к нам с тифозной лихорадкой семь недель назад. Доктор Бошамп назначил ртуть в обычных дозах.

Через две недели у парня появились пурпурные пятна по обе стороны лица, затем омертвление и отслоение части тканей. Вскоре вся челюстная кость оголилась из-за потери окружающей ее плоти. Верхняя и нижняя губы полностью исчезли, а с правой стороны омертвление распространилось на глаз, кожу головы и ухо. Он потерял бы и их, но вмешалась смерть, и не слишком быстро, чтобы облегчить его ужасные страдания. Его мать выглядела очень жалко, когда пришла забрать тело, поэтому я не мог позволить ей смотреть на него.

Так вот каков, значит, обычный конец врачебной практики? Вредит там, где нельзя вылечить, делать смерть еще страшнее, чем она есть? Я бы позволил мальчику спокойно умереть, но это противоречит всем нашим обычаям и морали. Когда я жалуюсь на такую практику, мои учителя укоряют меня в слабости. Я нахожусь в крайнем отчаянии...».

Чтобы найти смысл в существовании, которое казалось ему все более хрупким и абсурдным, Лиддли приступил к амбициозному проекту самосовершенствования, читая много и почти без ограничений как древних, так и современных авторов. Медленно, незаметно, из его огромного чтения в его душе начала разворачиваться змея. Это не мои слова, а его, в письме от 24 апреля 1834 года, копию которого он сохранил. Оно обращено к некоему Мартину Пинчбеку, члену Королевского колледжа врачей, бывшему учителю Лиддли и, по-видимому, посвященному в масонские тайны.

«Вы можете считать меня дураком или еще хуже глупцом за беспокойство ума и не спокойствие духа, которые привели меня к Сцилле и Харибде, между которыми я сейчас нахожусь. Но я основательно испил из источника, к которому вы в своем энтузиазме послали меня, и, напившись, не могу извергнуть его обратно. Я читал Либавия и Парацельса, Бруно и Андреа. Во всех них есть глупость, но есть и мудрость. И я читал дальше. Но не нашел твердых ответов. Скорее, я думаю, что в мою душу вползла змея, чьи витки обвилились вокруг меня, как вокруг посоха Асклепия. Но хотя змея свята для бога, я боюсь, что она может оказаться смертельно опасной для меня».

Лиддли был не только широко начитан, но и имел обширные связи, его переписка простиралась не только через Британию, но и на континент. Среди его корреспондентов

встречались не только врачи, но и философы, поэты, масоны, филологи и другие образованные и ученые люди. В одном из писем он цитирует слова Бэкона о желательности братства в обучении: *«Конечно, как природа создает братство в семьях, а искусства механически заключают братства в общинах, и помазание Божье создает братство в королях и епископах, так и в обучении не может не быть братства в учебе и просвещении...»*.

И все же... И все же братство, к которому он принадлежал, казалось, не могло успокоить его ум не только в вопросах медицины, но и в вопросах метафизики. Он начал размышлять о цели существования. Змея грызла его плоть и тревожила дух. И существовало еще что-то, о чем не говорилось в письмах, — великая беда, отягощавшая его сердце.

В тот день я вышел из библиотеки менее счастливым, чем пришел. В голове у меня нарастало беспокойство, я чувствовал, что каким-то образом становлюсь невольным свидетелем тьмы, которая так неумолимо окутывала разум Джона Лиддли. Как никогда отчетливо я слышал его голос, этот мягкий, правдоподобный голос, взволнованно шепчущий мне на ухо.

Когда я вернулся в колледж, наступил ранний вечер. В зале еще подавали ужин, но у меня пропал аппетит, и я сразу направился в свою комнату. Я просидел около двух часов с бутылкой виски, которую прихватил по дороге домой, потягивая и размышляя, а затем стараясь не думать, слушая оживленные голоса студентов, проходящих под моим частично открытым окном.

Где-то после девяти часов я пошел в каморку портье, чтобы позвонить. Я пренебрег своим другом Льюисом, оставив его на произвол судьбы в первый солнечный день после того, как он сделал свою фотографию.

Я набрал его номер. Гудки шли и шли, и чем дольше они продолжались, тем тревожнее я себя чувствовал. Он жил один, я знал это, и знал, что он проводит много вечеров, выпивая в «Жабе и крысе», своем местном пабе. Он наверняка там, рассуждал я, укрепляя себя перед предстоящей длинной ночью, перед темнотой, которая составляла среду обитания мягкого Джона Лиддли. Поедет ли доктор за ним в Лондон, как, по мнению Льюиса, он уже делал? Он знал дорогу, в этом можно не сомневаться. Что еще он знал?

Я снова позвонил в десять, в одиннадцать и в двенадцать. Портье спросил, не случилось ли чего. Я слабо улыбнулся и ответил, что нет, но да, да, что-то случилось.

В ту ночь я спал плохо. Во сне Джон Лиддли разговаривал со мной. У него было честное, открытое лицо и бегающие, страдающие глаза. Человек скорби. Но какие печали, какие страдания? По его словам, он пришел из мертвецкой, после вскрытия, которое продолжалось весь день. «Неужели нет ничего глубже плоти? — спросил он меня. — Нет ничего кроме костей?» Я не мог ему ответить. Я пытался, но не мог, потому что сам не знал ответов.

Утром я пропустил завтрак. На столе портье лежали газеты. Лицо Дафидда Льюиса смотрело на меня с первой страницы «Дейли Миррор».

Глава 20

Льюис был... Какое слово лучше всего подходит? Выпотрошен? Растерзан? Расчленен? Его внутренности аккуратно извлекли и менее аккуратно разбросали по переулку в Спиталфилде. Да, в Спиталфилде, в месте, почти равноудаленном от переулочка, где нашли Наоми, и полузаброшенной церкви, в которой Рутвен встретил свой конец.

Однако никто не уловил связи. Способ убийства не совпадал, никаких причин связывать Дафидда Льюиса, газетного фотографа, с полицейским суперинтендантом, а тем более с доктором Чарльзом Хилленбрандом, отцом убитого ребенка.

Дело в том, что я сам не мог поверить, что это сделал Лиддли, что он обладал силой физического воздействия. Я чувствовал гнев Лиддли, ненависть Лиддли, отчаяние Лиддли, но никогда — его руку. И Льюис, и я чувствовали желание убивать в атмосфере чердака, нас могли подтолкнуть к убийству, но никто из нас не чувствовал прямой угрозы.

Возможно ли, что Льюис оказался прав, что не Лиддли бесплотен, а мы сами? Что не Лиддли проявлялся в нашем мире, а мы в его? Если так, то разве невозможно, что в таких случаях доктор может иметь власть над плотью, как это происходило при его жизни? Предположение казалось правдоподобным, насколько вообще все это могло быть достоверным, и все же я никогда не ощущал его непосредственной телесности, плотского присутствия, которое могло бы свидетельствовать о такой близости или такой силе.

Я сел на первый попавшийся поезд до Лондона, томимый пристальным, беспомощным лицом Льюиса. На протяжении всего пути я вспоминал то другое путешествие, когда Наоми ехала со мной, и в моей жизни не существовало никаких теней, кроме нескольких тонких, которые я сам себе создал. Я вспомнил снеговика Магу, который смотрел, как наш поезд пронесется мимо, словно пугало в белом поле. И я вспомнил лицо Наоми, ее напряженное волнение и удивление по поводу поездки в Лондон на целый день.

Однажды мне показалось, что я вижу темную фигуру, стоящую в поле. Еще одно пугало, сказал я себе, поставленное, чтобы отгонять весенних птиц. Но его окружала стая черных дроздов, клевавших бороздчатую землю. Поезд помчался дальше, а фигура осталась позади меня.

Спиталфилд был тесным и убогим, сплошь состоящий из ветхих домов, вытянутых между Шордичем и Уайтчепелом. Даже солнечный свет не мог поднять мне настроение. Впервые мне пришло в голову, что это район дешевых ночлежек, где жили жертвы Джека Потрошителя: Дорсет-стрит, Уайтс-Роу, Фэшн-стрит, Флауэр и Дин-стрит. Одно из тел, тело Энни Чепмен, нашли в Спиталфилде восьмого сентября 1888 года, во время второго убийства. Место казалось уместным.

Я захватил с собой свой карманный путеводитель и отметил на нем красными чернилами улицу, за которой обнаружили тело Льюиса, — Фэшн-стрит. Но я думаю, что смог бы добраться туда без посторонней помощи, с завязанными глазами.

Полицейские все еще толпились вокруг в большом количестве. На каждой улице, где пахло преступлением, констебли стучались в двери, задавали обычные вопросы и получали обычные ответы.

— Только не это, — донеслось до меня от одной пожилой женщины, когда она открыла дверь и увидела их на пороге — полицейского и женщину-полицейского, возвышающихся над ней, как гробовщики.

Я попытался войти в переулок, чтобы увидеть все своими глазами. Но вход перекрыли метры пластиковой ленты и двое громил-полицейских, смеющихся над какой-то шуткой. Дальше, рядом с несколькими полицейскими машинами, стоял большой белый фургон. На нем красовалась надпись: «Полицейский отдел по расследованию инцидентов». Люди входили и выходили через его маленькую дверь, как жуки. Солнечный свет падал на их лица. Крови не было видно. Даже воздух пах почти чистотой.

Я повернулся, чтобы уйти, и в этот момент меня окликнул голос.

— Доктор Хилленбранд? Это вы?

Я повернулся. Это оказалась женщина-полицейский, которая сопровождала Рутвен в тот первый ужасный день, та, что показала нам одежду Наоми в полиэтиленовых пакетах. Я не помню ее имени, возможно, она никогда не говорила мне его. По правде говоря, я ее почти не замечал.

— Почему, вы здесь, доктор. Что привело вас сюда?

Помню, что заикался, краснел, пытался скрыть свое смущение. Мне стало неловко не только от того, что я оказался застигнут врасплох в своем нездоровом любопытстве, в своем непрошеном вторжении в царство насилия, но и потому, что обнаружил, что внезапно, необъяснимо возбудился от этой женщины. Сила моего влечения совершенно обескуражила меня. На мгновение все перепуталось: мысли о Льюисе, поиски его крови на камнях аллеи, смерть Наоми, одежда Наоми в пластиковых пакетах, женщина-полицейский, ее грудь, ее ноги, ее близость, солнечный свет на моих щеках.

— Вы хорошо себя чувствуете, доктор Хилленбранд?

— Я... я... Да, я в порядке. Просто жара. Я... Я просто прогуливался. Дафидд... Дафидд Льюис... Я хотел посмотреть, где...

— Вы знали Дафидда Льюиса? — Она поспешила спросить.

— Льюиса? Да... да, я его знал. — Я был взволнован, разрываясь между разговорами с смерти и жадной секса. Мне становилось все хуже и хуже.

— Думаю, вам лучше зайти и присесть. Вы выглядите взволнованным.

Она привела меня в фургон отдела инцидентов, освободила место внутри, нашла мне стул. Сексуальные переживания прошли, почти так же быстро, как и появились. И тут до меня дошло, что такое же состояние накрыло меня в прошлый раз. Я вспомнил всепоглощающие чувства, которые я испытал несколькими неделями ранее в постели с Лорой.

Женщина-полицейский привела одного из своих начальников, мужчину, которого я раньше не встречал. Он наблюдал за мной, когда я вошел, смотрел на меня, как мясник смотрит на теленка. Я следил за тем, как он пересекает помещение, осторожный человек, легко ступающий по обстоятельствам, которые он знал и думал, что понимает. Под глазами у него темнели круги, кожа выглядела дряблой и бледной, как будто он не спал несколько ночей. Возможно, он и не спал. Женщина-полицейский сказала ему, кто я.

Он проявил сочувствие, сказал, что знает все о деле моей дочери, что они все еще делают все возможное, чтобы найти ее убийцу или убийц. Мне захотелось сказать ему, что они зря тратят время, что убийца Наоми вне их досягаемости, вне их возможностей уже более ста лет. И все же я не мог заставить себя поверить в то, что Лиддли несет ответственность за смерть Наоми или кого-либо другого из недавно убитых. Он сыграл роль катализатора, вот и все.

— Что привело вас сюда сегодня? — спросил полицейский. Мягко, но твердо, как будто подозрение могло пасть на мою голову за простое присутствие здесь.

— Я знал его, — ответил я. — Льюиса. Я встречал его пару раз, когда он приходил ко мне домой фотографировать.

— Вот как? Разве вы не хотели избежать их присутствия? Прессы, я имею в виду.

Я кивнул.

— Да, да, конечно. Но Льюис преодолел наши барьеры, сумел стать полезным. Я познакомился с ним ближе.

Полицейский, казалось, задумался над этим. Затем он сказал:

— Вашу дочь нашли недалеко отсюда?

Я кивнул.

— Вы были там?

— Нет, — соврал я. — И никогда не собираюсь.

— И все же вы здесь сегодня, шныряете и вынюхиваете на месте убийства Льюиса.

— Я не вынюхиваю, — ответил я, немного всплыв. — И не шныряю. — Мое смущение бросило меня в жар. Никто не предложил мне чашку чая. Я чувствовал себя подозреваемым, убийцей, которого застали за повторным посещением места преступления.

— Извините. Вырвалось: у нас так много соглядатаев. Нет, конечно, нет. Вы его знали.

Что он здесь делал? Вы в курсе?

Я замотал головой.

— Может быть, это как-то связано с вашей дочерью? Он вам как-то помогал? В этом? Предлагал ли он провести собственное расследование, использовать свои связи в прессе, чтобы выследить убийцу?

— Нет, никогда, — заверил я.

— Доктор Хилленбранд, я хочу, чтобы вы все обдумали. Ваше присутствие здесь сегодня немного странно. Инспектор Рутвен был найден убитым в церкви, где мы нашли пальто вашей дочери. Теперь журналист, который является вашим личным другом, оказывается зверски убитым в паре улиц от места трагедии, и вы приходите сюда, чтобы все проверить. Не кажется ли вам это странным?

Я кивнул. Что еще я мог сделать? Мне это тоже казалось странным. Что же все-таки происходит?

— Подумайте об этом, доктор Хилленбранд. Если есть что-то, о чем вы нам не сказали, даже если это просто подозрение, дайте нам знать. Льюиса могли убить, потому что он подошел слишком близко к убийце вашей дочери. Кстати, как ее звали?

— Наоми. Ее звали Наоми.

— Ну, может быть, убийца Наоми где-то здесь и ждет свою следующую жертву. Возможно, другую маленькую девочку. Вы можете знать что-то, что поможет раскрыть эти преступления. Вы можете остановить следующее убийство.

— Вы думаете, будет еще одно?

Он пожал плечами.

— Может быть, вы знаете лучше меня, — проговорил он.

Я не ответил.

— Могу я идти? — спросил я.

Он выдержал паузу, затем кивнул.

— Да, — сказал он. — Если вам потребуется связаться со мной, вы можете найти меня полицейском управлении. Меня зовут Эллисон. Детектив-инспектор Эллисон. Вы можете звонить в любое время. Просто попросите коммутатор соединить вас.

Он встал, и я последовал за ним. У двери я повернулся.

— Лиддли, — проговорил я.

— Простите?

— Ищите человека по имени Лиддли. Это все, что я могу вам сказать.

Он долго смотрел на меня, потом кивнул.

— Лиддли? — Он повторил имя. — Очень хорошо. Я поищу его. Если вы вспомните

что-нибудь еще, дайте нам знать.

— Да, — согласился я. — Обязательно.

Я вышел обратно на солнечный свет и спустился по маленькой лестнице. Неподалеку слышался шум транспорта, мчащегося по Коммерциал-роуд. Я направился по узкой улице, наблюдая, как солнечный свет падает на кирпич, закрытые двери, дергающиеся занавески. Справа от меня открылась дверь, и из нее выглянул мужчина, наблюдая, как я прохожу мимо, — еврей с длинной бородой, один из последних, кто остался в этом районе. На тротуаре играли бангладешские дети, пока их родители вспоминали другое небо и другое солнце.

Я проделал такой долгий путь ради столь малого. Бог знает, почему я посоветовал Эллисону искать человека по фамилии Лиддли. Что побудило меня? Инстинкт, интуиция, полет фантазии? Или что-то более серьезное? Я чувствовал связь. С Лиддли. Доверял себе.

Возможно, именно этот инстинкт помог мне решить, что делать дальше. По дороге в город я не думал ни о чем, кроме поиска места убийства Льюиса, как будто само это место могло говорить со мной. Но оно ничего мне не сказала, ничего такого, чего бы я уже не знал. Я мог бы пойти дальше и найти место, где нашли Наоми, но что-то подсказывало мне, что я еще не готов к этому.

Вместо этого я оказался в Брик-Лейн. Кажется, я понятия не имел, куда иду, пока не повернул налево на узкую улочку с полуразрушенными георгианскими домами. В конце улицы на фоне голубого неба вырисовывался высокий черный шпиль англиканской церкви, словно тень. Даже направляясь к ней, я чувствовал, как меня пробирает дрожь. День казался холоднее, солнечный свет стал менее ярким, менее уверенным в себе. Небо потеряло свой блеск, так как с востока надвигались низкие облака. Мои шаги звучали глухо. На улице не осталось никого, кроме меня.

Церковь казалась пустынной. Между низкой стеной по периметру и входной дверью простирались два участка засохших и пыльных сорняков. Сорняки пестрели фантиками, раздавленными банками пива, огрызками сигарет. Доска объявлений накренилась вперед, как будто собираясь рухнуть на тротуар. Одно из окон разбито. На земле перед ним валялись осколки стекла. Единственное объявление — пожелтевший, скрученный лист епархиального бланка с нерегулярным временем богослужений. Вопрос времени, когда церковь Святого Ботольфа превратится в мечеть, игровой зал или автостоянку.

Я толкнул главную дверь. Она легко открылась, и я шагнул внутрь. Немного света, проникавшего через окна, падало на это место, скорее убогое, чем святое. Если это дом Божий, то Бог, должно быть, спустил последние гроши. Здание относилось к концу восемнадцатого века, позже, чем Крайстчерч, заброшенный шедевр Хоксмур на Коммерциал-роуд. Викторианские реставраторы сделали все возможное, чтобы скрыть оригинальный интерьер. Современная обшарпанность и периодические попытки привести некоторые части церкви в соответствие с современным вкусом сделали из плохой работы худшую.

Я долго смотрел на дешевый подсвечник на алтаре, на свет, ползущий и не достигающий до него. Рутвен однажды выдвинул предположение, что Наоми могла быть убита здесь, в церкви. Но они не нашли никаких доказательств этому. Ни пятен крови, ни волос, ничего, что могло бы привести к такому выводу. Тем не менее, оглядываясь вокруг себя, ощущая убогую двойственность церкви, скрытую тревогу, я понимал, почему он мог подумать так. И, возможно, подумал я, просто возможно, он говорил правду.

Дверь в склеп находилась справа, между двумя большими викторианскими памятниками. Несмотря на то, что произошло, она оставалась незапертой. Выключатель за дверью осветил голую лампочку на лестнице и другие, расположенные ниже. Снизу поднимался запах сырости. На стенах висела густая паутина. Я почувствовал его, он находился очень близко. Но почему? Почему здесь?

Склеп представлял собой узкие коридоры с клетками по обе стороны. Клетки выглядели как низкие камеры, каждая со своей дверью. На некоторых дверях на деревянных плитках значились имена семей. Сначала несколько имен меня озадачили. Это были французские имена: Ле Ук, Креспен, Де ла Мотт. А потом я вспомнил о гугенотах, о том, как они в таком большом количестве приехали в Лондон после драгонады и отмены Нантского эдикта в 1685 году. Должно быть, изначально это церковь принадлежала французским нонконформистам, и они построили ее в Спиталфилде.

Я медленно прошел по одному проходу, затем по-другому. «Где именно они нашли пальто Наоми?» — задавался я вопросом. По моим ногам пробежала крыса. Я посмотрел вниз и увидел пустую бутылку из-под «Гиннеса» и бумажный пакет, в котором, возможно, хранились сэндвичи.

Место, где обнаружили Рутвена, все еще легко опознать. Никто не потрудился стереть очертания его тела мелом. На полу все еще оставались пятна крови. Кто-то оставил цветы, возможно, кто-то из его коллег. Конечно, его жена сюда не приходила. Мне пришло в голову, что я так и не навестил ее. Тихо, так тихо.

За спиной как будто послышался шепот. Я оглянулся, но там никого не стояло. Я снова посмотрел на пол. Недалеко от меловых следов я заметил кое-что — небольшой сверток ткани. Нагнувшись, я подняла его. Это был шарф Наоми. Я крепко сжал его в руке, вспоминая, как в последний раз держал этот шарфик, повязывая его вокруг ее шеи, чтобы она согрелась.

Медленно я выпрямился. В этот момент мой взгляд зацепился за табличку с именем на двери передо мной. Сначала я не обратил внимания. Просто еще одно имя, французское, как и все остальные, принадлежащее семье торговцев текстилем: Петитойе. Именно рядом с этой могилой нашли тело Рутвена. Я вспомнил, как переводил это имя для Льюиса: «маленький глаз». И я вспомнил слова Наоми, сказанные ею несколько месяцев назад: «Он говорит, что у него маленькие глазки, что его маленькие глазки наблюдают за мной». Затем я обернулся и более внимательно посмотрел на табличку с именем на двери могилы. Фамилия содержала дату смерти, которая мне хорошо знакома: 9 марта 1865 года. Имя принадлежало Жану Огюсту Петитойе. Джон Огастус Лиддли.

Глава 21

Я вернулся в Кембридж сильно потрясенный. Солнечный свет исчез так же внезапно, как и появился. Обратный путь лежал через темнеющую, пустую местность. Мне не понадобилось заглядывать в реестр захоронений, чтобы узнать, что Джон Лиддли — Маленький Глаз, Петитойе — захоронен в склепе Святого Ботольфа рядом со своим отцом, матерью и, кто знает, сколькими другими членами его семьи. Я не мог понять, как он мог дотянуться из могилы, чтобы сразить трех невинных жертв, и привести их так близко к месту, где лежат его кости. Я начал задаваться вопросом, сколько времени у нас есть, сколько еще осталось до того, как он придет за Лорой и мной.

В камерке портье меня ждало сообщение. Звонила моя жена, и просила перезвонить ей

в дом моей сестры. За несколько дней это оказалось первым сообщением от Лоры. За минувшие недели мы полдюжины раз разговаривали по телефону и обменялись тремя-четырьмя письмами. Но и говорить, и писать нам было нелегко, оба чувствовали страшную скованность, существовало так много тем, которые мы старались избегать.

Они ужинали, когда я позвонил. Кэрол взяла трубку и некоторое время беседовала со мной, рассказывая, насколько, по ее мнению, Лора изменилась в лучшую сторону, как много пользы принес ей перерыв. Затем к телефону подошла сама Лора.

— Как ты, дорогая? — спросил я. — Кэрол говорит, что ты чувствуешь себя намного лучше.

— Намного, намного лучше, милый. Кэрол просто ангел. И помогать ей ухаживать за Джессикой оказалось очень полезно.

Джессика, трехлетняя дочь Кэрол, появилась в результате неудачного романа с женатым мужчиной, местным строительным подрядчиком, у которого имелись еще семеро детей. Джессика, однако, не стала проблемой. Она была очаровательна и обожаема, и если благодаря ей в Лоре произошли изменения, то вряд ли это можно считать неожиданностью.

— Чарльз, — продолжала Лора без остановки, — я хочу вернуться домой. Я хочу, чтобы мы оба вернулись в дом.

— В дом..? Но, Лора, ты знаешь, почему мы не можем этого сделать, ты знаешь, что произошло.

— Знаю, я все знаю, но все будет хорошо. Честное слово. Мы совершили ошибку, ужасную ошибку. Бояться нечего, совсем наоборот. — Ее голос упал почти до шепота. — Дорогой, я не говорила об этом Кэрол, я никому не говорила. — Наступило долгое молчание, затем она заговорила с внезапной поспешностью. — Я видела Наоми. Здесь, прошлой ночью, в моей спальне. Она говорила со мной, Чарльз, Наоми говорила со мной.

Дрожь прошла через меня. «Помоги мне, папа. Помоги мне». — Слова эхом отдавались в моей голове.

— Дорогая...

— Нет, все в порядке, я в порядке. У меня не начались галлюцинации, я действительно ее видела. В это нетрудно поверить, не после того, что мы наблюдали, не после фотографий и всего остального. Ты ведь веришь мне?

Моя кровь застыла, став холодной, как лед. Я верил ей, Бог свидетель, верил, почему бы и нет?

— Она говорит, что мы должны вернуться. Она говорит, что скучает по мне, скучает по нам обоим, она не может спать, отдыхать и все остальное, пока мы снова не будем с ней.

— Дорогая, призраки не спят.

— Откуда ты знаешь, что они делают? Может, у них такая же жизнь, как у нас. Она наш ребенок, Чарльз, что бы с ней ни случилось, она все еще наш ребенок. Или ты забыл?

— Нет, я не забыл, любимая. Как я мог забыть? Просто...

Лора перебила меня, как будто не слышала.

— Она говорит, что мы должны вернуться, что ничего плохого с нами не случится. Все эти разговоры о злых силах, это просто тот ужасный валлиец, тот фотограф. Ты знаешь, он мне с самого начала не понравился. Я...

— Он мертв, Лора. Льюис мертв. Я только что вернулся из Лондона. Его нашли убитым прошлой ночью. В переулке в Спиталфилде, недалеко от того места, где Наоми...

Она снова прервала меня.

— Мне жаль это слышать, Чарльз. Действительно жаль. Но я не вижу, как это что-то меняет. Я верю Наоми. Она говорит, что Кэрол и Джессика тоже должны приехать. Кэрол уже согласилась. Она, конечно, не знает, почему я хочу, чтобы она приехала; но говорит, что у нее много бумажной работы, которую можно сделать где угодно, и что ей не помешает помощь с Джессикой в ближайшие две недели. Так что все складывается как нельзя лучше. Вот увидишь. Не о чем беспокоиться. Мы приедем завтра на поезде в двенадцать пятнадцать. Ты сможешь встретить нас на вокзале? Или нам взять такси?

Я ничего не ответил. Мне вдруг стало так холодно, как будто я искупался голым в чистейшем льду.

— Разве ты не счастлив, что я возвращаюсь домой, дорогой? Не рад?

— Да, — согласился я. — Да, конечно, очень. Как же иначе?

Но мне стало холодно, очень, очень холодно.

Они прибыли на следующий день, как и обещали. Все выглядели хорошо. Я сыграл свою роль, забрал их багаж и отвез домой, как послушный муж и брат. Мы остановились у дома, как будто ничего не произошло, как будто мы никогда не уезжали. Когда мы входили внутрь, я посмотрел на чердачное окно. Ни малейшего движения в нем не наблюдалось. Все спокойно.

Лора все еще выглядела счастливой, ее подбадривала вновь обретенная привязанность к Джессике. Смерть Льюиса, казалось, ничуть ее не затронула. Но, значит, она не знала его так, как я. Я решил ничего не говорить ей о связях в Спиталфилде, о поисках места захоронения Лиддли. Может быть, она права, может быть, все, что нам нужно, — это возможность дать наладиться обычной жизни. Насколько знал, до нас в этом доме жили другие люди, и ничего страшного не происходило.

Разговаривая с Кэрол за чашкой кофе, я понял, что она ничего не знала о том, что происходило. Она просто предположила, что напряжение после смерти Наоми оказалось слишком сильным для нас обоих и что мы решили побыть порознь. Совершенно естественно, совершенно понятно в данных обстоятельствах. Почему некоторые люди так раздражают своим пониманием? Несмотря на все это, я надеялся, что ничего не произойдет, и не придется разуверять сестру в ее фантазиях.

После обеда я оставил их троих в доме и вернулся в Даунинг. Находка могилы Лиддли только разожгла во мне желание узнать о нем больше. Я провел три часа, просматривая его письма, знакомясь с его судорожной, но умелой рукой, его любопытными оборотами речи, его классицизмом. Его корреспонденты отличались по происхождению, но не по темпераменту.

«Без знания конечной цели жизнь становится бессмысленной, бессодержательной, в итоге лишенной смысла. Только мужественный человек, человек, все существо которого закалено страданием, может обрести истинную мудрость и, исходя из нее, достичь совершенного знания

Обычные люди, простонародье не имеют представления о таком знании, не стремятся к нему и не уважают его, — писал один из корреспондентов, доктор теологии Лейденского университета. — Мы же, будучи посвященными в эти тайны, в семья того Вселенского Знания, в котором лежит зародыш Всего Сущего, можем считать себя возвысившимися над надеждами и сентиментальностью обычного стада.

Их мораль, мелкое, жалкое соблюдение, вопрос обычая, а не принципа, мы можем

считать ничтожным, чем она и является на самом деле. Поднимитесь над ней, и перед вами откроются холмы и долины истинного поведения и правильных действий. Мужчина может ложиться с женщиной, не принадлежащей ему по закону, и при этом получать сладость выше удовольствий брачного ложа. Он может взять то, что ему не принадлежит, и при этом принести пользу предполагаемому владельцу. Он может убить, но оживить свою собственную душу и тем самым ускорить свое совершенство и любовь к Мудрости».

Было еще многое, многое другое в том же духе. Те ответы Лиддли, которые сохранились — похоже, что на одном из этапов он тщательно хранил копии всего, что писал, — написаны похожим языком. Я начал различать закономерность, жажду, что-то, что намекало — а иногда и больше, чем намекало — на отчаяние человека, который чувствует себя скованным, но думает, что ощущает запах воздуха открытых полей и жаждет бежать по ним.

Письма наводили на размышления, но они затрагивали лишь края кошмара Лиддли. Что привело его к окончательному помрачению — поиск знаний и смысла или что-то другое? Мне хотелось получить ответ, и теперь я снова начал отчаиваться, что не найду его.

Уже собираясь уезжать, я сделал открытие, которое вело меня к истине — или к той части истины, которую только предстояло найти. Я положил письма обратно в коробку, перевязал ее лентой и отложил в сторону. Рядом стояла другая коробка, откуда достал несколько тетрадей, ни в одну из которых я еще не заглядывал. Когда я начал перекладывать их, мой взгляд упал на одну, весьма отличавшуюся от других. Небольшой том в кожаном переплете с надписью: «Клинические отчеты 1838-47 гг». Я не поначалу не придавал ей значения, считая лишь продолжением прежних записей, собранных Лиддли в первые годы его практической деятельности. Но теперь, взяв ее в руки, я рассеянно заглянул внутрь.

Почерк безошибочно принадлежал Лиддли. Записи располагались по датам, но первый отрывок, на который упал мой взгляд, не производил впечатления медицинского отчета. Наверное, именно имя Сара подсказало мне, что в этой тетради содержится нечто более личное, чем в других. Через несколько минут я впал в экстаз нервного возбуждения. Название оказалось обманчивым: то, что я держал в руках, представляло собой не что иное, как личный дневник Джона Лиддли.

Глава 22

Время близилось к закрытию. Библиотека опустела, я сидел в одиночестве в луче желтого света. Бернетт отправился в хранилище, чтобы вернуть тома, с которыми он работал в течение дня. Мне хватило нескольких мгновений, чтобы сунуть дневник в портфель, собрать остальные тетради и засунуть их обратно в коробку. Через минуту вернулся Бернетт. Я передал ему коробки. Он едва взглянул на них. Две коробки взял, две коробки вернул. Мы поболтали несколько минут ни о чем существенном, и я ушел. В те времена, как и сейчас, Кембридж работал на основе доверия. Старшие сотрудники университетской библиотеки не требовали билетов для прохода в библиотеку, в колледжах действовали еще более мягкие правила. Академики — не воры, пока их не поймают на месте преступления. Меня не поймали.

Когда я вернулся домой, ужин уже был готов. На столе горели свечи. Красные свечи, выбранные как будто для какого-то праздника, для рождественского обеда, что мы так и не съели. Дом казался более нормальным, чем в последние месяцы. В нем не чувствовалось той тяжести, той подавленности и сожаления, которыми мы с Лорой его наполнили.

Моя жена и сестра провели вторую половину дня за уборкой, играя с Джессикой, готовя еду. Они делали из этого что-то особенное, говорили, что это их сближает: две женщины и девочка-ребенок наводят порядок в своей жизни. Я же чувствовал себя отверженным, даже изгоем. С того момента, как переступил порог дома, я ощутил, что у меня отняли мой дом, почувствовал, как во мне, словно пузырь, поднимается неуверенность.

Лора сияла, словно она заново родилась, воскресла. Она вела себя так, по крайней мере, с Кэрол и Джессикой — со мной, своим мужем, она держалась более сдержанно. Казалось, она обиделась на то, что я ушел после ее возвращения, как будто обидел ее, хотя на самом деле единственное, что я делал, — это обеспечивал ее безопасность, выслеживая Лиддли. Лора смотрела на меня во время еды, бросая странные, косые взгляды в мою сторону, как будто я какой-то незнакомец, и она сомневается, приглашать ли меня в свой дом.

Джессика щеголяла в розовом платье, идентичном тому, что было у Наоми: я вспомнил, что Кэрол купила им обеим одинаковые наряды во время своего визита перед Рождеством. Я подумал, что со стороны Кэрол легкомысленно позволять своей дочери сидеть за моим столом в одежде, от которой так и веяло воспоминаниями. В некоторые моменты мои глаза затуманивались, и мне казалось, что я вижу Наоми на месте Джессики. В конце концов, они ведь приходились друг другу двоюродными сестрами, и были очень похожи.

Я наспех поужинал и оставил их наедине с медленно тающими свечами и их беззаботной болтовней. Адвокат и искусствовед болтали о детях. Они как-то странно смотрели на меня, когда выходил из комнаты, как будто я сказал или сделал что-то неприличное. Но я не обращал на них внимания. Мне не терпелось получить свой приз.

Войдя в кабинет и открыл свой портфель. Наконец-то на столе лежал ключ, который я искал все это время. Редкое волнение я испытал тогда, в первые минуты воспоминаний о добром докторе. Но по мере чтения волнение сменилось опасением, затем жалостью и, наконец, ужасом. Я понял Джона Лиддли так, как никогда и никого не понимал.

Когда я закончил читать, наступил поздний вечер. Я слышал, как Кэрол и Лора легли спать часом или двумя раньше. В доме стояла тишина. Я впервые почувствовал, что в кабинете холодно. Я сидел, не двигаясь, в кресле, сгорбившись над столом, не отрывая глаз от обложки дневника. Он рассказал мне все, что я хотел знать. Я понял, почему он убил их, как он это сделал. Мне даже казалось, что понимаю, что произошло в Спиталфилде.

Я не задавался вопросом, что мне делать. Взяв дневник в руки, поднялся и тихо пошел в гостиную. Лора и Кэрол оставили в камине слабый огонь. Он почти погас. Я раздул его и добавил несколько поленьев, и через несколько минут он снова запылал.

Когда огонь разгорелся, я взял дневник и вырвал его страницы. Они легко воспламенились, яростно горели, а потом рассыпались в черный пепел. Закончив, я вышел на улицу и выбросил кожаный переплет в мусорный бак. Вдохнув ночной воздух, я задрожал и вошел в дом.

Лора спала, ее дыхание доносилось до меня с того момента, как я вошел в затемненную комнату. Я разделся и лег в постель рядом с ней. Она лежала ко мне спиной, и я почувствовал безмерное облегчение от того, что мне не придется говорить с ней, лгать ей. Я лежал без сна в темноте, уже не представляя, а зная, что произошло в этом доме. Здесь, в этой комнате, и выше, на чердаке.

Начало всему положила привязанность Лиддли к гувернантке его дочерей, мисс Сарфатти. Ее звали Анна. Она происходила из неясного рода, и даже Лиддли не смог вытянуть из нее больше, чем минимум информации о себе. Она не была уроженкой Англии,

хотя воспитывалась в этой стране. Даже ее национальность неясна: Сарфатти — не итальянская фамилия, и мне не удалось выяснить ее истинное происхождение.

Судя по описанию Лиддли, Анна Сарфатти была очень красивой женщиной. *«Я не могу описать свое удовольствие от первой встречи с ней, — писал он в своем дневнике — эти слова остались со мной, — я как будто прошел через дверь и попал в комнату, совершенно отличную от той, в которой находился, комнату, размеры, свет, цвета которой совершенно не похожи на те, в которых я когда-либо был или надеялся попасть. Я был околдован. Ее глаза влекут меня, ее уши, ее губы, ее шея, то, как она делает паузу во время разговора, подыскивая нужное слово. Она нерешительна, сдержанна, но при этом откровенна и честна. Я люблю ее, но сказать это — значит не сказать ничего о том, что знаю и что чувствую. Она откроет мне все то, что до сих пор оставалось скрытым от моих глаз».*

Увлечение доктора быстро переросло в одержимость. Его жена должна была знать об этом: Я не понимаю, как она могла не знать, да и сам Лиддли подозревал о ее осведомленности. Однажды Сара все же попыталась уволить гувернантку, но муж отменил ее решение, и Анна осталась. Поначалу Лиддли держался в стороне, восхищаясь, любя, но храня верность жене, на которой женился без любви. Постепенно, однако, его потребность в Анне стала слишком сильной, чтобы сопротивляться. Его корреспонденты говорили ему, что следует презирать мелочную мораль масс, его инстинкты призывали его лечь в постель с красивой женщиной, с которой он встречался и разговаривал каждый день. И она, судя по всему, не отказалась.

Он пишет о первом разе, когда переспал с ней: *«Я поднялся на самые головокружительные высоты, на которые может подняться человек и при этом остаться в живых. Если я умру сегодня ночью, мне будет все равно».* Их свидания тщательно планировались, чтобы совпасть с отсутствием Сары, когда она навещала родителей или друзей. Или же Лиддли придумывал визиты к вымышленным пациентам и встречался с Анной в комнате, которую снимал в городе. Так продолжалось больше года. Затем Анна призналась, что беременна.

Каким-то образом Сара узнала об этом. Любовники едва ли вели себя осмотрительно, казалось, что они почти добивались разоблачения. Положение Анны стало безвыходным: незамужняя, без друзей, без живых родственников, без средств, она сдалась на милость Сары Лиддли. Презираемой жене нечего было предложить. На этот раз Джону не оставили выбора: если он не уволит любовницу сразу, то потеряет жену, детей, репутацию и карьеру. Трудно сказать, что из этого имело для него наибольший вес. Конечно, из его дневника ясно, что он страстно любил своих дочерей.

Неохотно, со слезами на глазах, он позвал Анну в свой кабинет, вложил ей в руку деньги и поцеловал на прощание. Она уныло отправилась в Лондон, прижимая к себе маленький саквояж с жалкими немногочисленными вещами и лист бумаги с именами людей, знакомых ее любовнику, людей, которые, по его словам, могли бы оказать ей помощь. Это случилось в июле 1846 года.

Дневник молчит о том, что происходило в следующие несколько месяцев. В нем нет никаких записей. Не сохранилось и писем, в которых бы рассказывалось или упоминалось о событиях того периода. Дневник возобновляется в конце сентября гневной, испуганной записью, в которой Лиддли сообщает, что заразился сифилисом. О его недоумении свидетельствует почти бессвязность записей на протяжении следующей недели или около

того. Он знает, что не мог заразиться от своей жены. Но ему еще труднее принять неприятную правду, что его заразила Анна, это скромное, почти святое создание, которое он так боготворил и ради которого так рисковал.

Заметное ухудшение психического состояния Лиддли происходит буквально в считанные месяцы, что подробно зафиксировано на страницах его дневника. Его страдания от потери Анны, горечь и растерянность из-за ее очевидной неверности, ненависть к жене и растущая холодность по отношению к детям — все это вместе взятое пошатнуло его рассудок. В переписке того периода, один или два экземпляра которой сохранились, он превосходит все прежние границы в своем стремлении подняться над обыденностью, найти в поспори моральных правил путь к истине.

Однако в этот момент в его философствование врывается роковой поворот. Кажется, что он в каком-то смысле начал думать об Анне как о фокусе, линзе, через которую он мог более ясно видеть картину космоса. Однажды он приводит цитату из поддельного розенкрацевского памфлета начала XVII века *«Fama Fraternitatis»*: *mundum minutum omnibus motibus magno illi respondentem fabricasset* — он создал микрокосм, который во всех движениях соответствовал макрокосму. Анна стала микрокосмом Джона Лиддли. Он воображал, что в ней и через нее он достигнет мудрости, которая до сих пор ускользала от него, что сила любви совершит то, чего не смогли сделать сила разума и воли.

Теперь, видя, что источник его вдохновения загрязнен, а сам он испорчен телесно и душевно, он начал воспринимать знания и мудрость как атрибуты зла. *«Порок, — пишет он, — а не любовь, является силой, движущей вселенной. Жестокость, а не милосердие, связывает людей. Цель медицины, не исцелять, а уничтожать».*

Эти чувства усугубились в начале января следующего года, когда, к его ужасу, Анна Сарфатти появилась на пороге его дома, замерзшая, голодная, почти мертвая и очень близкая к своему сроку. Сара не позволила ей войти в дом. Вопреки ее протестам, вопреки собственному чувству отвращения, Лиддли отвел свою любовницу в какую-то пристройку, где долго и мучительно ухаживал за ней, чтобы в конце концов ее потерять.

Она родила ребенка, мальчика, которого, по настоянию Сары, отвезли в местный дом для подкидышей. Лиддли назвал его Джоном, в честь себя. Позже, по рекомендации Лиддли, его усыновила бездетная пара, дружившая с его родителями, по фамилии Де ла Мере. Они жили недалеко от Лиддли — Петитойе — в Спиталфилде.

К тому времени, однако, разум Джона Лиддли окончательно помутился. Внешне он сохранял рассудок, но внутри него бушевали гнев и страдание. Он не мог смотреть ни на Сару, ни на своих маленьких девочек. Он ел один, спал один, общался с женой записками, оставленными в коридоре. На дом опустилась гнетущая тишина. Большую часть времени Лиддли проводил в своем кабинете, лихорадочно читая и сочиняя. Поздно ночью можно было услышать, как он ходит взад-вперед по спальне или расхаживает по чердаку. Иногда он садился на лошадь и уезжал, не возвращаясь до позднего утра или даже на следующий день. Эти подробности содержатся в показаниях, которые дал тесть после исчезновения Сары на основании слов своей дочери.

И тут, видимо, произошло нечто, заставившее Лиддли решиться на эксперимент, который в итоге закончился трагедией. *«Они были даны мне, — пишет он в дневнике 14 апреля 1847 года, — как знаки высшей благодати, чтобы я нашел в них то, что ни один мужчина не находил ни в одной женщине прежде».* Под «ними» он подразумевал свою жену и дочерей. Сначала он схватил девочек и приковал их на чердаке, затем напал на Сару,

сломав ей обе ноги, и оставил ее с ними, неспособную двигаться. Он держал их голыми и обращался как с животными. На самом деле они стали его образцами, теми, кого мы сейчас называем подопытными мышами.

У меня нет сил описывать то, что происходило в последующие месяцы. В те дни не существовало ни анестезии, ни анальгетиков, чтобы облегчить постоянную боль, от которой страдали все трое. Лиддли проявлял усердие в своих занятиях. Он искал смысл в их плоти и костях. Он верил, что они могут научиться преодолевать свои страдания, но «они не поддавались обучению», поэтому он их наказывал. Дневник описывает его эксперименты в графических подробностях. Первой умерла Сара, затем Кэролайн и, наконец, Виктория. Он завернул их останки в рогожу, замуровал стену чердака, где их держал, и больше туда не ступал. Но это еще не конец. В каком-то смысле это стало только началом.

Я не мог заснуть. Постельное белье тяготило меня, приковывая к кровати. Когда закрывал глаза, передо мной возникали образы Лиддли, его наполненные болью глаза смотрели на меня, губы наполовину растянулись в улыбке и хмурым выражении. Но если я их открывал, спальня казалась полной серых, безжизненных фигур. Сон не приходил, и все мысли крутились вокруг Джона Лиддли и его семьи. Как я его жалел. И как он меня пугал.

Наконец я повернулся на бок и потянулся к Лоре, ища хоть какое-то тепло или утешение в своей бессоннице. Я обхватил ее одной рукой и притянул к себе, обнимая ее тело. На ней была длинная ночная рубашка. Это удивило меня, поскольку обычно она спала без одежды, если только не становилось необычайно холодно. Я прижался ближе, положив руку на одну грудь, отчего жена зашевелилась и забормотала во сне. И в этот момент моя кровь похолодела.

Женщина, которую я держал на руках, не была Лорой. У Лоры волосы короткие, аккуратно подстриженные. У этой женщины были длинные, густые волосы до пояса. Лора имела маленькую грудь, а эта женщина — большую. На мгновение я подумал, что совершил глупую ошибку, что забрался в постель рядом с Кэрл. Но в тот же миг женщина рядом со мной повернулась и протянула свою руку к моей.

— Джон? — сонно пробормотала она. — Это ты? Где ты был?

Голос принадлежал не Лоре, не Кэрл. С чувством нарастающего ужаса я отстранился от нее.

— Что случилось, Джон? Ты не хочешь меня?

Я потянулся к прикроватной лампе и включил ее. Когда оглянулся, кровать оказалась пуста.

Глава 23

Наверное, я завопил или закричал. Мгновением позже дверь открылась, и вбежала Лора, а за ней Кэрл.

— Ты в порядке, Чарльз? Что случилось? — Лора стояла полуголая в дверях, ее глаза сканировали комнату и остановились на моем лице. Она не сделала ни одного движения в мою сторону. Кэрл стояла чуть позади нее, натягивая на плечи старый халат. Они обе выглядели усталыми и помятыми.

— Я думал... — Я заикался, — Я думал, что кто-то... в кровати... — Я не смог понять смысл, не смог заставить правду вырваться из моих губ. Я решил, что они предадут меня, обманут в моей несдержанности.

— Ты подумал, что в кровати кто-то есть? Какая глупость, — сказала Лора. — Должно быть, это дурной сон. Ты слишком много начитался. И ты очень расстроен. Тот человек в Лондоне, которого убили, все взбаламутил. Я останусь с тобой сейчас, все будет хорошо.

— Лора права, Чарльз, — добавила Кэрол. — Ты слишком много работаешь. Для работы еще слишком рано, ты только нагружаешь себя. Тебе нужно отдохнуть. Посмотри, сколько пользы это принесло Лоре.

Столь разумные голоса, и всего за несколько мгновений до этого... Я кивнул. В холодном электрическом свете мои страхи казались гротескными. Лора направилась к кровати. Пока она шла, я оглянулся. На подушке рядом со мной, подушке Лоры, осталась глубокая вмятина, обозначающая место, где недавно лежала голова. Я протянул руку. Простыни рядом со мной еще не потеряли своего тепла.

Лора легла в постель рядом со мной. Кэрол уже закрыла дверь и вернулась в свою комнату.

— Она права, — заявила Лора. — Ты слишком много работаешь. Какая разница, кто жил здесь все эти годы назад, что они делали или не делали? Теперь они мертвы, все они. Разве мы не можем забыть про них? Разве мы не можем позволить им покоиться с миром?

— Он убил их, — проговорил я. — Свою жену и двух маленьких девочек. — Он оперировал их без анестезии, и записывал их реакции в своем дневнике.

— Это не имеет значения, Чарльз, — настаивала Лора. Все уже позади: пусть они упокоятся.

Я больше ничего не сказал. Она не понимала, не хотела понимать, что еще не все кончено. Вскоре она заснула. Я поддерживал маленький огонек, потому что не мог выносить темноты. Уже почти рассвело, когда я провалился в легкий, тревожный сон. Дважды до этого я слышал звук ног на чердаке.

На следующее утро, сразу после десяти часов, ко мне пришел неожиданный посетитель. Им оказался инспектор Эллисон, полицейский, ответственный за расследование убийства Льюиса. Погода снова улучшилась, и я провел его в сад. Кэрол и Лора уехали в город с Джессикой.

— Мы проверили всю округу на предмет Лиддли, — сказал он. — Ни в Спиталфилде ни в прилегающих районах нет никого с такой фамилией. Вообще, в Лондоне очень мало Лиддли. Так что, может быть, вы объясните мне, в чем дело?

Я колебался. Мы сидели на маленьких веретенообразных садовых стульях, которые Лора купила за год до этого на распродаже у Идена Лилли.

— Инспектор, я должен извиниться. Я допустил ошибку. Это просто догадка, предположение. Но, боюсь, я ошибся.

— Позвольте мне судить об этом. Что заставило вас дать мне это имя в первую очередь? Я знал, что он никогда не поверит в то, что мне придется ему рассказать.

— Не хочу вводить вас в заблуждение, инспектор. Поверьте, я хочу найти этого человека. Он убил мою дочь.

— Вы думаете, что один и тот же человек убил вашу дочь и Дафидда Льюиса? Я кивнул.

— Он убил и инспектора Рутвена. Но я ошибся: его зовут не Лиддли. Это... — Теперь я ступал по тонкому льду. Что, если я снова ошибся? Привлечет ли меня Эллисон за препятствование полиции в расследовании, за пустую трату времени? Приведет ли мое

вмешательство к его смерти, как это произошло с Рутвенгом и Льюисом?

— Я не уверен, — произнес я. — Возможно, снова ошибаюсь. Но я считаю, что вам стоит попробовать еще раз. На этот раз не с Лиддли. С Де ла Мере.

Во время обеда я заметил, что Кэрол что-то беспокоит. Я спросил ее, в чем дело, но она отмахнулась от моих расспросов, сначала непринужденно, потом довольно решительно. Однако позже, когда Джессику уложили спать, она предложила прогуляться. Лора предложила остаться с Джессикой, сказав, что хочет просмотреть несколько слайдов: в следующий понедельник она собиралась вернуться на свою старую работу в Фитцуильям.

Итак, мы вышли, Кэрол и я, и поехали на велосипедах в Кингс. Мы оставили велосипеды на Параде и спустились пешком к Бэкам. Почти до самого берега реки простирался ковер из желтых и бледных нарциссов, разбитый крошечными клумбами пурпурных и белых крокусов. Я упомянул обо всем этом, о поэзии этой сцены, только потому, что она так резко контрастировала с мрачной торжественностью нашего разговора. С тех пор я не получаю никакого удовольствия от цветов.

Мы шли, брат и сестра, бок о бок вдоль реки, пытаюсь заново обрести ту близость, ту непосредственность, которую когда-то знали, будучи детьми и подростками. Взрослая жизнь отнимает у нас так много, так много способностей, так много слабостей.

— Что происходит, Чарльз? Я не могу добиться от Лоры многого, и вовсе не хочу давить на нее. Она хрупкая, и я не знаю, до какой степени могу отяготить её своими попытками. По крайней мере, кажется, что она делает некоторые успехи. Я беспокоюсь о тебе. Не о твоём здоровье, оно у тебя оставляет желать лучшего. Но ты выглядишь совсем другим человеком, Чарльз. Не просто изменился, а... перестал быть самим собой.

— Со мной все будет в порядке. Смерть Наоми...

Она повернулась почти со злостью.

— Да ладно, Чарльз, ты же знаешь, что дело не в этом. Не только в этом. Я не ожидаю, что ты сможешь забыть Наоми годы..., может быть, никогда. Но происходит что-то другое? Что это, Чарльз? Она вернулась к вам, да?

Я остановился на месте.

— Как..?

— О, Чарльз, перестань. Я собрала воедино то, что Лора оставила без внимания. И слегка воспользовалась интуицией. Это правда? Ты ее видел?

Кивнул, соглашаясь.

— Я видел ее один раз, а Лора — в другой. И мы слышали ее. Однажды ночью в нашей спальне — она плакала. И есть фотографии.

— Фотографии? Понятно. — Кэрол сделала паузу. Мы были похожи на любовников, идущих рука об руку, наши запреты исчезли. Мне хотелось прыгнуть в реку, утащить ее за собой в эту темноту, в эти промозглые заросли.

— Прошлой ночью я что-то слышала, — продолжала она. — Шаги наверху, на чердаке. Вы их слышали?

— Да, — признал я.

— Это были не детские шаги. Не Наоми.

— Нет, — проговорил я. — Не Наоми.

— Я думаю, тебе лучше мне рассказать.

И я рассказал все, что знал, опустив только подробности того, что Джон Лиддли сделал

со своей семьей. Когда я закончил, прошло уже больше часа. Мы долго сидели в тишине, Кэрол и я, не отрывая глаз от реки, ее мягкого серебристого блеска, ряби, прохлады и глубины.

— Странное совпадение, не правда ли? — произнесла она. Я понял, что она имела в виду.

— Ты имеешь в виду маму? — спросил я.

Она кивнула.

— Да, — согласился я. — Если это совпадение.

— Ты так не думаешь?

— Нет, — подтвердил я.

Река извивалась прямо у нас под ногами. Наши отражения плясали на ее поверхности, как призраки. Я содрогнулся.

— Лоре не следовало поощрять тебя приезжать, — поморщился я. — Ей не следовало позволять тебе брать с собой Джессику. Это еще не конец, ты знаешь. Я думаю... Я думаю, это только начало.

Кэрол ничего не сказала. Она продолжала смотреть на воду, на наши отражения, искаженные и дрожащие на ее изменчивой поверхности.

— Вчера вечером, — начала она, наконец, — после того, как пришла в вашу с Лорой комнату, я не сразу вернулась в свою. Вместо этого я пошла проверить Джессику. Она не спала. Я нашла ее сидящей в кровати с включенным светом. Она не выглядела обеспокоенной или что-то в этом роде. Я спросила ее, почему она сидит с включенным светом. Ее что-нибудь разбудило? Я подумала, что она могла услышать твой крик. Она сказала, что играла. «Во что ты играла?» — спросила я. «В семью, — ответила она. «Одна?» — Она покачала головой. «О нет, — объяснила Джессика, — я была не одна. Моя двоюродная сестра Наоми приходила поиграть со мной».

Глава 24

Вечер прошел спокойно, мы говорили, о чем угодно, только не о том, что нам больше всего хотелось обсудить. Я и Кэрол договорились не поднимать тему привидений с Лорой. И мы решили, что, возможно, лучше все-таки попробовать прибегнуть к экзорцизму. Я с горечью вспомнил о своем нарушенном обещании Льюису. Когда мы возвращались на велосипедах, я сказал Кэрол, что позвоню священнику завтра.

Около десяти часов Лора сказала, что чувствует усталость и хочет пораньше лечь спать. Когда она пошла наверх в постель, мы с Кэрол остались внизу, чтобы поговорить. Я показал ей фотографии. Не все — не самые худшие, которые я спрятал подальше, — но достаточно, чтобы окончательно убедить ее в правдивости того, что я рассказал.

— Вам нужно уходить отсюда, — заметила она. — Этот дом — зло. Он уничтожит вас, если вы останетесь.

— Лора не уйдет, — я рассказал сестре о визите Наоми, о ее просьбе к Лоре вернуться домой.

— Наперекор этому, — ответила Кэрол. — Как раз из-за этого. Даже если она увидит Наоми, это только больше расстроит ее в конце концов. Позволь мне поговорить с ней, может быть, она меня послушает.

Я кивнул, но знал, что сестра зря старается. Потребуется нечто большее, чем просто доводы, чтобы заставить Лору снова оставить наш дом.

Мы легли спать сразу после полуночи. Кэрол нервничала. Я знал, что она прислушивается к звукам с чердака.

— Я не хочу спать одна, — призналась она.

— Все будет хорошо, — успокоил я ее, сам не чувствуя особой уверенности. — Мы в другом конце коридора — тебе нужно только крикнуть, если я тебе понадобится.

Она нервно улыбнулась и открыла дверь своей спальни, сразу же включив свет.

— Иди, — сказала она. — Со мной все будет в порядке. Но я бы хотела, чтобы уже наступило утро. Я загляну к Джессике перед тем, как почистить зубы. Наверное, возьму ее с собой спать.

Она поцеловала меня в щеку и ушла в комнату своей дочери. Я открыл дверь нашей спальни и вошел внутрь. Лора оставила включенным ночник. Она зашевелилась, когда я вошел. Я с облегчением увидел, что в кровати действительно Лора, а не... не кто-то другой.

Не прошло и минуты, как дверь без предупреждения распахнулась, и в комнату влетела Кэрол в крайне расстроенных чувствах.

— Джессика! — кричала она. — Она пропала.

— Что! Ты уверена?

— Конечно, я уверена! Ее нет в ее комнате, ее нет в моей комнате.

Лора неразборчиво пробормотала с кровати:

— Что происходит? Что-то случилось? — Она с трудом поднялась, все еще полусонная.

— Ничего, дорогая, — сказал я. — Спи.

— Кэрол? Это ты? — Теперь она окончательно проснулась. В ее глазах мелькнул страх.

— Да, Лора. Джессика пропала.

Я оставил их вместе и отправился на поиски племянницы. Она не может быть далеко, рассудил я. Но мое сердце бешено колотилось, и я почувствовал, как страх заползает в желудок. Нахлынули воспоминания о тех первых ужасных минутах в «Хэмлис», когда я поняла, что Наоми действительно исчезла.

Кэрол и Лора присоединились ко мне, и мы вместе осторожно обошли все комнаты на верхнем этаже. Я надеялся, что она могла зайти в комнату Наоми, чтобы поиграть с ее игрушками, но там никого не оказалось, и не нашлось никаких признаков того, что недавно что-то потревожили.

Мы прошли через весь дом, комнату за комнатой, громко зовя ее по имени. Никто не отвечал. Ее никто не мог найти. Я взял фонарик и пошел в сад, проклиная темноту. Через пятнадцать минут, замерзший и дрожащий, я вернулся, устало покачивая головой. Джессики нигде не было.

Мы сели на кухне. Первой заговорила Кэрол. Она сказала то, что крутилось у нас в головах.

— Есть одно место, которое мы еще не проверяли.

Мы посмотрели друг на друга. Даже сейчас, после стольких событий, я все еще ощущаю страх, тошноту того момента.

— Я пойду, — сказал я.

Кэрол покачала головой.

— Я должна пойти с тобой. Джессика — моя дочь. Она моя ответственность.

— Очень хорошо, — я не отказывался, хотел, чтобы она тоже отправилась со мной.

— Я тоже пойду, — заявила Лора.

Я покачал головой.

— Один из нас должен остаться снаружи, — объяснил я ей. — На случай, если что-то пойдет не так.

Она колебалась, затем медленно кивнула.

Дверь на чердак стояла незапертой. Я попробовал вспомнить, запирали ли ее в прошлый раз, когда мы все поднялись наверх и с Льюисом обнаружили замурованную комнату. Но как я ни старался, память меня подводила.

Как только открыл дверь, я почувствовал холод. И дело не только в температуре, этот холод: он присутствовал как внутри меня, так и в воздухе вокруг.

Я включил фонарик и зашагал вверх по лестнице. Солнечный свет не освещал мрак. Темнота прочно удерживала чердак. Она стояла передо мной, как стена, высокая, черная и без просветов. Как и холод, темнота ощущалась скорее внутри меня, чем снаружи. Это моя собственная тьма, моя собственная ночь.

Я начал подниматься по лестнице. Деревянные ступени протестующе скрипели под моими ногами. Когда я поравнялся с полом, луч фонаря исчез в открытом пространстве. Войти в темноту все равно, что быть вывернутым наизнанку. И помимо темноты присутствовало еще что-то. Я различил слабый запах, которого раньше не замечал. Запах напоминал химикаты или разложение. Он казался знакомым, как запах из моего прошлого, но я точно знал, что никогда не чувствовал его раньше.

Кэрол шла позади меня по лестнице. Я потянулся вниз и помог ей подняться на площадку. Она не отпускала мою руку. Я махал фонариком вперед-назад в темноте. Старые теннисные ракетки с маленькими головками, санки, стул. Чердак выглядел так, как и должен выглядеть, не сдвинутым, в понятном мне времени и месте.

Стена все еще оставалась на месте, пол в центре покрыт пылью и обломками. Через отверстие я мог различить тусклый отблеск другого света. Я вспомнил разбитую масляную лампу, которую мы нашли в другой части помещения.

— Туда, — прошептал я. — Ты видишь это?

— Да. — Кэрол все еще держала меня за руку. Мы не держались за руки с тех пор, как были совсем маленькими. Мне это не нравилось. Это казалось... Это имело сексуальный подтекст. У меня возникла эрекция. Это же моя сестра, а у меня эрекция. Я чувствовал себя ужасно. Запах давил на мои легкие, как газ. Я едва мог дышать. Мерзкое возбуждение грозило одолеть меня. Я хотел прикоснуться к Кэрол, разбудить ее, втянуть, кричащую и возбужденную, в свой эротический сон. Я тяжело дышал, борясь с навязчивым желанием, и плотно закрыл глаза. Темнота, темнота.

— Ты чувствуешь запах? — спросил ее.

— Запах чего? Что ты чувствуешь?

— Неважно, — отмахнулся я. Мое дыхание участилось. Рука дрожала, когда я светил фонариком на противоположную стену. Я снова открыл глаза. Кэрол так крепко держала меня за руку.

Мы вместе подошли к отверстию в стене. Свет становился все сильнее. Была ли это тьма, душившая меня? Или я сам, моя похоть, моя ненависть к себе?

Я заглянул в отверстие. Зажженная лампа стояла на полу возле кресла. В кресле сидела Джессика с куклой на коленях, не обращая на меня внимания. Ее волосы свисали на глаза, она раскачивалась взад-вперед. Рядом с креслом стояла Наоми, в одежде, которую я надел на нее в утро нашей поездки в Лондон, одежде, которую я в последний раз видел в пластиковых

пакетах в Скотланд-Ярде. Она посмотрела на меня и улыбнулась.

Кэрол отпустила мою руку. Я шагнул через проем. Меня охватило такое горе, такое ослепляющее горе. Она стояла безупречная в свете лампы. В ней не было ничего призрачного, ничего бесплотного. Мои глаза не могли видеть сквозь нее, я знал, что могу дотронуться, если осмелюсь, если только протяну руку. Ее волосы были мягкими, кожа выглядела чисто вымытой, и я знал, что не сплю. В кошмаре, но не во сне.

Кэрол шагнула через отверстие позади меня. Я слышал ее дыхание, тяжелое, неровное и полное страха.

— Привет, папочка. — Голос Наоми, не голос во сне. Я почувствовал, как слезы ошпарили глаза, ослепляя меня. Я твердил себе, что это не Наоми, что Наоми мертва.

— Здравствуй, тетя Кэрол. Вы ищете Джессику? Джессика пришла ко мне. Мы играем с ее куклой. — Она сделала паузу. — Теперь это моя комната. Я могу играть здесь в любое время, когда захочу.

— О, Господи! — Кэрол стояла рядом со мной, крепко вцепившись в мою руку.

Джессика подняла голову. Казалось, она не обращала внимания на окружающую обстановку. В нескольких футах от нее лежал сверток с человеческими останками, который мы с Льюисом развернули. Два других по-прежнему оставались там, где мы их нашли. Над ними копошились два больших паука, черных и злобных. Я вздрогнул от быстрых движений их длинных лапок.

— Здравствуй, мамочка, — прошептала Джессика. — Я пришла в комнату Наоми, чтобы поиграть с ней. Кэролайн и Виктория придут позже.

— Мы должны забрать ее отсюда, — выдохнула Кэрол. «Отсюда? — подумал я. — Куда? Куда бежать? Тьма тянется бесконечно».

— Разве мама не с тобой? — спросила Наоми. Ее тонкий голос без усилий пронесся сквозь темноту. Она не двигалась. Ее мягкие глаза, казалось, манили, притягивали меня к себе.

Я покачал головой.

— Мама внизу, дорогая, — сказал я.

Кэрол сжала мою руку.

— Ради Бога, не разговаривай с ней. Она не настоящая, ее нет. Помоги мне вытащить Джессику отсюда.

В этот момент из глубины комнаты, из тени, недоступной для света лампы, раздался звук. Шаркающий звук. Я поднял луч фонаря и осветил в ту сторону, откуда доносился этот звук. Боже, почему я просто не побежал?

Они медленно шли к нам, маленькая Кэролайн и маленькая Виктория. Они не были одеты в свои красивые одежды, они вообще не отличались красотой. Наверное, так они выглядели после того, как какое-то время пролежали мертвыми, пока Лиддли не закончил работу по их разделке и завертыванию в рогожу.

В своем внезапном отвращении я уронил фонарь. Он с треском упал на пол, разбившись. Теперь остался только свет лампы. А позади нас — темнота. Темнота и звук дыхания.

Глава 25

Поначалу он был почти невидим, явившись ко мне из привычной темноты, черная как копоть одежда отлично его маскировала. Первым я увидел его лицо, его сверхъестественную белизну, бледность, не похожую ни на какую прижизненную. Он казался истощенным:

истощенным от потери крови, от потери надежды, от потери воли. Его глаза переполняла боль. Они заговорили со мной раньше, чем он открыл рот. Я узнал больше из его глаз, чем из того, что он когда-либо говорил мне, или из того, что я когда-либо читал в письмах или дневниковых записях. В одной руке он держал скальпель. Красный скальпель с костяной ручкой. Его рука блестела от крови.

— Помоги мне. — Его голос звучал тонко, эфирно, отдаленно, как будто доносился с огромного расстояния, как будто он пересек звездные поля, чтобы наконец-то оказаться здесь, в этой последней и глубочайшей тьме. — Помоги мне. — Он стоял лицом ко мне, как человек, которому некуда больше идти. Потерянная душа? Не совсем. Джон Лиддли не потерялся, но он использовал все свои убежища, добрался до последней лазейки. Я был его убежищем, я был его укрытием. Он нуждался во мне, ему нужна моя воля и моя плоть. Я чувствовал себя польщенным, впервые в жизни ощутил суровую необходимость своего существования. Знал, чего он хотел, что должен сделать.

С улыбкой на лице я обернулся. Посмотрел на Кэрол, дрожащую, трясущую, съежившуюся. Она не могла прочесть его взгляд, нет, она не могла понять. Я чувствовал такую похоть. Такое вожделение и, в тот же миг, такую боль, такой гнев.

— Переспы со мной, — сказал я.

Она смотрела на меня, словно не в силах поверить в то, что услышала. Глупая, она казалась такой глупой.

— Что? — пролепетала она. Ровное слово, без интонации. — Что?

— Я хочу, чтобы ты переспала со мной.

— Чарльз, что, черт возьми, происходит? О чем ты говоришь? Ты сошел с ума? Нам нужно убираться отсюда. Сейчас же.

Я сильно ударил ее тыльной стороной ладони по лицу. От удара кровь потекла тонкой струйкой сквозь зубы. Она смотрела на меня в шоке и ужасе. Я ударил ее второй раз. Она покачнулась, и я снова ударил ее, на этот раз ниже пояса. Не говоря ни слова, она упала на пол, застонала и схватилась за живот.

— Ударь ее еще раз. — Лиддли стоял позади меня. Наоми и маленькие девочки исчезли, оставив Джессику в кресле. Я чувствовал себя ужасно одиноким. Наклонился, притянул Кэрол к себе и ударил ее кулаком в лицо. Ее нос смялся, как бумага, кровь хлынула отовсюду. Я позволил ей упасть на пол.

— Отнесите ее туда. — Лиддли указал левой рукой на стену. На мгновение я не понял, но потом вспомнил о цепях.

— Они выдержат? — засомневался я.

Он кивнул. По какой-то причине я ему поверил. В конце концов, он разбирался в этих вещах, а я пока только новичок.

Я тащил обмякшее тело Кэрол по полу, крепко держа ее за лодыжки. Ее голова ударялась о доски пола. Именно этот тянущий, ударяющий звук я слышал ранее, он доносился с чердака.

Джессика сидела прямо в кресле, заметно взволнованная и напуганная. Лиддли вышел из темноты на свет. Она увидела его и замерла, а затем пронзительно закричала. Я бросил Кэрол и в отчаянии огляделся. Я должен прекратить крики Джессики, ее крики могли привести Лору, и Лора начала бы усложнять эту прекрасную простоту, которую мы с Лиддли плели вместе.

Тихо подойдя к Джессике, опустился на колени рядом с ней.

— Все в порядке, Джессика: бояться нечего. Я здесь, с тобой.

Я неуверенно протянул руку и погладил ее по голове, но она отпрянула от меня, смертельно напуганная.

Я хотел успокоить ее. Я хотел сломать ей шею.

Когда поднял голову, то увидел Лиддли в нескольких футах от себя. Рукой, в которой держал скальпель, он указал на маленький столик. Я подошел к нему, и мой взгляд привлек ящик с хирургическими инструментами. Я сразу же понял, что он имел в виду. Открыл ящик и достал длинное, блестящее лезвие, о назначении которого я не мог догадаться. Оно выглядело почти идеальным, незапятнанным, красивым. Его острое прорезало тонкую линию на подушечке моего большого пальца. Джессика все еще всхлипывая, кричала.

Моя рука ни разу не дрогнула. Длинный скальпель казался знакомым, его вес, баланс. Мои пальцы знали, что делать. Он смотрел, как я подхожу к племяннице, как беру ее волосы в левую руку и оттягиваю голову назад, как замахваюсь, как перерезаю ей горло тем плавным, косым движением, которому научили меня его глаза. Мне не требовалась практика, я легко уклонялся от крови. Она дернулась раз, два, три раза, затем упала на пол. Судорога всех ее конечностей повергла ее в последнюю неподвижность.

Я помню эти моменты с особой ясностью, как будто каждый из них создавался специально для меня как сосредоточение для тревожных воспоминаний. Они преследуют меня сейчас, как и все другие яркие моменты моего и его творения. Помню, что в один и тот же момент чувствовал себя больным и диким от радости. Частью меня был я сам, потрясенный тем, что натворил и что собирался сделать, частью — то, чем я становился под невидимой опекой Джона Лиддли.

Бедная Джессика, все доверие предано, вся безопасность уничтожена в один блестящий момент исполнения. И все же как удачно, что ей не пришлось страдать от затяжных мук, которые пережила моя Наоми. Так же, как сейчас я переживаю те же муки лишь вспоминая, все их муки и мои собственные удвоены и преумножены.

Должно быть, я впал в оцепенение, ослепленный кровью — мой первый вкус этого завораживающего волшебства. Лиддли вырвал меня из него с криком невнятной тревоги. Я обернулся, как лунатик, которого разбудили, и увидел, что Кэрол поднялась на ноги и, шатаясь, направляется ко мне. Я бездумно ударил ее, прочертив тонкую линию по щеке. Боль отбросила ее назад, позволяя мне приблизиться, нанести еще один удар, оттащить ее к стене и бросить на пол.

Цепи застегивались с помощью простой застежки, на запястьях и лодыжках располагались тяжелые железные наручники. Я надел их на Кэрол и защелкнул. Бедняжка, она уже не протестовала, она почти не понимала, где находится. Я хотел, чтобы она оставалась в таком состоянии. Помню, я заплакал, когда делал это, не знаю почему, возможно, от жалости. Я догадывался, через что она проходит, и хорошо представлял, что будет дальше.

Я как раз заканчивал свою работу, когда услышал слабый голос, зовущий со стороны лестницы. Лора волновалась все больше и больше. Она слышала крики, сдерживалась, потом набралась смелости и поднялась по лестнице. Она несла маленький фонарик для чтения, который я держал у кровати. Он давал очень мало света, едва хватало, чтобы видеть. Я слышал, как она спотыкалась, когда заходила на чердак.

— Чарльз? Кэрол? Где вы? Что происходит? — Страх неприкрыто звучал в ее голосе.

— Сюда, Лора, — позвала я.

— Чарльз? Это ты?

— Да, — ответил я, стараясь говорить ровно и уверенно.

Она подошла ко мне из темноты, как это сделал Лиддли, но гораздо менее резко. Казалось, он исчез. Я встал перед Джессикой, загораживая Лоре обзор.

— Я слышала голоса, Чарльз. Кто-то кричал. Я не знала, что делать.

— Ничего не поделаешь, Лора. Ничего не поделаешь.

Она посмотрела в сторону потайной комнаты.

— Так было в моих снах, — прошептала она. — Чердак. Эта комната.

— В твоих снах?

— Да, — подтвердила она. — Тех, о которых я тебе рассказывала. Когда ты в первый раз вскрыл стену и нашел потайную комнату.

Я кивнул. Теперь я вспомнил.

— Что случилось? — спросил я. — Во сне.

Но она не ответила. Ее глаза были прикованы к моему лицу. Испуганные глаза, глаза, которые не понимали.

— Что происходит, Чарльз? Где Кэрол?

— Она там, — ответил я.

— Ты нашел Джессику?

Я кивнул. Лиддли стоял позади нее. Она не замечала его. Он заговорщически улыбался мне, улыбался и кивал. Я чувствовала влагу пота на своем лбу. Лиддли все еще пугал меня.

Я отошел в сторону. Лора замерла. Я знал, что она увидела Джессику. Ей потребовалось несколько мгновений, чтобы осмыслить то, что она видела, в полумраке, в клубке крови и белой кожи. Затем она закричала, долгим, пронзительным криком, который как лезвие резанул по моему телу. Я заставил ее замолчать одним ударом.

Когда они обе успокоились в своих цепях, я раздел их, используя длинный скальпель, которым убил Джессику, срезая одежду с их тел, как рыбак снимает кожу с рыбы. Лиддли все время оставался со мной. Я чувствовал его возбуждение, его вновь пробудившуюся похоть. Позже он сказал, что секс служил ему единственным утешением после смерти жены и любовницы, что он пытался утопиться в нем, как в реке.

В ту ночь я занимался сексом с ними обеими несколько раз. Меня возбуждала не моя потенция, а его. В конце концов, я это делал не для себя, а для него. У него имелась какая-то цель в этом, хотя я так и не поняла, какая именно. Это как-то связано с его освобождением, освобождением, которого он всегда искал. В этом и заключалась его проблема: он хотел быть свободным, но связывал себя все сильнее и сильнее.

После этого я спал самым тяжелым, самым чистым, самым освежающим сном в своей жизни. Без всяких кошмаров.

Глава 26

Следующим утром я проспал довольно долго. Никто не подходил к двери, никто не звонил. Я проснулся голым в своей комнате, и несколько минут все случившееся казалось мне страшным сном. Потом я посмотрел на стол рядом с собой и увидел длинный скальпель, все еще покрытый следами крови Джессики.

Они все еще находились на чердаке, где я их оставил. Лиддли тщательно проследил за тем, чтобы два комплекта цепей оставались достаточно далеко друг от друга, чтобы один человек не мог помочь другому сбежать. Кэрол, казалось, испытывала сильную боль от

нанесенных мною ударов. Особенно ее нос, скорее всего, причинял ей почти невыносимые мучения. Я оставил им немного еды и воды и сказал, что вернусь позже. Ни одна из них не заговорила со мной, как будто я чужак, а не муж или брат. Еда их не интересовала.

Мне предстояло решить несколько вопросов. Во-первых, возникла проблема контроля. Цепи будут держаться: я успокоил себя на этот счет. Но я не мог допустить, чтобы они плакали или кричали без разбора в любое время дня и ночи. Мне пришлось хорошенько подумать, прежде чем я пришел к решению, но, когда оно нашлось, то оказалось настолько простым, что я мог бы прослезиться. Все играло мне на руку.

Двумя годами ранее я занимался с одним студентом, молодым человеком по имени Симпсон, симпатичным, но безрассудным. Симпсон попал в неприятности, сначала с руководством колледжа, потом с полицией. Его проблемой стали наркотики, начиная с марихуаны и заканчивая более тяжелыми веществами. В конце концов, его исключили из колледжа, но по какой-то причине он остался в Кембридже. С ним была женщина, кажется, и группа товарищей по отчислению, которые жили в коммуне на Милл-роуд.

Мне не потребовалось много времени, чтобы найти его. Дом зарос грязью. Как и Симпсон, если уж на то пошло. С момента нашей последней встречи его состояние ухудшилось. Взгляд потух, зрачки стали почти как булавки, щеки впалые и бледные. Странно, но он по-прежнему обладал безупречной связностью речи. Он без ошибок процитировал мне отрывок из «Беовульфа», но не смог его перевести.

Мы провели немного времени за разговорами, но вспоминать нам особо нечего. Я был успешным профессором, он — академическим и социальным неудачником. У меня жизнь ещё впереди, а у него она уже закончилась. Я использовал его, и он это знал.

Не знаю, обижался ли он на что-то из этого, и приходило ли ему в голову спросить, зачем мне эти вещи. Он называл это «снаряжением» и обозвал подкожный шприц «шипом». Этот жаргон очаровал меня, я мог бы говорить с ним часами, но у меня еще оставались дела. Он объяснил все, что нужно знать о дозировке и частоте, и рассказал, как делать инъекции — «заводить», как он выразился. Я дал ему денег и сказал, что их будет больше, если он сможет достать еще столько же. Я не думал, что потом будет трудно от него избавиться.

Вскоре после возвращения в дом я сделал им первые уколы. Мои пленницы оставались в сознании, но были послушны. Я провел с ними вторую половину дня. В один из моментов чердак сдвинулся. Лиддли присутствовал там со своей женой и дочерьми. Он улыбнулся мне, а затем отвернулся, уходя по своим делам. В этот момент Лора окончательно расклеилась.

Незадолго до наступления темноты я отправился на машине в Нортгемптон. Ключ от дома Кэрол лежал в ее сумочке, и я знал, что мне не составит труда попасть внутрь. На окраине города я остановился у магазина «Сэйнсберри», чтобы купить провизию и пару тонких резиновых перчаток. Я знал, что именно в этом супермаркете Кэрол делает свои еженедельные покупки: Я бывал там с ней пару раз.

Когда я пришел, уже стемнело. Никто не видел, как я вошел в дом. Я позаботился о том, чтобы припарковать машину в нескольких улицах дальше. Внутри я приготовил несколько блюд на три персоны, накрыл стол на троих и подал три порции всего. Съел немного, выкинул объедки в мусорное ведро вместе с обертками, а то, что осталось, смыл в унитаз. Остатки покупок я положил в холодильник. Все это время я ходил в резиновых перчатках.

Я уже стер отпечатки пальцев со всех предметов, с которыми возился в супермаркете. Но чтобы быть уверенным, я оставил отпечатки пальцев Кэрол, Лоры и Джессики на

упаковках продуктов, посуде и столовых приборах. Я принес три комплекта пальцев в отдельных пластиковых пакетах. Позже я глубоко закопал их в поле за Гранчестером, недалеко от бассейна Байрона.

Оставался последний штрих. Я нашел ключи от машины Кэрол в ее сумочке. Мне не потребовалось много времени, чтобы найти ее паспорт в ящике стола: Джессика была вписана в него, как я и ожидал. Паспорт Лоры я уже забрал из дома. Маленький «Рено» Кэрол стоял в гараже с почти полным баком бензина. Время близилось к десяти часам, уже достаточно темно и тихо, чтобы уехать незамеченным, но еще не слишком поздно, чтобы привлечь ненужное внимание. Я поехал прямо в Бирмингем по трассе М6. Когда я добрался туда, на часах было чуть больше одиннадцати. Я оставил машину на стоянке в аэропорту. Перед уходом приготовил несколько оберток от шоколада и хрустящих конфет с отпечатками пальцев Кэрол и Джессики. Их я оставил на заднем сиденье вместе с пустой бутылкой из-под газировки. Я закрыл машину и выбросил ключи в ближайший сток.

На позднем поезде вернулся в Нортгемптон, сразу же сел в машину и быстро доехал до Кембриджа. Перед тем как лечь спать, проверил, что Лора и Кэрол все еще в том состоянии, в котором я их оставил. Я перевязал их раны и поцеловал их. Лора плюнула в меня. В доме стояла жуткая тишина. Снаружи я слышал ветер, который свистел сквозь деревья в саду.

На следующий день я проснулся сразу после полудня, чувствуя себя усталым и раздраженным. Около трех часов затрещал телефон. Звонил инспектор Эллисон. Он направлялся в Кембридж и хотел срочно встретиться со мной. Буду ли я дома? Я недолго колебался. У меня будет достаточно времени, чтобы дать каждой из них дополнительную дозу. На всякий случай.

— Да, — сказал я. — Я буду дома. Приходите, в любое время.

Он приехал через полчаса. Полицейский в форме ждал его в машине на улице. Я убрал все следы Кэрол и Джессики. Я планировал сжечь их одежду и багаж позже, в котельной колледжа. Когда он спросил, как там Лора, просто ответил, что она все еще в Нортгемптоне. Я разговаривал с ней вчера днем. Он кивнул и последовал за мной в кабинет.

— Как вы узнали? — спросил он.

— Узнал? Простите, но я не понимаю.

— О Де ла Мере. Как вы узнали о нем?

— Значит, я оказался прав. — Я почувствовал, как меня пронзает дрожь удовлетворения. Как совершенен этот мир. Как похож он на двигатель, в котором все детали работают в единстве и синхронности.

— Догадался, — ответил я.

Он молчал некоторое время, его глаза не отрывались от моего лица. Когда он заговорил снова, его голос звучал менее терпеливо.

— Почему вы лжете мне, доктор Хилленбранд?

— Давайте вы расскажете, что именно наши. Тогда мы сможем решить, лгу я или нет.

Он вздохнул.

— Очень хорошо. Сегодня рано утром я арестовал человека по имени Де ла Мере. Джереми Де ла Мере. Он живет в Спиталфилде, в доме менее чем в трехстах ярдах от того места, где мы нашли вашу дочь. У него мы обнаружили туфли Наоми и несколько ножей. Ножи соответствуют описанию оружия, которое, предположительно, использовалось при ее убийстве. Сейчас над ними работает наша криминалистическая лаборатория.

— Но это в основном вопрос времени. Он признался в убийстве Наоми. Он также признался в убийствах суперинтенданта Рутвена и Дафидда Льюиса. Он говорит, что действовал по приказу, что кто-то по имени Лиддли сказал ему совершить эти убийства.

Эллисон откинулся в кресле.

— Вы умный человек, доктор Хилленбранд. Должен ли я говорить, насколько подозрительно, что вы знали имя и местонахождение этого человека, что смогли привести меня к нему с такой легкостью?

Я ничего не сказал. Эллисон продолжил.

— Признаться, доктор, я думаю, что вы и есть Лиддли. Считаю, что вы посещали Де ла Мере под этим именем и тем или иным способом убедили его совершить эти убийства по вашему приказу. Я бы хотел, чтобы вы поехали со мной, чтобы встретиться с Де ла Мере для установления личности.

— Понятно. — Я посмотрел в окно кабинета, на игру света и тени на деревьях. — Вы думаете, я организовал убийство собственной дочери?

— Я действительно не знаю, доктор Хилленбранд. Мне бы не хотелось так думать. Но мне кажется, что это единственное возможное объяснение вашей связи.

— И у вас есть мотив?

Он покачал головой.

— Только вы знаете его.

— А Рутвен и Льюис — вы думаете, у меня тоже имелся мотив для этих убийств?

— Возможно. Рутвен, вероятно, собирался что-то раскрыть. И Льюис тоже. Это вполне правдоподобно.

— Вы не поверите в правду, — сказал я.

— Попробуйте, — ответил он.

Что я мог сделать? Что я мог сказать? Я достал фотографии, просмотрел их одну за другой. Сначала он отнесся к ним скептически — а кто бы не отнесся? — но, когда мы дошли до снимков, сделанных Льюисом, на которых запечатлен чердак и его обитатели, прежде всего Кэролайн и Виктория в их менее чем красивом, менее чем любимом обличье, я увидел, как он вздрогнул и побледнел.

После этого он молчал несколько минут. Его взгляд остановился на окне. Он перебирал разбросанные фотографии, играя с их краями, а затем отступая. У него были сильные, умелые пальцы, пальцы, которые могли бы сломать руку человека без всяких усилий. Я терпеливо ждал.

— Это слишком для меня, чтобы принять все сразу, доктор Хилленбранд. Я не знаю, что мне делать с этим, как и с вами. Мне трудно поверить, что вы можете быть настолько изощренным, что можете пойти на такие сложности только для того, чтобы придумать настолько неправдоподобную историю.

— Вы можете проверить пленку Льюиса, — подсказал я. — Он сохранил все негативы. Уверен, у вас есть люди, которые могут проверить фотографию на предмет подделки.

— Да, на предмет мошенничества. Но фантомы? Колдовство из чьего-то худшего кошмара? — Он сделал паузу. — Я бы хотел осмотреть ваш чердак, доктор. Если у вас есть фонарь, возможно, мы сможем подняться наверх.

Я почувствовал, как дыхание перехватило в горле, словно патока. Почему я проявил такую беспечность, почему позволил Эллисону присутствовать в доме, где так много может пойти не так? Я отчаянно огляделся в поисках Лиддли. Голова шла кругом, я чувствовал себя

как в смирительной рубашке. Где ты? Мне хотелось плакать.

— Вы в порядке, доктор?

— Я... Я не хочу туда ходить, — сказал я. — После того, что случилось. В прошлый раз нам с Льюисом едва удалось выбраться невредимыми. Если бы мы остались...

— Все в порядке, — заверил он. — Вам не обязательно пониматься. Просто покажите мне, куда идти, и одолжите свой фонарь.

— Это может оказаться небезопасным.

— Я сам буду об этом судить. — Теперь он стоял на ногах.

— Пожалуйста...

— В чем дело, доктор Хилленбранд?

Я тоже встал, качая головой, оттягивая время.

— Нет, я пойду с вами, — заявил я. — Но предупреждаю, он может быть там. Вы его не видели, вы не можете...

Инспектор уже прошел через дверь, направляясь к лестнице. Я последовал за ним, безумно размышляя. Его нужно остановить, остановить любой ценой. Я сходил с ума: быть так близко, видеть, как рычаги поднимаются и опускаются с такой точностью...

Мы добрались до двери на чердак. Я оставил фонарь на полу снаружи. Эллисон поднял его и открыл дверь — я не потрудился запереть ее.

— Сюда?

Я кивнул. Он направился вверх по лестнице, а я шел следом, мое сердце колотилось, все еще не мог решить, как поступить. Почему Лиддли ничего не сделал? Почему он не вмешался?

В том месте, где лестница заканчивалась и начиналась площадка, Эллисон обернулся ко мне, дрожа.

— Вы правы, — сказал он. — Здесь холодно. Достаточно, чтобы отморозить яйца.

Он не отличался интеллигентностью, не страдал утонченностью определенного рода, но этот внезапный переход к грубости ожесточил меня по отношению к нему. Я был благодарен за это, благодарен за оправдание, которое, как знал, поможет мне в том, что я вынужден буду сделать. Я думал о кирпичах, тех, которые помогал Льюису выбивать из стены, думал о том, какие они острые и прочные, как легко взять один из них, поднять, опустить...

Далеко внизу раздался звонок в дверь. Мы оба замерли. Я понял, что, несмотря ни на что, Эллисон нервничал, поднимаясь сюда. Звонок раздался снова, более продолжительный.

— Это, должно быть, сержант Арклесс, — проворчал Эллисон. — Я сказал ему звонить, если для меня появятся какие-нибудь сообщения.

Еще один звонок, сопровождаемый тремя громкими стуками.

Когда мы спустились вниз, я открыл дверь и увидел, что водитель Эллисона стоит на ступеньке. Я отошел в сторону, чтобы пропустить инспектора.

— Что случилось, сержант?

— Лондон по рации, сэр. Вы должны немедленно вернуться. С нашим задержанным, с Де ла Мере, сэр, вышла промашка.

— Что за промашка?

Арклесс колебался, глядя на меня.

— Ну, давай, парень.

— Он сам себя прикончил, сэр. Так кажется. Но это может быть... Трубноу командовал

в то время, сэр.

— Понятно. Хорошо, Арклесс. Передай, что я сейчас же вернусь.

Арклесс кивнул и вернулся в машину. Эллисон повернулся ко мне. Его лицо выражало недовольство, особенно глаза. Они отражали то разочарование, гнев, бессилие, которое он испытывал. Гнев и бессилие хорошо сочетаются.

— Похоже, что вам нет смысла сопровождать меня в Лондон, доктор Хилленбранд. Берегите себя. Я вернусь завтра. И буду благодарен, если вы позвоните своей жене и попросите ее присоединиться к нам. Есть несколько вопросов, которые я хотел бы ей задать.

Глава 27

Пришлось действовать быстро. Нельзя было терять ни минуты. Лиддли, конечно, будет разочарован, ему придется отказаться от удовольствия, которого он ждал все это время. Но Эллисон не оставлял мне выбора. Как бы кратковременна ни оказалась эта передышка, она укрепила мою уверенность в том, что все идет к моему удовольствию.

Я нашел в шкафу под лестницей тяжелую метлу и щетку для пыли поменьше и отнес их на чердак. Позднее полуденное солнце усыпало деревянный пол красными и желтыми бликами. Я подошел к ставням и плотно закрыл их. В комнате стоял мрачный холод, воздух в ней витал чудовищно сырой и болезненный. Запах все еще лежал на всем, оттеняя холод грустью и предчувствием перемен. Лиддли не наблюдалось, но я слышал рядом голос, детский голос, который тихонько пел. От этого голоса по моей плоти пробежали мурашки, но я знал, что должен довести начатое до конца.

У щели в перегородке я остановился и заглянул во внутреннюю комнату. Масляная лампа горела, отбрасывая ровный свет на паутину и уродливые выцветшие обои. Наоми сидела на полу возле матери и тихонько напевала ей. Я научил ее этой песне, которую поет маленькая Перл в «Ночи охотника».

*«Жил на свете красивый мотылек,
У него была прелестная жена,
Которая не умела летать,
Но однажды она улетела, улетела.
У него было двое красивых детей.
Но однажды ночью эти двое красивых детей
Улетели, улетели, в небо, на луну...»*

Когда Наоми закончила, она посмотрела на меня и улыбнулась. Папина дочка улыбается, когда папа возвращается домой.

— Привет, папочка, — сказала она.

Я закрыл глаза. Мне было невыносимо видеть ее, слушать ее. За последние недели я столько всего пережил, но это оказалось для меня просто непосильным.

— Маме нездоровится, — сообщила она. — Она все время хочет спать. И тетя Кэрол тоже ужасно больна. Как Кэрлайн и Виктория, и их мама иногда. Что мы будем делать, папочка?

Я не мог держать глаза закрытыми. Неохотно я открыл их и посмотрел на нее.

— Я не знаю, дорогая, — ответил я.

— Почему ты плачешь, папочка? Это потому, что маме плохо?

— Да, — только и сказал я. Как она могла не знать? Я думал, что мертвые знают все.

Конечно, теперь понимаю лучше. Мертвые знают так же мало, как и мы сами. Они — это мы сами: преображенные, но не ставшие новыми.

Лора и Кэрол оставались в полуобморочном состоянии. Так будет добрее, подумал я. Но забыл о нем, о нем и его нуждах. Я подошел посмотреть на Кэрол. Даже под действием героина я видел, что ей очень больно.

— Мне пора идти, папочка, — заявила Наоми. Теперь я думал о ней как о Наоми, отбросил притворство, что она превратилась в чудовище в облике моей дочери.

Я оглянулся. Ее там больше не было. Я выключил фонарик и при свете лампы начал сметать обломки с главного чердака в замурованную комнату. Все целые или почти целые кирпичи, которые попадались в куче, я отделял от остальных, аккуратно складывая их в стопку. На главном чердаке я сохранил небольшую пирамидку из пыли и песка, расположенную по одну сторону от дыры.

Сделав все это, я взял фонарь и метлу и вернулся вниз. Свет почти полностью исчез с неба. Словно лицо, из которого вытекли краски и жизнь. Как лицо Джессики в свете моего фонаря. В своем ящике с инструментами нашел молоток и зубило.

В юго-западном углу сада возвышалась старая стена, окружавшая небольшую овощную грядку. Она пришла в негодность, и мне не потребовалось много усилий, чтобы отколоть все кирпичи, которые, как я думал, мне понадобятся. Большинство из них просто рассыпались у меня в руках, раствор крошился, как будто в результате естественного обвала.

Из гаража я взял шпатель и небольшой мешок цемента. За пару десятков шагов отнес весь груз наверх, поставил его на пол и устроился отдохнуть, сидя на стопке кирпичей, которую приготовил. И тут я услышал его, его темное дыхание позади меня, а затем его голос, который до сих пор леденит мою кровь.

— Я понимаю все, что вы делаете, сэр. Вы хотите покончить с этим?

Я ничего не ответил. Как же я устал, как сильно устал.

— Ну же, сэр, давайте, мы это уже проходили. Не будьте таким отстраненным.

— Их почти нашли сегодня, — вспыхнул я. — Человек, который приходил сюда, — инспектор полиции.

— Я ничего не знаю о полиции, сэр. Разве вы не хозяин в своем доме? В мое время сюда приходили люди. Уверяю вас, они не заходили так далеко.

— Все изменилось, — с сожалением отметил я. — Он может принести ордер, если захочет, и обыскать дом сверху донизу. Так будет лучше.

— С ним можно разобраться.

— Нет! — воскликнул я. Я держался с ним резко. За все это время я ни разу не обернулся. — Это глупо, это приведет их прямо сюда. Оставь все как есть. Не вмешивайся.

— У нас есть вечер, — донеслось от него.

Я зажал уши руками, но все равно слышал его, мягкий и вкрадчивый, его голос журчал, как мед. Он вышел из моей спины и оказался прямо передо мной. Я не сводил с него глаз.

— Они вернутся не раньше завтрашнего утра. Работа, которую вы задумали, не займет много времени. Времени достаточно, чтобы доставить нам удовольствие.

— Ты знаешь, кто я? — мне казалось, что это лишь вопрос времени, когда Эллисон выяснит это.

Лиддл на мгновение замолчал.

— Да, — сказал он. — Конечно. Я всегда знал. Еще до того, как вы узнали про себя.

— Ты использовал меня, — простонал я.

— Мы используем друг друга. Так было всегда. Живые используют мертвых, мертвые — живых.

— Это не оправдание.

— Я не оправдываю себя. Мои действия не нуждаются в оправдании. Как только границы нарушены...

Я попытался встать. Он смотрел на меня, используя силу, которая превосходила все материальное.

— Сегодня вечером, — повторил он. — Чтобы запомнить их.

Даже когда он говорил, я чувствовал, как его сила наполняет меня. Замечал, как моя двойственность становится чистой единственностью. Еще одна ночь пройдет быстро. Слишком быстро.

Утром, вскоре после рассвета по моим часам, я замешал цемент и уложил кирпичи ряд за рядом так хорошо, как только мог. Это нельзя назвать идеальной работой, но она и не должна быть такой. Я размазывал по свежему раствору грязь и копать. Закончив, с величайшей осторожностью собрал нити паутины с других частей чердака и положил их на кирпичную стену. В свете моего фонаря соединения почти не видны. Внутри они оставались все еще живыми. Но только чуть-чуть.

Эллисон вернулся позже тем утром. Он не выглядел счастливым человеком. С момента возвращения в Лондон накануне он почти ни на минуту не отлучался из участка. Де ла Мере оторвал полосу от одеяла в своей камере, свернул ее в тугий клубок и затолкал себе в горло, отчего задохнулся. Наличие рвоты в камере свидетельствовало о том, что ему потребовалось несколько попыток. Инспектор Эллисон пребывал не в лучшем настроении.

— Почему вы раньше не рассказали мне о своей матери? — Таким был первый вопрос, который он задал. Он оказался быстрее, чем я ожидал.

— Моя мать? Почему я не рассказал вам, о чем?

— Что ее девичья фамилия — Лиддли.

Я долго смотрела на него, как будто внезапно пришло осознание. Но я, конечно, знал все это время.

— Мне и в голову не приходило, что это может иметь отношение к делу, — соврал я. — Это не такое уж редкое имя. Даже не думайте впутывать в это мою мать.

— Я не знаю, что и думать, доктор Хилленбранд. Ваша мать — еще один потомок Джона Лиддли? Или Джон Лиддли — плод вашего воображения? Я предположил ранее, что вы сами можете быть Лиддли. Эта гипотеза начинает казаться мне все более и более привлекательной. Вполне правдоподобно, что вы воспользовались фамилией своей матери.

— Я уже говорил вам, это совершенно нелепо.

— Правда? Вы преподаете такую логику своим студентам?

— Я не специалист по логике.

— Ясно.

— Вы видели фотографии.

— Я офицер полиции, доктор Хилленбранд, а не маг.

— Тем не менее, я умоляю вас использовать ваше воображение.

— Значит, вы признаете, что Лиддли — это просто человек, которого вы выдумали?

Я почувствовал раздражение.

— Я не признаю ничего подобного. Лиддли был реален. И сейчас существует. Этот факт

может быть доказан в любой приличной библиотеке. Вы можете увидеть его письма в Даунинг-колледже.

— Возможно. Но мы можем поговорить об этом позже. А пока у меня есть ордер на обыск вашего дома.

— Будьте моим гостем, — пригласил я. Чего мне было бояться?

— И я по-прежнему хочу поговорить с вашей женой. Она уже вернулась из Нортгемптона?

Я решил не скрывать исчезновение Лоры.

— Мне очень жаль, инспектор, но ее здесь нет. Ее нет и в Нортгемптоне. Я звонил ей вчера, как вы просили, но ответа не получил. Я пытался снова весь вчерашний вечер. И сегодня утром. Я пытался дозвониться в офис Кэрол, но там никто ничего не знает.

— Сначала пропала ваша дочь, потом жена и сестра.

— На что вы намекаете, инспектор?

— Я еще не уверен. Прежде всего, я хотел бы произвести обыск.

Он привел констебля из машины, и они вместе отправились на чердак. Я сопровождал их, наблюдая из тени, как они выполняют свою задачу. Они испытывали беспокойство. Им не пришлось в голову открыть ставни. Они вели поиски при свете фонарей, снова и снова проходя перед стеной, за которой лежали истекающие кровью Лора и Кэрол. Разумеется, они ничего не нашли.

— Вы можете дать мне адрес вашей сестры в Нортгемптоне, доктор Хилленбранд?'

Я продиктовал ему адрес и смотрел, как он уходит. Знал, что инспектор Эллисон будет приходить снова и снова, чтобы допросить меня, но не сомневался, что он ничего не найдет. Когда он ушел, я набрал номер своих родителей, чтобы сказать, что Лора и Кэрол пропали, и спросить, не видели ли они их и нет ли от них вестей. Когда я положил трубку на место, моя рука дрожала как осиновый лист. Кровь стучала в моей голове. В доме повисла тишина. С тех пор в нем никогда не бывало так тихо.

Глава 28

За двадцать лет я ни разу не смог отлучиться из своего дома. Не проводил ни отпусков, ни выходных, ни вечеров в Лондоне или Кембридже. Я выхожу из дома, чтобы провести занятия, или сделать покупки, или посетить церковь. Иногда хожу на собрания колледжа или факультета. Вот и все. Мои коллеги считают меня немного странным, затворником. Они перестали приглашать меня на званые обеды много лет назад. Я никогда не ем в компании руководства, даже в День Основателей. Меня не сторонятся, но мне не рады. Конечно, они объясняют это смертью Наоми и исчезновением Лоры. Они не знают ничего лучшего, да и зачем им это?

Полиция нашла машину в аэропорту, как и предполагалось. Когда меня спросили, я сказал им, что паспорт Лоры пропал. Была официальная запись о существовании десятилетнего заграничного паспорта на имя Кэрол, но в ее доме документ не нашли. Конечно, они проверили все рейсы за этот период и не нашли никаких следов двух женщин и ребенка.

Отпечатки пальцев озадачили их, как я и ожидал. Недавно купленные продукты, кассовый чек из магазина «Сэйнсберри», вымытая посуда, данные на парковочном талоне (который я оставил в бардачке машины) — все свидетельствовало о времени, которое исключало меня из числа подозреваемых.

Несмотря на это, Эллисон преследовал меня еще долгое время. Он упорно продолжал считать, что мы с Лиддли одно целое, что я выбрал Де ла Мера по своим собственным причинам и соблазнил или заплатил ему за убийство моей дочери, Льюиса и Рутвена. Но у него не имелось доказательств. Де ла Мере мертв и не мог дать показания. Я находился в Кембридже, когда Лора, Кэрол и Джессика исчезли в Бирмингеме. Мои характеристики выглядели безупречно.

Я не знаю, как долго длилось бы преследование Эллисона, если бы он мог продолжать его по своему усмотрению, но оно резко закончилось, когда он заболел через шесть месяцев после своего первого визита в наш дом. Через девять месяцев он умер в больнице. Диагноз гласил: рак. Его преемник закрыл дела Наоми, Льюиса и Рутвена, приписав убийства Де ла Мере, тем более, что тот признался. Исчезновения, конечно, оставались открытыми, но со временем они перестали волновать воображение.

Сначала я пытался вернуться к нормальной жизни, или настолько нормальной, насколько это вообще возможно в данных обстоятельствах. Осенью того года я снова начал преподавать. Я приступил к серьезному исследованию — сравнительному изучению романов о Граале на среднеанглийском, среднегерманском и среднефранцузском языках. Оно так и не было завершено. За двадцать лет я почти ничего не написал. Я, как однажды с горечью заметил один старший коллега не совсем внятно, «не реализовал свой потенциал». Мне платят зарплату, более чем достаточную для моих скромных нужд, позволяют преподавать горстке студентов, держат подальше от меня студентов-исследователей, вежливо проходят мимо на улице. Я не обижаюсь на них, и они не испытывают ко мне ни малейшей неловкости.

Я вернул фотографии в жестяную коробку. Если эта запись когда-нибудь будет найдена, они станут важны для свидетельства. Некоторые из них сильно потускнели за годы, но в основном они точно передают то, что мы видели. Если бы Льюис вернулся со своей камерой, я осмелюсь предположить, что он мог бы создать еще одно портфолио из того, что смог бы найти здесь сейчас. Но лучше не надо, лучше не надо.

Конечно, они не изменились, не постарели ни на мгновение, в то время как я стал седым. Я не знаю, сколько еще смогу продержаться. Хотелось бы думать, что смерть может прийти как освобождение, но знаю, что это не так.

Вместо этого я разработал стратегию. Это не очень хорошая стратегия, видит Бог, но я верю, что она может принести какую-то пользу. Я решил продать дом. Он действительно слишком большой для меня. Место поменьше подойдет мне гораздо лучше. Лора, Кэрол и Джессика, конечно, не займут много места. Вчера я снова открыл чердак, чтобы посмотреть, как они там. Они прекрасно поместятся в мой старый сундук, который я купил, когда был студентом. Тогда я и подумать не мог, что он мне так пригодится.

Я уже нашел потенциальных покупателей — местную семью, которой нужен дом побольше. Отец — медик, консультант в больнице Папворт. У него две маленькие девочки, одной семь лет, другой девять. Это очаровательные малышки, очень похожие на свою мать. Младшая дочь напоминает мне Наоми.

Фамилия семьи — Голсуорси. Полагаю, это старая кембриджская семья. Они были прихожанами церкви на протяжении многих поколений.

Джон сказал мне, что он доволен этим решением. Ему и доктору Голсуорси будет, о чем поговорить.

Конец

